ИСТОРИЧЕСКІЕ ДОКУМЕНТЫ

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ЦАРСТВОВАНІЯ

АЛЕКСАНДРА I

Изданіе Э. Л. Каспровича
въ Лейпцигѣ 1880 г.

BERLIN
J. LADYSCHNIKOW VERLAG G. M. B. H.

Изданія бывшаго издательства
Э. Л. КАСПРОВИЧА въ ЛЕЙПЦИГѢ:

	м. пф.
Бѣлый терроръ или выстрѣлъ 4 апрѣля 1865 г. Разсказъ одного изъ сосланныхъ (1875)	1 50
Воспоминанія княгини Е. Р. Дашковой (1876) . . .	4 —
Записки Екатерины II, императрицы Россіи. Переводъ съ французскаго (1876)	5 —
Записки генерала Н. А. Саблукова о временахъ императора Павла I и о кончинѣ этого государя (1902) . .	2 —
Записки князя Трубецкаго (1874)	1 50
Записки Ивана Дмитріевича Якушкина (1874) . . .	2 —
Историческіе документы изъ временъ царствованія Александра I (1880)	2 50
Краткое обозрѣніе существующихъ въ Россіи расколовъ, ересей и сектъ, какъ въ религіозномъ, такъ и въ политическомъ ихъ значеніи. Составилъ Липранди (1883)	1 —
Матеріалы для біографіи княгини Е. Р. Дашковой (1876)	2 —
Матеріалы для біографіи императора Павла I (1874)	1 50
Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина и письма его къ Рылѣеву, Бестужеву и другимъ (1875)	1 50
Матеріалы для біографіи К. Ѳ. Рылѣева (1875) . . .	1 50
Матеріалы для будущей исторіи Сибири и ссылки Михайлова (1880)	1 50
Матеріалы для исторіи гоненія студентовъ при Александрѣ II (1902)	2 50
Матеріалы для исторіи царствованія императора Николая Павловича (1880)	3 —
Новгородское возмущеніе въ 1831 г. Записки полковника Панаева, временнаго начальника возмущенія (1874)	1 —
Нѣкоторыя выписки изъ бумагъ Дениса Васильевича Давыдова, непропущенныя цензурою въ Россіи (1906)	3 —
Нѣкоторыя выписки изъ бумагъ М. Данилевскаго (1875)	1 —
О поврежденіи нравовъ въ Россіи. Сочиненіе князя М. Щербатова (1876)	1 50
О раскольникахъ при императорахъ Николаѣ I и Александрѣ II. Пополнено запискою Мельникова (1882)	1 50
Объ аристократіи, въ особенности русской. Письмо изъ Россіи (1874)	1 —

ИСТОРИЧЕСКІЕ

ДОКУМЕНТЫ

ВРЕМЕНЪ ЦАРСТВОВАНІЯ

АЛЕКСАНДРА I.

Третье изданіе.

(he Documente aus der Regierungszeit Alexander I. Dritte Aufl.)

ЕЙПЦИГЪ:
. . Каспровичъ.

LEIPZIG:
E. L. Kasprowicz.

Пров 4

ОТРЫВКИ
ИЗЪ ЗАПИСОКЪ Л. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТА.*)

I.

Къ стр. 43—46.

1785 г. Императрица очень обрадована была пріѣздомъ князя (Потемкина); потерею любимца своего (А. Д. Ланскаго) она огорчилась, на нѣкоторое время при дворѣ остановлены были всѣ увеселенія. Въ придворной церкви, у обѣдни, сколько молодыхъ людей вытягивались — кто сколько нибудь собою былъ недуренъ, помышляя сдѣлать такъ легко свою фортуну; частая перемѣна фаворитовъ каждаго льстила, видя, что не всѣ они были геніи, почти всѣ изъ мелкаго дворянства и неполучившіе тщательнаго воспитанія. Наконецъ выборъ палъ на гвардіи офицера Александра Петровича Ермолова; касательно его наружности, онъ не былъ отлично хорошъ, особливо въ сравненіи съ прежними фаворитами, а еще болѣе съ послѣднимъ Ланскимъ. Тотъ былъ большаго роста, станъ имѣлъ прекрасный, мужественный, черты правильныя, цвѣтъ лица показывалъ здороваго и крѣпкаго сложенія человѣка; а Ермоловъ былъ женоподобенъ, умомъ же не превосходилъ послѣдняго, котораго считали не слишкомъ дальновиднымъ.

*) Записки Энгельгардта напечатаны въ Москвѣ 1867 г., но съ многими пропусками; приводимъ любопытные отрывки, которые цензура перечеркнула.

Я недѣли двѣ былъ нездоровъ и не выѣзжалъ изъ дому; получивши облегченіе, пріѣхалъ къ Князю и увѣдомился, что (на мѣсто Мамонова) взятъ въ адъютанты Ермоловъ и живетъ во дворцѣ въ отдѣленіи его свѣтлости. Я тотчасъ пошелъ къ нему знакомиться. У комнаты его стоялъ придворный камеръ-лакей; я хотѣлъ войти прямо къ Ермолову, но камеръ-лакей остановилъ меня и спросилъ: „какъ прикажете о себѣ доложить?“ Я былъ столько простъ, что не догадался къ чему готовится мой товарищъ и сказалъ: „что это за странность, что безъ доклада войти не можно?“ (Ермоловъ принялъ Энгельгардта свысока.) Въ день праздника, который данъ свѣтлѣйшимъ княземъ въ Аничковскомъ домѣ, когда всѣ съѣхались, прибыла императрица съ великими князьями и сѣла играть въ карты; а Ермолова поставили отъ нея шагахъ въ четырехъ, впереди всѣхъ вельможъ, стоявшихъ вокругъ государыни. — Тогда я только догадался, къ чему сего адъютанта готовили!..

На другой день новый фаворитъ занялъ во дворцѣ обыкновенныя комнаты, гдѣ они прибывали, пожалованъ былъ флигель-адъютантомъ ея величества и станиславскимъ кавалеромъ; чрезъ нѣсколько дней генералъ-маіоромъ и кавалеромъ Бѣлаго Орла: таковъ былъ ходъ всѣхъ фаворитовъ.....

Въ Іюнѣ 1786 года Ермоловъ вышелъ изъ фавора; дано ему было въ Могилевской губерніи 6,000 душъ; а на его мѣсто поступилъ А. М. Мамоновъ.

II.

Къ стр. 113.

1793. Наконецъ въ одно таковое засѣданіе польскій сеймъ *) былъ окруженъ 4 русскими баталліо-

*) Въ Гродно.

нами съ пушками. Генералъ-маіоръ Раутенфельдъ въ мундирѣ введенъ въ сеймовую залу, близь трона поставлены ему кресла; сорокъ человѣкъ офицеровъ въ мундирахъ также введены были въ залу и размѣщены въ разныхъ мѣстахъ..... Къ дверямъ залы поставленъ былъ караулъ, чтобы никого не выпускать; король изнемогъ, и ему приносили нѣсколько разъ бульону и вина. Въ теченіи этого времени одинъ изъ депутатовъ*) сказалъ: „императрица именуетъ патріотовъ якобинцами; я думаю, что якобинцы противятся законному монархическому правленію и власти королевской, а мы напротивъ защищаемъ тронъ и права нашего отечества. Но вотъ якобинъ (указавъ на генерала Раутенфельда), который только что не сидитъ на тронѣ; вотъ якобины, которые вопреки нашимъ законамъ съ оружіемъ введены въ сеймовую залу для угнетенія нашихъ правъ; вотъ якобины, которые стоятъ съ примкнутыми штыками около сейма и поставили пушки, готовыя разрушить тронъ и нашу вольность.“ По произнесеніи сей смѣлой рѣчи, онъ тотчасъ былъ выведенъ. Другой сказалъ: „я думаю, что насъ называютъ якобинами потому что у насъ россійскій посолъ — Якобъ Сиверсъ!“ И того вывели.

III.

Къ стр. 171.

1801 годъ. Послѣ священнодѣйствія коронаціи Александра I., къ престарѣлому іерарху митрополиту Платону подошелъ князь Зубовъ и сказалъ: „я думаю ваше высокопреосвященство устали.“ — „Очень усталъ“, отвѣчалъ митрополитъ, „однакожъ я думаю, что вы не заставите меня еще такъ уставать.“ — „Не безпокойтесь“, возразилъ ему князь;

*) Рейтанъ?

„этотъ не вашъ воспитанникъ!“ (Платонъ былъ законоучителемъ Павла I.)

IV.

Изложеніе первой кампаніи противъ Французовъ при императорѣ Александрѣ I., Энгельгардтъ заключаетъ этими словами:

Аустерлицкая баталія сдѣлала великое вліяніе надъ характеромъ Александра I. — и ее можно назвать эпохою въ его правленіи: до того онъ былъ кротокъ, довѣрчивъ, ласковъ, а тогда сдѣлался подозрителенъ, коваренъ, строгъ до безмѣрности, неприступенъ и не терпѣлъ уже, чтобы кто говорилъ ему правду; къ одному гр. Аракчееву имѣлъ полную довѣренность, который по жестокому своему свойству приводилъ государя на гнѣвъ, и тѣмъ отвлекъ отъ него людей истинно-любящихъ его и Россію.

Описаніе же войны 1812—1814 годовъ, авторъ заключаетъ такъ:

Тогда императоръ былъ во всей своей славѣ: русскими обожаемъ, въ Европѣ превозносимъ не только какъ побѣдитель, но какъ величайшій политикъ, великодушный и скромный благотворитель рода человѣческаго; всѣ несли ему въ дань свои души и сердца.

Со времени Аустерлицкаго сраженія, за несправедливый гнѣвъ его къ Кутузову и оскорбленіе другихъ генераловъ понапрасну, равно за подозрительный и коварный нравъ его, онъ отвлекалъ сердца своихъ подданныхъ; но послѣ торжества его все было забыто.

Ожидали, что миръ доставитъ Россіи благоденствіе, что императоръ будетъ болѣе заниматься

внутреннимъ устройствомъ государства, что онъ увидя настоящую цѣль военной службы, не будетъ заниматься мелочью; но впослѣдствіи оказалось противное, и военная служба сдѣлалась несноснѣе и труднѣе; отъ генераловъ требовали то, что требовалось отъ низшихъ классовъ офицеровъ.

V.

Къ стр. 178.

1820 г. Войска наши, бывъ долгое время въ чужихъ краяхъ и видя всѣ государства во всей Европѣ управляемыми законами и конституціями, и притомъ наклонность самаго государя къ подобному образу правленія, подавшаго поводъ къ таковому ожиданію въ торжественной рѣчи своей на Варшавскомъ сеймѣ, заразились духомъ времени. Молодые люди уже въ 1818 году составили тайныя общества въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ; и общества сіи отчасти были извѣстны императору, но онъ ихъ пренебрегъ, дальнѣйшихъ изысканій не дѣлалъ, а искра тлѣлась. Самые низшіе чины почувствовали разность въ обращеніи и содержаніи чужеземныхъ войскъ, а притомъ и сами содержимы были за границею иначе, нежели въ Россіи. Тамъ отъ нихъ не требовалось изнурительной вытяжки, и не занимали ихъ безпрестанными ученьями, довольствовали ихъ лучшею пищею, и спали они на тюфякахъ. Возвратясь же въ Россію, рѣдко для постели имѣли хорошую и свѣжую солому, ѣли пустую кашицу и очень рѣдко по небольшой порціи мяса; требовалась отъ нихъ чистота и опрятность въ узкихъ мундирахъ, безъ отдыха ихъ учили, что́ и произвело между ними ропотъ. Императоръ увидѣвъ, что гвардейскій Семеновскій

полкъ, котораго, будучи наслѣдникомъ, онъ былъ шефомъ и который имъ самимъ былъ избалованъ, отъ прочихъ полковъ гвардіи въ экзерциціяхъ отсталъ. — Передъ отъѣздомъ своимъ за границу на конгресъ опредѣлилъ командиромъ онаго полка полковника Шварца, служившаго всегда въ арміи, неимѣвшаго никакого воспитанія, но отличавшагося чрезвычайною строгостію по фронтовой службѣ. При отъѣздѣ государь сказалъ ему, что онъ надѣется по возвращеніи своемъ не только найти Семеновскій полкъ сравнившимся съ прочими полками, но что оный какъ первый въ гвардіи полкъ будетъ во всемъ лучшій. Семеновскій полкъ наполненъ былъ офицерами изъ лучшаго дворянства, людьми воспитанными и гордящимися предъ прочими, находясь въ любимомъ полку государя. Солдаты были выбраны изъ всей арміи лучшіе. Уже самое опредѣленіе Шварца имъ было тягостно: какъ армейскій полковникъ будетъ ими командовать? Его грубое и неблаговоспитанное обращеніе еще болѣе противу него вооружало. Офицеры говорили между собою, но такъ, чтобы нѣкоторые нижніе чины могли слышать: „Шварцъ можетъ командовать скотами, а не людьми.“ Къ тому-же какъ Шварцъ хотѣлъ, чтобы къ пріѣзду государя представить полкъ во всей исправности, то и сталъ безпрестанно учить безъ отдыха. По обыкновенію полки гвардіи въ лѣтнее время по частямъ отпускались работать на биржу, гдѣ они заработывали много денегъ для улучшенія своего содержанія и чтобы чище одѣваться. За безпредѣльнымъ ученіемъ Семеновскіе не имѣли на то времени, да и Шварцъ ихъ не отпускалъ, что и обратило на него общее полка негодованіе. Всякой день требовалъ онъ, чтобы фельдфебели изъ каждой роты приводили

къ нему по десяти рядовыхъ во всей аммуниціи и чтобы перевязи къ сумамъ и тесакамъ были чисто выбѣлены; самъ ихъ училъ ружейнымъ пріемамъ, и маршированію; за малѣйшую ошибку наказывалъ ихъ строго, къ чему они не привыкли. Но еще болѣе несносно, имъ было, что онъ ихъ ругалъ поносно и непристойными словами, плевалъ имъ въ лицо и пр. Ежели онъ кого изъ нихъ наказывалъ строже другихъ, офицеры таковымъ давали деньги, браня Шварца. Въ одинъ день лейбъ-роты фельдфебель привелъ по обыкновенію 10 солдатъ съ худо-выбѣленною аммуниціею. Шварцъ его выгналъ, приказавъ привести другихъ, и если они будутъ также неопрятны, то обѣщалъ дать ему 500 лозановъ; а онъ уже имѣлъ три нашивки, означавшія 25 лѣтнюю службу, и орденскій знакъ, по которому освобождался отъ тѣлеснаго наказанія. Фельдфебель, пришедъ въ роту, сталъ наряжать другихъ солдатъ; но тѣ ему сказали, что имъ аммуницію нечѣмъ выбѣлить, что какъ они на работу не отпускаются, то и не на что купить ни мыла, ни клею, ни мѣла. Тогда фельдфебель сказалъ: „такъ мнѣ придется принять 500 лозановъ, ежели не приѣду въ такомъ видѣ, въ какомъ полковникъ приказалъ.“ Вся рота закричала въ голосъ: „мы до того никакъ не допустимъ!“ Какъ онъ ни упрашивалъ, чтобы перестали противиться, но они и слушать не хотѣли. Фельдфебель пошелъ доложить ротному командиру, капитану Кашкарову, объ ослушаніи роты. Кашкаровъ пришелъ къ ротѣ, сталъ увѣщевать, но солдаты отвѣчали: „ваше высокобладородіе, мы не ослушиваемся, но намъ нечѣмъ бѣлиться — какъ вамъ угодно.“ Капитанъ донесъ о томъ полковнику, а этотъ поѣхалъ доложить великому князю Михаилу Павловичу, какъ

бригадному командиру. Великій князь прибылъ въ казармы и нѣкоторыхъ наказалъ, но солдаты въ одинъ голосъ и его высочеству сказали, что они не выходятъ изъ должнаго повиновенія, но докладываютъ, что они не имѣютъ на что бѣлиться, и просятъ его высочество сдѣлать инспекторскій смотръ, по которому начальство усмотритъ варварскіе съ ними поступки полковника.

Великій князь поѣхалъ къ командующему гвардейскимъ корпусомъ генералъ-лейтенанту Васильчикову, который приказалъ всю роту въ шинеляхъ привести въ экзерциргаузъ, гдѣ собранъ былъ вооруженный гвардейскій Павловскій полкъ. Какъ скоро рота была приведена, то тотъ полкъ ее окружилъ и отвелъ въ Петропавловскую крѣпость со всѣми офицерами подъ арестъ. На другой день 1 батал. Семеновскаго полка долженъ былъ вступить въ караулъ. За недостающимъ числомъ людей, приказано было нарядить оныхъ изъ другихъ баталіоновъ. Весь полкъ въ шинеляхъ вышелъ безъ ружья на плацъ-парадъ и требовалъ первую роту, какъ составляющую славу полка, безъ которой отрекались идти въ караулъ. Офицеры всячески уговаривали рядовыхъ, чтобы перестали бунтовать, но они, снимая передъ ними фуражки, отвѣчали съ вѣжливостью одно и тоже. Нѣкоторые ворвались было въ домъ Шварца, но онъ скрылся. Вскорѣ дошло объ этомъ до великихъ князей и корпуснаго командира. Они прибыли къ полку на плацъ-парадъ, спрашивали о причинѣ ихъ бунта. Они (солдаты) отвѣчали: „возвратите намъ лейбъ-роту иначе въ казармы не пойдемъ.“ Лейбъ-рота за ослушаніе арестована, сказалъ Васильчиковъ; она въ крѣпости.

„Извольте и насъ арестовать; если лейбъ-рота

виновна, то и мы съ нею виноваты.“ Васильчиковъ приказалъ имъ идти въ крѣпость. Весь полкъ пошелъ безъ малѣйшаго сопротивленія. Въ крѣпости ихъ размѣстили въ разныя казармы. Лейбъ-гренадерскій полкъ съ заряженными ружьями назначенъ былъ въ крѣпость, въ караулъ къ арестованному полку. Чрезъ день Семеновскій полкъ по частямъ, за карауломъ, отправленъ въ Кронштадтъ, а оттуда моремъ по разнымъ приморскимъ крѣпостямъ; одна только лейбъ-рота оставлена въ Петропавловской крѣпости, какъ первая, которая возмутилась. Во все время мятежа Семеновскаго полка тишина не была нарушена, и многіе узнали о томъ спустя нѣсколько дней. О всемъ томъ происшедшимъ отправленъ въ Троппау къ государю куръеръ съ донесеніемъ, по которому полученъ отъ государя указъ: Семеновскій полкъ касировать по частямъ; размѣстить нижнихъ чиновъ въ разные отдаленные полки арміи; офицеровъ перевести по табели о рангахъ, также и юнкеровъ, въ армейскіе полки; Шварца отставить; Семеновскій полкъ сформировать лучшими людьми изъ гренадерскаго корпуса, равно офицеровъ выбрать исправнѣйшихъ, но считаться имъ наравнѣ съ молодою гвардіею. Государь далъ секретное повелѣніе корпуснымъ командирамъ, чтобы бывшихъ въ Семеновскомъ полку офицеровъ не брать въ адъютанты, не принимать отъ нихъ прошеній ни въ отставку, ни въ отпускъ, и не представлять ихъ къ производству. Въ такомъ несчастномъ положеніи сіи офицеры были до коронаціи императора Николая I.

Въ тоже время государь указалъ уничтожить всѣ масонскія и мартинистскія ложи и всякого роду тайныя общества и секты, обязавъ подпискою, чтобы никто не осмѣливался продолжать быть членомъ

таковыхъ обществъ подъ строжайшимъ взысканіемъ; а до того не только было препятствіе, но даже поощреніе къ самымъ нелѣпымъ сектамъ.

По возвращеніи государя въ Петербургъ строго надзирали за авторами и журналами, чтобы ничего не писали о конституціяхъ и касающагося до правительства. Графъ Аракчеевъ взялъ сильную власть; облѣнившійся государь подписывалъ все, что ему ни подавалъ графъ, котораго суровый и жестокій нравъ обратилъ къ себѣ ненависть всѣхъ Русскихъ.

Упомянувъ о поѣздкахъ государя на конгресы въ Лейбахъ и Верону и описавъ возстаніе Греціи авторъ говоритъ:

Обращаюсь опять къ происшествіямъ въ Россіи. Содержаніе арміи — 1,200,000 войска — стало тягостно Россіи; поѣздки императора на конгресы умножили расходы до чрезвычайности, а потому требовалось умноженіе податей. Дворяне обѣдняли, торговля упала, земледѣльцы не въ состояніи стали платить подушныя за чрезвычайнымъ пониженіемъ цѣнъ на хлѣбъ, потому что некуда стало его сбывать, промышленность исчезла; къ тому же нѣсколько лѣтъ былъ неурожай; довершила все отмѣна откупа винной продажи: казна взяла оную на свою отвѣтственность, почему всѣ деньги, бывшія въ оборотѣ, оставались въ казнѣ. Государь совсѣмъ пересталъ входить въ гражданскую часть. Злоупотребленія возникли до чрезмѣрности; хотя и посылаемы были сенаторы ревизовать губерніи и смѣнялись часто губернаторы, но новые не лучше были прежнихъ; нравственность вовсе исчезла; словомъ Россія никогда не была въ худшемъ состояніи. Государь, думая искоренить злоупотребленія, хотѣлъ раздѣлить Россію на области, по

пяти губерній въ каждой, опредѣля начальниками извѣстныхъ ему генераловъ. — Нѣсколько таковыхъ областей было учреждено, но пользы мало оказалось, почему въ послѣдующемъ царствованіи было отмѣнено.

За подробнымъ описаніемъ, по оффиціальнымъ извѣстіямъ, бывшаго въ Петербургѣ въ 1824 году наводненія, слѣдуетъ:

Императоръ, будучи уже извѣстенъ о буйственномъ духѣ неблагомыслящихъ или заблуждавшихся, сдѣлался болѣе подозрителенъ, опасался покушенія на свою жизнь, умножилъ шпіоновъ, но зло не прекращалъ. Ежегодно разъѣзжалъ въ разныя части государства, но не только не дѣлалъ пользу своимъ объѣздами, а обремѣнялъ оными жителей: для его проѣзда дѣлали дороги, на которыя въ самую рабочую пору высылали почти поголовно крестьянъ; тѣмъ лишалъ ихъ хлѣба, а дворянъ дохода: осматривалъ войска, но на гражданскую часть не обращалъ вниманія. Сначала, какъ я сказалъ, казалось — хотѣлъ дать законы представительнаго государства, чѣмъ воспламенилъ дерзкую юность; но послѣ напротивъ ввелъ строгій деспотизмъ: всѣми сими обстоятельствами собиралъ грозную тучу, которая грозила разразиться при окончаніи его царствованія.

О ПРАВѢ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ ФОНЪ ВИЗИНА.

Верховная власть ввѣряется государю для единаго блага его подданныхъ. Сію истину тираны знаютъ, а добрые государи чувствуютъ. Просвѣщенный ясностію сея истины и великими качествами одаренный монархъ, облекаясь въ неограниченную власть, и стремясь къ совершенству по сколько смертному возможно, самъ тотчасъ ощутитъ, что власть дѣлать зло есть несовершенство и что прямое самовластіе, тогда только вступаетъ въ истинное свое величество; когда само у себя отъемлетъ возможность къ содѣянію какого либо зла. И дѣйствительно все сіяніе престола есть пустой блескъ, когда добродѣтель не сидитъ на немъ вмѣстѣ съ государемъ: но вообразя его таковымъ, котораго умъ и сердце столько были бы превосходны, чтобъ никогда не удалялся онъ отъ общаго блага, и чтобъ сему правилу подчинилъ онъ всѣ свои намѣренія и дѣянія, кто можетъ подумать, чтобъ сею подчиненностію безпредѣльна власть его ограничивалась? Нѣтъ, она есть одного свойства со властію существа вышняго. Богъ потому и всемогущъ, что не можетъ дѣлать ничего другаго кромѣ блага; а дабы сія невозможность была безконечнымъ знаменіемъ его совершенства, то постановилъ онъ правила вѣчныя истины для самаго себя непреложныя, по

коимъ управляетъ онъ вселенною, и коихъ, не преставъ быть Богомъ, самъ преступить не можетъ. Государь подобіе Бога, преемникъ на землѣ вышней его власти, не можетъ равнымъ образомъ ознаменовать ни могущества, ни достоинства своего иначе, какъ постановя въ государствѣ своемъ правила непреложныя, основанныя на благѣ общемъ, и которыхъ не могъ бы нарушить самъ, не преставъ быть достойнымъ государемъ.

Безъ сихъ правилъ, или точнѣе объясниться, безъ непременныхъ государственныхъ законовъ, не прочно ни состояніе государства, ни состояніе государя. Не будетъ той подпоры, на которой бы общая ихъ сила утвердилась, всѣ въ намѣреніяхъ полезнѣйшія установленія ни какого основанія имѣть не будутъ. Кто оградитъ ихъ прочность? Кто поручится, чтобъ преемнику не угодно было въ единъ часъ уничтожить все то, что во всѣ прежнія царствованія установляемо было? Кто поручится, чтобъ самъ законодатель окруженный неотступно льстцами затмѣвающими предъ нимъ истину, не разорилъ того сегодня, что созидалъ вчера? Гдѣ произволъ одного есть законъ верховный, тамъ прочная общая связь и существовать не можетъ; тамъ есть государство, но нѣтъ отечества, есть подданные, но нѣтъ гражданъ, нѣтъ того политическаго тѣла, котораго члены соединились бы узломъ взаимныхъ правъ и должностей; одно пристрастіе бываетъ подвигомъ всякаго узаконенія, ибо не законъ государя приноравливается къ законамъ, но законы къ его нраву. Какая же довѣренность, какое почтеніе можетъ быть къ законамъ неимѣющимъ своего естественнаго свойства, то есть, соображенія съ общею пользою? Кто можетъ дѣла свои располагать тамъ, гдѣ безъ всякой справедли-

вой причины завтра вмѣнится въ преступленіе то что сегодня не запрещается? Тутъ каждый подверженъ будучи прихотямъ и неправосудію сильнѣйшихъ, не щитаетъ себя въ обязательствѣ наблюдать того съ другими, чего другіе съ нимъ не наблюдаютъ. Тутъ, съ одной стороны, на законы естественные, на истины ощутительныя дерзкое невѣжество требуетъ доказательствъ, и безъ указа имъ не повинуется, когда съ другой стороны безумное велѣніе сильнаго съ рабскимъ подобострастіемъ непрекословно исполняется. Тутъ кто можетъ повелѣваетъ, но никто ничѣмъ не управляетъ, ибо править долженствовали бы законы, кои выше себя ничего не терпятъ. Тутъ подданные порабощены государю, а государь обыкновенно своему недостойному любимцу. Я назвалъ его недостойнымъ потому, что названіе любимца не приписывается никогда достойному мужу, оказавшему отечеству истинныя заслуги, а принадлежитъ обыкновенно человѣку достигшему высокихъ степеней по удачной своей хитрости нравиться государю. Въ такомъ развращенномъ положеніи злоупотребленіе самовластія восходитъ до невѣроятности, и уже престаетъ всякое различіе между государственнымъ и государевымъ, между государевымъ и любимцовымъ. Отъ произвола сего послѣдняго все зависитъ. Собственность и безопасность каждаго колеблятся, души унываютъ, сердца развращаются, образъ мыслей становится низокъ и презрителенъ. Пороки любимца не только входятъ въ обычай, но бываютъ почти единымъ средствомъ къ возвышенію. Если духъ его объятъ буйствомъ и дурное воспитаніе пріучило его къ подлому образу поведенія, то во время его знати, поведеніе благородное бываетъ уже довольно къ загражденію пу-

къ счастію; но если провидѣніе въ лютѣйшемъ своемъ гнѣвѣ къ человѣческому роду попускаетъ душею государя овладѣть чудовищу, которой все свое любочестіе полагаетъ въ томъ, чтобъ государство неминуемо было жертвою насильствъ и игралищемъ прихотей его; если всѣ уродливыя движенія души влекутъ его первенствовать только богатствомъ, титулами и силою вредить; — если взоръ его, осанка, рѣчь, ничего другаго не знаменуютъ какъ: „боготворите меня, я могу васъ погубить“; если безпредѣльная его власть надъ душою государя препровождается въ его душѣ безчисленными пороками; если онъ гордъ, наглъ, коваренъ, алченъ къ обогащенію, сластолюбецъ безстыдный, лѣнивецъ — тогда нравственная язва становится всеобщею, всѣ сіи пороки разливаются и заражаютъ дворъ, городъ, и наконецъ государство. Вся молодость становится надмѣнна, и принимаетъ тонъ буйственнаго презрѣнія ко всему тому, что должно быть почтенно; всѣ узы благочинія разторгаются, и къ крайнему соблазну ни вѣкъ изнуренный въ служеніи отечества, ни санъ пріобрѣтенный истинною службою, не ограждаютъ почтеннаго человѣка отъ нахальства и дерзости едва изъ ребятъ вышедшихъ и однимъ случаемъ поднимаемыхъ негодяевъ. Коварство и ухищреніе пріемлется главнымъ правиломъ поведенія, никто нейдетъ стезею себѣ свойственною. Никто не намѣренъ заслуживать, всякой ищетъ выслуживать въ сіе благоспѣшное недостойнымъ людямъ время. Какого воздаянія могутъ ожидать истинныя заслуги или паче есть-ли способъ служить мыслящему и благородное любочестіе имѣющему гражданину? Какой чинъ, какой знакъ почести, какое мѣсто государственное не изгажено скареднымъ прикосновеніемъ

пристрастнаго покровительства? Посвятя жизнь свою военной службѣ, лестно-ли дослуживаться до полководства, когда вчерашній капралъ, не извѣстно кто, и сказать стыдно за что, становится сегодня полководцемъ и принимаетъ начальство надъ заслуженнымъ и ранами покрытымъ офицеромъ? Лестно-ль быть судьею, когда правосуднымъ быть не позволяется? Тутъ алчное корыстолюбіе довершаетъ общее развращеніе. Головы занимаются однимъ примышленіемъ средствъ къ обогащенію. Кто можетъ — грабитъ, кто не можетъ — крадетъ. И когда государь безъ непреложныхъ государственныхъ законовъ зиждетъ на пескѣ свои зданія, и выдавая непрестанно частные уставы, думаетъ истребить вредные государству откупы, тогда не знаетъ онъ того, что въ государствѣ его ненаказанность всякаго преступленія давно на откупу, что для безсовѣстныхъ хищниковъ стало дѣломъ единаго разсчета изчислить, что принесетъ ему преступленіе, и во что милостивый указъ стать ему можетъ.

Когда же правосудіе претворилось въ торжище, и можно бояться потерять безъ вины свое, и надѣяться безъ права взять чужое, тогда всякой спѣшитъ наслаждаться безъ пощады тѣмъ, что въ его рукахъ, угождая развращеннымъ страстямъ своимъ. И что можетъ остановить стремленіе порока, когда идолъ самаго государя, предъ очами цѣлаго свѣта въ самыхъ царскихъ чертогахъ водрузилъ знамя беззаконія и нечестія, когда насыщая безстыдно свое сластолюбіе, ругается онъ явно надъ священными узами родства, правилами чести, долгомъ человѣчества, и предъ лицемъ законодателя божескіе и человѣческіе законы попирать дерзаетъ. Не вхожу я въ подробности ги-

бельнаго состоянія дѣлъ изторгнутыхъ имъ подъ особенное его начальство; но вообще видимъ, что если съ одной стороны заразившійся его духъ любоначалія кружитъ всѣмъ головы, то съ другой духъ праздности поселившій въ него весь адъ скуки и нетерпѣнія разпространяется далеко и привычка къ лѣности укореняется тѣмъ сильнѣе, что рвеніе къ трудамъ и службѣ почти оглашено дурачествомъ смѣха достойнымъ. Послѣ всего мною сказаннаго и живымъ примѣромъ утверждаемаго, не ясно-ль видимъ, что не тотъ государь самовластнѣйшій, которой на недостаткѣ государственныхъ законовъ чаетъ утвердить свое самовластіе. Порабощенный одному или нѣсколькимъ рабамъ своимъ, почему онъ самодержецъ? Развѣ потому что самаго держутъ въ кабалѣ недостойные люди. Подобенъ будучи прозрачному тѣлу, чрезъ которое на сквозь видны дѣйствующія имъ пружины, тщетно пишетъ онъ новые законы, возвѣщаетъ благоденствіе народа, прославляетъ премудрость своего правленія; новые законы его будутъ ничто иное, какъ новые обряды запутывающіе старые законы; народъ все будетъ угнетенъ, дворянство унижено, и не смотря на собственное свое отвращеніе къ тиранству, правленіе его будетъ тиранское. Нація тѣмъ не меньше страждетъ, что не самъ государь принялся ее терзать, а отдалъ на расхищеніе извергамъ себѣ возлюбленнымъ. Такое положеніе долго устоять не можетъ. При крайнемъ ожесточеніи сердецъ всѣ частные интересы, раздробленные существомъ деспотическаго правленія, нечувствительно въ одну точку соединяются. Вдругъ всѣ устремляются разторгнуть узы нестерпимаго порабощенія и тогда что есть государство? Колосъ державшійся цѣпями; цѣпи разрываются,

колосъ упадаетъ и самъ собою разрушается. Деспотичество, раждающееся обыкновенно отъ анархіи, весьма рѣдко въ нее опять не превращается.

Для отвращенія такія гибели, государь долженъ знать во всей точности всѣ права своего владычества, дабы — первое, содержать ихъ у своихъ подданныхъ въ почтеніи, и второе, чтобъ самому не преступить предѣловъ ознаменованныхъ его правамъ самодержавнѣйшею всѣхъ на свѣтѣ властію, а именно властію здроваго разсудка. До перваго достигаетъ государь правотою, до втораго кротостію.

Правота и кротость суть лучи божественнаго свѣта возвѣщающіе людямъ, что правящая ими власть поставлена отъ Бога и что достойна она благоговѣйнаго ихъ повиновенія: слѣдственно всякая власть неознаменованная божественными качествами правоты и кротости, но производящая обиды, насильства, тиранства, есть власть не отъ Бога, но отъ людей, коихъ несчастія временъ попустили, уступя силѣ, унизить человѣческое свое достоинство. Въ такомъ гибельномъ положеніи нація, буде находитъ средство разорвать свои оковы тѣмъ же правомъ, какимъ на нее положены; весьма умно дѣлаетъ если разрываетъ. Тутъ дѣло ясное, или она теперь въ правѣ возвратить свою свободу, или никто не былъ въ правѣ отнимать у ней свободы. Кто не знаетъ, что всѣ человѣческія общества основаны на взаимныхъ добровольныхъ обязательствахъ, кои разрушаются такъ скоро, какъ ихъ наблюдать перестаютъ. Обязательства между государемъ и подданными суть равнымъ образомъ добровольныя, ибо не было еще въ свѣтѣ націи, которая насильно принудила бы

кого стать ея государемъ; и если она безъ государя существовать можетъ, а безъ нея государь существовать не можетъ, то очевидно, что первобытная власть была въ ея рукахъ, и что при установленіи государя не о томъ дѣло было, чѣмъ онъ націю пожалуетъ, а какою властію она его облекаетъ. Возможно-ли же, чтобъ нація добровольно поставила сама законъ разрѣшающій государя дѣлать неправосудіе безотчетно? Не стократно-ль для нея лучше не имѣть никакихъ законовъ, нежели имѣть такой, которой даетъ право государю дѣлать всякія насильства? А потому и долженъ онъ быть всегда исполненъ сею великою истиною, что онъ установленъ для государства, и что собственное его благо отъ счастія его подданныхъ долженствуетъ быть не разлучно.

Разсматривая отношенія государя къ подданнымъ, первой вопросъ представляется разуму, чтожъ есть государь? Душа правимаго имъ общества. Слаба душа, если не умѣетъ управлять прихотливыми стремленіями тѣла; несчастно тѣло, надъ коимъ властвуетъ душа безразсудная, которая чувствамъ, своимъ министрамъ, или вовсе ввѣряется, или ни въ чемъ не довѣряетъ. Положась на нихъ, безпечно принимаетъ кучу за гору, планету за точку; но буде презираетъ она ихъ служеніе, буде возмечтаетъ о себѣ столько, что захочетъ сама зажмурясь видѣть, и заткнувъ уши слишать, какой правильной разрѣшимости тогда ожидать отъ нея можно и въ какія напасти она сама себя не завлекаетъ!

Государь душа политическаго тѣла равной судьбинѣ подвергается. Отверзаетъ-ли онъ слухъ свой на всякое внушеніе, отвращаетъ-ли оной отъ всякихъ представленій, уже истина его не просвѣщаетъ; но есть ли онъ самъ и не признаетъ верховной

ея власти надъ собою, тогда всѣ отношенія его къ государству въ источникахъ своихъ развращаются. Пойдетъ различіе между его благомъ и государственнымъ; тотчасъ посѣвается къ нему ненависть; скоро самъ онъ начинаетъ бояться тѣхъ, кои его ненавидятъ, и ненавидитъ тѣхъ, которыхъ боится. Словомъ вся власть его становится беззаконная, ибо не можетъ быть законна власть, которая становитъ себя выше всѣхъ законовъ естественнаго правосудія.

Просвѣщенный умъ въ государѣ представляетъ ему сіе заключеніе, безъ сомнѣнія во всей ясности; но просвѣщенный государь есть тѣмъ не меньше человѣкъ. Онъ какъ человѣкъ родится, какъ человѣкъ умираетъ, и въ теченіи своей жизни какъ человѣкъ погрѣшаетъ, а потому и должно разсмотрѣть, какое есть свойство человѣческаго просвѣщенія. Между первобытнымъ его состояніемъ въ естественной его дикости, и между истиннымъ просвѣщеніемъ, разстояніе толь велико, какъ отъ неизмѣримой пропасти до верху горы высочайшей. Для восхожденія на гору потребно человѣку пространство цѣлой жизни; но взошедъ на нее, если позволитъ онъ себѣ шагнуть чрезъ черту раздѣляющую гору отъ пропасти, уже ничто не останавливаетъ его паденія, и онъ погружается опять въ первобытное свое невѣжество. На самомъ порогѣ сея страшныя пропасти стоитъ просвѣщенный государь. Стражи недопускающіе его къ паденію суть правота и кротость. Въ тотъ часъ, какъ онъ изъ рукъ ихъ себя изторгаетъ, погибель его совершается, меркнетъ свѣтъ душевныхъ очей его, и летя стремглавъ въ бездну, вопіетъ онъ внѣ ума „все мое, я все, всѣ ничто“.

Державшійся правоты и кротости просвѣщенный

государь, не поколеблется никогда въ истинномъ своемъ величествѣ; ибо свойство правоты таково, что самую ее никакія предубѣжденія, ни дружба, ни склонности, ни самое состраданіе поколебать не могутъ. Сильный и немощный, великій и малый, богатый и убогій, всѣ на одной чредѣ стоятъ. Добрый государь добръ для всѣхъ, и всѣ уваженія его относятся не къ частнымъ выгодамъ, но къ общей пользѣ. Состраданіе производится въ душѣ его, не жалобнымъ лицемъ обманывающаго его корыстолюбца, но истинною бѣдностію несчастныхъ, которыхъ онъ не видитъ, и которыхъ жалобы часто къ нему не допускаются. При всякой милости вельможѣ, долженъ онъ весь свой народъ имѣть предъ глазами. Онъ долженъ знать, что государственнымъ награждается одна заслуга государству, что неповинно оно платить за угожденія его собственнымъ страстямъ, и что всякій налогъ, взыскуемый не ради пользы государства, есть грабежъ въ существѣ своемъ и формѣ. Онъ долженъ знать, что нація, жертвуя частію естественной своей вольности, вручила свое благо его попеченію, его правосудію, его достоинству: что онъ отвѣчаетъ за поведеніе тѣхъ, кому ввѣряетъ правленіе дѣлъ, и что слѣдственно ихъ преступленія имъ терпимыя, становятся его преступленіями. Тщетно государь помыслилъ бы оправдаться тѣмъ, что самъ онъ предъ отечествомъ невиненъ, и что тѣмъ весь долгъ свой предъ нимъ исполняетъ. Нѣтъ, невинность его есть платежъ долгу, коимъ онъ самъ себѣ долженъ; но государству все еще должникомъ остается. Онъ повиненъ отвѣчать ему не только за зло, которое сдѣлалъ, но и за добро котораго не сдѣлалъ. Всякое попущеніе его вина, всякая жестокость его вина; ибо онъ долженъ

знать, что послабленіе пороку есть ободреніе злодѣянію, и что съ другой стороны наистрожайшее правосудіе надъ слабостями людскими есть наивеличайшая человѣчеству обида. Къ несчастію подданныхъ приходитъ иногда на государя такая полоса, что онъ ни о чемъ больше не думаетъ, какъ о томъ, что онъ государь, иногда ни о чемъ больше, какъ о томъ что онъ человѣкъ. Въ первомъ случаѣ обыкновенно походитъ онъ въ дѣлахъ своихъ на худаго человѣка, во второмъ бываетъ неминуемо худымъ государемъ. Чтобъ избѣгнуть сихъ обѣихъ крайностей, государь ни на одинъ мигъ не долженъ забывать ни того, что онъ государь, ни того, что онъ человѣкъ. Тогда бываетъ онъ достоинъ имени премудраго. Тогда во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ вмѣщаетъ судъ и милость. Ничто за черту свою не преступаетъ. Кто поведеніемъ своимъ возмущаетъ общую безопасность, предается всей строгости законовъ. Кто поведеніемъ своимъ безчеститъ самаго себя, наказывается его презрѣніемъ. Кто не рачитъ о должности, теряетъ свое мѣсто. Словомъ, государь правоту наблюдающій, исправляетъ всечастно пороки, являя имъ грозное чело, и утверждаетъ добродѣтель, призывая ее къ почестямъ.

Правота дѣлаетъ государя почтеннымъ, но кротость, сія человѣчеству любезная добродѣтель, дѣлаетъ его любимымъ. Она напоминаетъ ему безпрестанно, что онъ человѣкъ и правитъ людьми. Она не допускаетъ поселиться въ его голову несчастной и нелѣпой мысли, будто Богъ создалъ милліоны людей для ста человѣкъ. Между кроткимъ и горделивымъ государемъ, та ощутительная разница, что одинъ заставляетъ себя внутренно уважать, а другой наружно боготворить: но кто

принуждаетъ себя боготворить, тотъ внутри души своей видно чувствуетъ, что онъ человѣкъ; напротивъ того кроткій государь не возвышается никогда униженіемъ человѣчества. Сердце его чисто, душа права, умъ ясенъ. Всѣ сіи совершенства представляютъ ему живо всѣ его должности. Они твердятъ ему всечастно, что государь есть первый служитель государства, что преимущества его распространены націею только для того, чтобъ онъ въ состояніи былъ дѣлать больше добра, нежели всякой другой; что силою публичной власти ему ввѣренной можетъ онъ жаловать почести и преимущества честнымъ людямъ, но что саму націю ничѣмъ пожаловать не можетъ, ибо она дала ему все то, что онъ самъ имѣетъ, что для его-же собственнаго блага долженъ онъ уклониться отъ власти дѣлать зло, и что слѣдственно желать деспотичества есть ничто иное, какъ желать найти себя въ состояніи пользоваться сею пагубною властію. Невозможность дѣлать зло можетъ ли быть досадна государю? А если можетъ, такъ развѣ для того, что дурному человѣку всегда досадно не смочь дѣлать дурно. Право деспота есть право сильнаго, но и разбойникъ тоже право себѣ присвояетъ. И кто не видитъ что изрѣченіе *права сильнаго* выдумано въ посмѣяніе!

Въ здравомъ разумѣ сіи два слова никогда вмѣстѣ не встрѣчаются. Сила принуждаетъ, а право обязываетъ. Какое же то право, которому повинуются не по должности, а по нуждѣ, и которое въ ту минуту у силы изчезаетъ, когда большая сила сгоняетъ ее съ мѣста. Войдемъ еще подробнѣе въ существо сего мнимаго права. Потому что я не въ силахъ кому нибудь сопротивляться, слѣдуетъ ли изъ того, чтобъ я морально обязанъ

былъ признавать его волю правиломъ моего поведенія? Истинное право есть то, которое за благо признано разсудкомъ, и которое слѣдственно производитъ нѣкое внутреннее чувство обязывающее насъ повиноваться добровольно. Въ противномъ случаѣ повиновеніе не будетъ уже обязательство, а принужденіе. Гдъ же нѣтъ обязательства, тамъ нѣтъ и права. Самъ Богъ въ одномъ своемъ качествѣ существа всемогущаго, не имѣетъ ни малѣйшаго права на наше повиновеніе. Вообразимъ себѣ существо всемогущее, которое не только ко всему принудить, но и вовсе истребить можетъ, которое захотѣло бы сдѣлать насъ несчастными, или покрайней мѣрѣ не захотѣло бы никакъ пещися о нашемъ благѣ; тогда чувствовали ли бы мы въ душѣ обязанность повиноваться сей вышней волѣ, клонящейся къ нашему бѣдствію или насъ пренебрегающей? Мы уступили бы по нуждѣ ея всемогуществу, и между Богомъ и нами было бы ничто иное, какъ одно физическое отношеніе. Все право на наше благоговѣйное повиновеніе, имѣетъ Богъ въ качествѣ существа всеблагаго. Разсудокъ признавая благимъ употребленіе его всемогущества, совѣтуетъ намъ соображаться съ его волею и влечетъ сердца и души ему повиноваться. Существу всеблагому можетъ ли быть пріятно повиновеніе вынужденное однимъ страхомъ? И такое гнусное повиновеніе прилично-ль существу разсудкомъ одаренному? Нѣтъ, оно не достойно ни разумнаго повелителя, ни разумныхъ исполнителей. Сила и право совершенно различны, какъ въ существѣ своемъ, такъ и въ образѣ дѣйствованія. Праву потребны достоинства, дарованія, добродѣтели. Силѣ надобны тюрьмы, желѣза, топоры. Совсѣмъ излишне входить въ толки о разностяхъ формы прав-

ленія, и разыскивать, гдѣ государь самовластнѣе, гдѣ ограниченнѣе. Тиранъ, гдѣ бы онъ ни былъ, есть тиранъ, и право народа спасать бытіе свое пребываетъ вѣчно и вездѣ непоколебимо.

Истинное блаженство государя и подданныхъ тогда совершенно, когда всѣ находятся, въ томъ спокойствіи духа, которое происходитъ отъ внутренняго удостовѣренія о своей безопасности. Вотъ прямая политическая вольность націи. Тогда всякій воленъ будетъ дѣлать все то, чего позволено хотѣть, и никто не будетъ принужденъ дѣлать то, чего хотѣть не должно; а дабы нація имѣла сію вольность, надлежитъ правленію быть такъ устроену, чтобъ гражданинъ не могъ страшиться злоупотребленія власти, чтобъ никто не могъ быть игралищемъ насильствъ и прихотей, чтобъ по одному произволу власти никто изъ послѣдней степени не могъ быть взброшенъ на первую, ни съ первой свергнутъ на послѣднюю; чтобъ въ лишеніи имѣнія, чести, и жизни одного, данъ былъ отчетъ всѣмъ, и чтобъ слѣдственно всякій безпрепятственно пользоваться могъ своимъ имѣніемъ и преимуществами своего состоянія.

Когда-жъ свободной человѣкъ есть тотъ, которой не зависитъ ни отъ чьей прихоти, напротивъ же того рабъ деспота тотъ, которой ни собою, ни своимъ имѣніемъ располагать не можетъ, и которой на все то, чѣмъ владѣетъ, не имѣетъ другого права кромѣ высочайшей милости и благоволенія, то по сему истолкованію политической вольности видна неразрывная связь ея съ правомъ собственности. Оно есть ничто иное какъ право пользоваться; но безъ вольности пользоваться, что оно значитъ? Равно и вольность не можетъ существовать безъ права; ибо тогда не имѣла бы она

никакой цѣли, а потому и очевидно, что нельзя никакъ нарушить вольности не разрушая права собственности, и нельзя никакъ разрушить права собственности, не нарушая вольности. При изслѣдованіи, въ чемъ состоитъ величайшее благо государствъ и народовъ и что есть истинное намѣреніе всѣхъ системъ законодательства, найдемъ необходимо два главнѣйшіе пункта, а именно тѣ, о коихъ теперь разсуждаемо было, *вольность* и *собственность*. Оба сіи преимущества равно какъ и форма, каковою публичной власти дѣйствовать, должны быть устроены сообразно съ физическимъ положеніемъ государства и моральнымъ свойствомъ націи. Священные законы опредѣляющіе сіе устройство разумѣемъ мы подъ именемъ законовъ фундаментальныхъ. Ясность ихъ должна быть такова, чтобъ ни малѣйшаго недоразумѣнія никогда не повстрѣчалось, чтобъ изъ нихъ монархъ и подданный равномѣрно знали свои должности и права. Отъ сихъ точно законовъ зависитъ общая ихъ безопасность, слѣдственно они и должны быть непремѣнными.

Теперь представимъ себѣ государство объемлющее пространство, каковаго ни одно на всемъ извѣстномъ земномъ шарѣ не обьемлетъ, и котораго по пропорціи его обширности нѣтъ въ свѣтѣ малолюднѣе. Государство раздробленное слишкомъ на тридцать большихъ областей, и состоящее можно сказать изъ двухъ только городовъ, изъ коихъ въ одномъ живутъ люди большею частію по нуждѣ, въ другомъ большею частію по прихоти. Государство многочисленнымъ и храбрымъ своимъ воинствомъ страшное, и котораго положеніе таково, что потерею одной баталіи можетъ иногда бытіе его вовсе истребится. Государство, которое силою и славою своею обращаетъ на себя вниманіе цѣ-

лаго свѣта, и котораго мужикъ однимъ человѣческимъ видомъ отъ скота отличающійся, и никѣмъ не предводимый, можетъ привести такъ сказать въ нѣсколько часовъ на самой край конечнаго разрушенія и гибели. Государство дающее чужимъ землямъ царей и котораго собственный престолъ зависитъ отъ отворенія кабаковъ для звѣрской толпы буянъ, охраняющихъ безопасность царскія особы. Государство, гдѣ есть всѣ политическія состоянія людей, но гдѣ никоторое неимѣетъ никакихъ преимуществъ, и одно отъ другаго пустымъ только именемъ отличается. Государство движимое вседневными и часто другъ другу противурѣчащими указами, но не имѣющее никакого твердаго законоположенія! Государство, гдѣ люди составляютъ собственность людей, гдѣ человѣкъ одного состоянія имѣетъ право быть вмѣстѣ истцомъ и судьею надъ человѣкомъ другого состоянія, гдѣ каждый слѣдственно можетъ быть или тиранъ или жертва. Государство, въ которомъ почтеннѣйшее изъ всѣхъ состояній, долженствующее оборонять отечество, купно съ государемъ и корпусомъ своимъ представлять націю — руководствуемое одною честію: *дворянство* — уже именемъ только существуетъ и продается всякому подлецу ограбившему отечество; гдѣ знатность, сія единственная цѣль благородной души, сіе достойное возмездіе заслугъ отъ рода въ родъ оказываемыхъ отечеству, затмѣвается фаверомъ поглотившимъ всю пищу истиннаго любочестія. Государство не деспотическое, ибо нація никогда не отдавала себя государю въ самовольное его управленіе, и всегда имѣла трибуналы гражданскіе и уголовные, обязанные защищать невинность и наказывать преступленія. Не монархическое, ибо нѣтъ въ немъ фундаменталь-

ныхъ законовъ; не аристократія, ибо верховное въ немъ правленіе есть бездушная машина движимая произволомъ государя. На демократію же и походить не можетъ земля, гдѣ народъ, пресмыкаясь во мракѣ глубочайшаго невѣжества, носитъ безгласно время жестокаго рабства.

Просвѣщенный и добродѣтельный монархъ заставъ свою имперію и свои собственныя права въ такой несообразности и неустройствѣ, начинаетъ великое свое служеніе немедленнымъ огражденіемъ общія безопасности посредствомъ законовъ непреложныхъ. Въ семъ главномъ дѣлѣ не долженъ онъ изъ глазъ выпускать двухъ выраженій: Первое, что государство его требуетъ немедленнаго врачеванія отъ всѣхъ золъ приключаемыхъ ему злоупотребленіемъ самовластія; — второе, что государство его ничѣмъ такъ скоро не можетъ быть подвергнуто конечному разрушенію, какъ если вдругъ и не приготовя націю дать ей преимущества, коими наслаждаются благоучрежденные Европейскіе народы.

Въ заключеніе надлежитъ признать ту истину, что главнѣйшая наука правленія состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть сдѣлать людей способными жить подъ добрымъ правленіемъ. На сіе никакіе именные указы не годятся. Узаконеніе быть добрымъ не подходитъ ни подъ какую главу устава о благочиніи. Тщетно было бы вырѣзывать его на доскахъ, и ставить на столы въ управахъ; буде не врѣзано оно въ сердца, то всѣ управы, будутъ плохо управляться. Чтобъ устроить нравы, нѣтъ нужды ни въ какихъ пышныхъ и торжественныхъ обрядахъ. Свойство истиннаго величества есть то, чтобъ наивеличайшія дѣла дѣлать наипростѣйшимъ образомъ. Здравый разсудокъ и опытъ

всѣхъ вѣковъ показываютъ, что одно благонравіе государя образуетъ благонравіе народа. Въ его рукахъ пружина, куда повернуть людей къ добродѣтели или къ пороку. Всѣ на него смотрятъ, и сіянie окружающее государя освѣщаетъ его съ головы до ногъ всему народу. Ни малѣйшее его движеніе ни отъ кого не скрывается, и таково есть счастливое или несчастное царское состояніе, что онъ ни добродѣтелей, ни пороковъ своихъ утаить не можетъ. Онъ судитъ народъ, а народъ судитъ его правосудіе. Если же надѣется онъ на развращеніе своей націи столько, что думаетъ обмануть ее ложной добродѣтелію — самъ сильно обманывается. Чтобъ казаться добрымъ государемъ необходимо быть такимъ; ибо какъ люди порочны ни были бы, но умы ихъ никогда столько не испорчены, сколько ихъ сердца, и мы видимъ, что тѣ самые, кои меньше всего привязаны къ добродѣтели, бываютъ часто величайшіе знатоки въ добродѣтеляхъ. Быть узнану, есть необходимая судьбина государей, и достойный государь ее не устрашается. Первое его титло есть титло честнаго человѣка, а быть узнану есть наказаніе лицемѣра, и истинная награда честнаго человѣка. Онъ ставъ узнанъ своею націею, становится тотчасъ образцомъ ея. Почтеніе его къ заслугамъ и лѣтамъ, бываетъ наистрожайшимъ запрещеніемъ всякой дерзости и нахальству. Государь добрый мужъ, добрый отецъ, добрый хозяинъ, не говоря ни слова устроиваетъ во всѣхъ домахъ внутреннее спокойствіе, возбуждаетъ чадолюбіе, и самодержавнѣйшимъ образомъ запрещаетъ каждому выходить изъ мѣръ своего состоянія. Кто не любитъ въ государѣ мудраго человѣка? а любимый го-

сударь — чего изъ подданныхъ сдѣлать не можетъ! Оставя всѣ тонкіе разборы правъ политическихъ, вопросимъ себя чистосердечно, кто есть самодержавнѣйшій изъ всѣхъ на свѣтѣ государей? Душа и сердце вопіютъ единогласно: тотъ, кто болѣе любимъ.

ПИСЬМО

Мордвинова къ императору Александру I.

Государь,

Минута, въ которую осмѣливаюсь призывать Ваше императорское величество, обратить все вниманіе на пользу Вашего народа, коего Вы отецъ, есть можетъ быть послѣдняя для предупрежденія ужаснаго, но неизбѣжнаго бѣдствія, грозящаго отечеству какъ въ лицѣ повелителя его, такъ равно и послѣднему подданному. Уже не время, Государь! предпочитать непредвѣдѣніе, скрывающее отъ насъ представляющіяся несчастія, той мудрости, которая ищетъ ихъ предупредить; не время закрывать завѣсою будущее, и быть довольнымъ тѣмъ, что на минуту останавливаемъ совершеніе нашей судьбы! Обратите взоры Ваши на то, что происходитъ во внутренности Вашихъ владѣній, въ столицахъ Вашихъ, даже около собственной Вашей особы; горестными опытами удостовѣритесь, что одна измѣна можетъ скрывать бездну зіяющую предъ Вами и что только соединенныя усилія мудрости и осторожности, любви къ отечеству и усердія могутъ исторгнуть Россію изъ бездны, въ которую надменность, невѣжество, заговоры и вообще развращеніе нравовъ ее повергли.

Наконецъ обнародованъ сей миръ, бывшій столь долгое время тайною для націи; Вашъ новый союзникъ поспѣшилъ открыть въ публичныхъ листахъ бѣдствія, которыя онъ скопилъ надъ нашими главами. Блистательный вѣкъ славы, въ которомъ Русскіе давали законы, хотя уже и протекъ; но сыны Россіи, хотя уже и потерявшіе столь лестныя надежды, обычныя ихъ юнымъ лѣтамъ, охотно бы пожертвовали послѣднею каплею ихъ крови, нежели столь постыднымъ образомъ преклониться подъ иго того, который имѣетъ предъ ними одно преимущество — то, что умѣлъ воспользоваться слабостію, измѣною и невѣжествомъ.

Никогда не дерзнулъ бы я быть гласомъ, открывающимъ Вашему Величеству сіи ужасныя истины, если бы не имѣлъ вмѣстѣ съ ними предложить и утѣшенія, услаждающія ихъ жестокость. Всеобщее негодованіе, столь ясно выражающее духъ націи, открывая опасность, обнаруживаетъ средство и доказываетъ Вашему Величеству все, что Вы можете ожидать отъ великодушнаго Вашего народа, позволя ему сопутствовать Вамъ по блистательнымъ стезямъ, проложеннымъ знаменитыми предками Вашими.

Удостойте, государь, усердіе мое позволеніемъ Вашимъ исполнить священную обязанность говорить Вамъ съ тою откровенностію и безпристрастіемъ, которыхъ имѣете Вы право ожидать отъ Вашего вѣрноподданнаго; позвольте представить въ настоящемъ видѣ положеніе государства Вашего, напомнить обѣщанія, коими вы польстили отечеству, и показать вамъ плоды, которые оно отъ оныхъ получило.

При вступленіи Вашего Императорскаго Величества на престолъ блистательная будущность представлялась въ глазахъ націи; торжественное обѣ-

щаніе управлять по духу и сердцу августѣйшей Вашей бабки обратили на Васъ всѣхъ взоры, исполненные надеждами и содѣлали васъ предметомъ всеобщей любви.

И кто могъ безъ восторга взирать на юнаго монарха, врага роскоши и суетнаго тщеславія, начинающаго тѣмъ, что отдалъ себя перваго подъ караулъ священныхъ законовъ, возобновляющаго и умножающаго древнія преимущества сената, подтверждающаго права дворянства, яко первой подпоры престола, окружающаго себя выполнителями, которые пріобрѣли общее уваженіе, идущаго надежными шагами и съ такими опорами по пути, который ведетъ къ истинному величію! Уничтоженіе тайной экспедиціи, намѣреніе преобразовать гражданское уложеніе, безпристрастіе въ выборѣ правителей губерній, подтвержденіе терпимости въ вѣрѣ, строгая экономія во всѣхъ излишнихъ издержкахъ, неограниченная щедрость во всемъ томъ, что истинно полезно, прибавка жалованья офицерамъ, раздача призовъ защитникамъ отечества, построеніе городовъ, портовъ и каналовъ, улучшеніе всѣхъ человѣколюбивыхъ заведеній, одобреніе наукъ, торговли, промысловъ, искуствъ, великодушный покровъ всѣмъ утѣсненнымъ, прибѣгающимъ къ Вашему правосудію. Вотъ, государь! права Ваши, коими вы снискали любовь поданныхъ въ первые годы вашего царствованія.

При сихъ-то счастливыхъ преднадѣяніяхъ Вашимъ манифестомъ 1802 года учреждающееся министерство, которое по существу дѣлъ хотя и было раздѣлено на разные департаменты, но соединено въ общій комитетъ подъ благотворнымъ вліяніемъ воли монарха, которая должна быть душею правленія и средоточіемъ всѣхъ властей; таковое ми-

нистерство не представляло ничего, кромѣ лестнаго надеждамъ народнымъ; особенныя инструкціи, гласно обнародованныя, изглаживали до малѣйшаго подозрѣнія въ непредвидѣніи дѣлъ.

Но Вашему Величеству болѣе всѣхъ извѣстно сколь много отдалилось сіе учрежденіе отъ смысля перваго его основанія, и самый опытъ показалъ, сколь нужна твердость въ государственныхъ постановленіяхъ и коль опасны въ таковыхъ случаяхъ неполныя мѣры, принятыя нерѣшительно и обезображенныя недовѣренностію, которыя несогласіями, недостаткомъ соображеній и средствъ не соотвѣтствуютъ болѣе первому предмету.

Если Ваше Величество удостоитъ обратить свой взоръ съ пружинъ правленія на ихъ дѣйствія, какая ужасная картина всеобщаго разстройства въ государствѣ представится отеческому Вашему сердцу — моровая язва, приближающаяся къ нашимъ границамъ и угрожающая распространиться даже во внутренности государства, возмущеніе народа въ Астраханѣ, прекращеніе внѣшней и внутренней торговли, товары, остановленные въ Макарьевской ярмаркѣ, непослушаніе Уральскихъ народовъ, явное неповиновеніе работниковъ на желѣзныхъ заводахъ въ Перми. Крестьяне нѣмецкіе ожидаютъ лишь перваго знака къ возмущенію; жиды, притѣсненные въ гражданскомъ ихъ существованіи безъ всякой основательно причины и побуждаемые внѣшнимъ вліяніемъ, готовы все предпріять противъ правительства, которое съ ними одними нарушаетъ правило терпимости вѣры, въ коемъ оно дало примѣръ другимъ націямъ. Польскіе крестьяне и ихъ господа, ободренные прилипчивымъ примѣромъ вольности, дарованной смѣжнымъ соотечественникамъ; Крымскіе татары, упоенные фанатизмомъ,

готовые соединиться съ Турками. Необыкновенная дороговизна въ столицахъ, голодъ въ пограничныхъ губерніяхъ, недостатокъ рукъ и скота, похищенныхъ отъ земледѣлія рекрутскими наборами и милиціей, и отъ сѣвера до юга во всѣхъ губерніяхъ всѣ классы подданныхъ, дворяне, духовные, купцы и земледѣльцы, движимые одинакимъ чувствомъ отчаянія и возмущенія. Финансы, истощенные двумя несчастными войнами; патріотическія пожертвованія, истраченныя безъ всякой пользы, чрезмѣрное умноженіе ассигнацій безъ нужды, соблазнительная роскошь въ строеніи домовъ въ столицахъ, наругающаяся бѣдности въ губерніяхъ, и источники государственныхъ доходовъ, истощенные даже и у крестьянъ не истинными нуждами отечества, нося удовлетворенія ненасытной алчности всякаго рода грабителей, явно ободряемыхъ систематическою терпимостію.

Армія потеряла прежній духъ свой, огорченная потерею безполезно пролитой крови, безъ опытнаго начальника, къ которому бы могла имѣть истинное довѣріе, презирая тѣхъ, коихъ одна личная благосклонность монарха подтверждаетъ противъ всеобщаго мнѣнія; вновь укомплектованная рекрутами, безъ повиновенія, безъ правилъ настоящаго устройства и наконецъ имѣя недостатокъ поперемѣнно въ оружіи, въ военныхъ припасахъ и въ провіантѣ.

Милиція, обманутая въ справедливой довѣренности и къ торжественнымъ обѣщаніямъ Монарха, призыванная единственно на время войны и употребленная на укомплектованіе арміи, какъ обыкновенные рекруты.

Морская сила еще въ жалостнѣйшемъ положеніи, нежели армія! Состоящая въ одномъ Сенявинскомъ флотѣ и заслуживающая свое наименованіе одними

безполезними и чрезмѣрными издержками. Сенявин, заслужившій своимъ достойнымъ поведеніемъ обще одобреніе народа, уважаемый какъ воспитанник Мордвинова и притѣсняемый равно какъ и онъ.

Департаментъ иностранныхъ дѣлъ обнаружилс миромъ, теперь обнародованнымъ, но имѣя хот то одно достоинство, что будучи управляемъ ино странцемъ, который оставилъ покрайней мѣр отечеству утѣшеніе, что не имя Русскаго покрыто будетъ вѣчнымъ посрамленіемъ.

Духовенство навлекло на себя презрѣніе народно ненавистію и ругательствомъ, которыхъ правитель ство отъ него требовало, чтобы оно произносило противъ врага отечества, и отринутое самимъ правительствомъ.

Ежели внутреннее положеніе Россіи возбуждаетъ справедливое опасеніе, равно и внѣшнія отношенія ея не представляютъ ничего утѣшительнаго. Она не имѣетъ болѣе союзниковъ, ибо она ихъ всѣхъ обольстила тщетнымъ надѣяніемъ на свои силы и потомъ оставила безъ всякой защиты.

Государи и народы: Англія, Австрія, Швеція, Пруссія, короли: Неаполитанскій, Сардинскій, Фамилія Бурбоновъ, Греки, Черногорцы, Славяне, республика Семи соединенныхъ острововъ имѣютъ неоспоримыя права намъ дѣлать равные упреки. Между тѣмъ война съ Турками еще не совсѣмъ кончена, продолжается въ Персіи; Англія и Швеція угрожаютъ важными безпокойствами. Наполеонъ наслѣдуя обыкновенной своей методѣ, пронырствами своими стараясь привести въ растройство всѣ части въ государствѣ, готовъ снова напасть на насъ съ открытою силою. Его средства увеличиваются безпрестанно, а мы лишаемся способовъ противиться ему. И такъ отрекшись отъ

прежняго достоинства нашего, потерявъ прежнихъ союзниковъ и надежду когда либо кончить войну побѣдою, предстоятъ намъ вѣчныя безпокойства, пожертвованія и опасности.

Вотъ, Государь! ужасное, но вѣрное изображеніе критическаго нашего положенія. Государство достигло, почти до верху возможнаго несчастія: но средство къ поправленію всего еще въ вашихъ рукахъ. Первѣйшее преимущество наслѣдія, полученнаго вами отъ предковъ Вашихъ, есть и будетъ всегда превыше обстоятельствъ среди самыхъ величайшихъ бѣдствій. Петръ Великій сдѣлалъ прочное основаніе своей славѣ и благосостоянію народному. Государь! будьте столькожъ велики, какъ Ваши предки; кормило правленія требуетъ героя въ настоящихъ обстоятельствахъ. Государь! украсьте себя добродѣтелями, наслѣдственными Вашей фамиліи. Первѣйшая изъ нихъ и наинужнѣйшая теперь для Васъ есть та, въ коей августѣйшая Ваша бабка подавала Вамъ непрестанный примѣръ; она состояла въ безпредѣльной привязанности и совершенной довѣренности къ своему народу, и въ предпочтеніи его предъ всѣми прочими народами. Отдалите отъ себя толпу иностранцевъ, подобныхъ хищнымъ врагамъ въ день печали, питающихся ранами государства и собирающихся для попиранія нашихъ труповъ. Вы ничего не должны ожидать хорошаго, какъ отъ истинно Русскихъ; сблизьтесь съ Вашей націей, одушевитесь духомъ ея, будьте сильны ея силою, мужественны ея мужествомъ, гордитесь ея славою, и признательное потомство можетъ еще причислить Васъ къ числу великихъ нашихъ государей.

Положитесь болѣе всего на дворянство, на сію твердую подпору государства, на сіе сословіе,

которое себѣ поставляетъ единымъ преимуществомъ проливать кровъ за отечество, признавать государя своимъ покровителемъ и гордиться его довѣренностію. Въ сей-то взаимной довѣренности государя къ дворянству и дворянства къ государю найдете Вы надежные способы соединить членовъ правленія, наполнить ихъ однимъ духомъ и стремленіемъ къ одному предмету. Тогда каждый гражданинъ поставитъ себѣ священною обязанностію и честію всѣми силами содѣйствовать къ всеобщему благу, тогда прекратятся всѣ гнусныя пронырства и правительство воспрійметь ту дѣятельность, то единство и счастливое согласіе во всѣхъ частяхъ, безъ коихъ самый величайшій геній не можетъ ничего предпринять спасительнаго къ благу государства.

МНѢНІЕ

Адмирала графа Мордвинова въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу учрежденія откуповъ.

Во всю жизнь мою я пламенѣлъ желаніемъ зрѣть въ полномъ счастіи отечество мое и въ немерцающей славѣ всеавгустѣйшихъ монарховъ моихъ. Если бы пламень сихъ чувствованій, когда уже стою я при дверяхъ гроба, имѣя 84 года, и могъ погаснуть и оставалась бы одна только искра прежней моей горячности, то и тогда не умолчалъ бы высказать правду предъ тѣмъ, коего твердой волѣ предвѣчныя судьбы предоставили на пространнѣйшей площади шара земнаго устроить благоденствіе многочисленнѣйшаго народа.

Сколь торжественно для каждаго благомыслящаго человѣка видѣть во всякомъ цѣловальникѣ, стоя-

щемъ за винною стойкою, невольное покушеніе на обманъ и злоухищреніе; ибо само правительство побуждаетъ его на сіи пороки, предоставивъ ему право пользоваться только каплями, падающими изъ чарки, держимой дрожащею рукою піющаго пьяницы — видѣть въ цѣловальникѣ представителя благочестивѣйшаго великаго государя, продавшаго ему за деньги такое право, видѣть въ каждомъ человѣкѣ, выходящемъ изъ кабака, упоеннаго огненнымъ напиткомъ, съ тѣломъ разслабленнымъ и съ духомъ, уготованнымъ на всякое злодѣяніе, видѣть умирающаго человѣка отъ излишняго упоенія симъ гибельнымъ напиткомъ, видѣть погрязшими въ семъ развратѣ не одну тысячу, но сотни тысячъ людей, уставомъ виннымъ побуждаемыхъ къ тому, видѣть тощіе доходы, государственнымъ казначействомъ получаемые, и знать, что главною причиною сего существеннаго недостатка для блага имперіи есть винный уставъ, поощряющій ежегодно распространеніе пьянства въ народѣ — все сіе возбраняетъ мнѣ утвердить подписью моею то, что я нахожу совершенно вреднымъ и для милліоновъ народа и для всего государства.

МНѢНІЕ

Адмирала Мордвинова по происшествію, бывшему въ Кіевской губерніи и по суду, произведенному надъ помѣщикомъ Протопоповымъ.

(1817.)

Когда государственный совѣтъ удостоилъ вниманія своего примѣчанія, кои я въ послѣднемъ онаго засѣданіи сдѣлалъ, на рѣшеніе правительствующаго сената по происшествію бывшему въ Кіевской губерніи и слѣдствію, учиненному надъ надворнымъ совѣтникомъ Протопоповымъ, то і прошу дозволенія изслѣдовать и причины, кои могли дать поводъ къ необычайному произнесенію наивеличайшаго въ законахъ нашихъ наказанія надъ отцомъ за любовь его къ сыну, въ такое ещ время, когда и самый доносъ противъ его доста точно оправданъ не былъ. И поелику доносъ перво начально проистекъ отъ пойманныхъ разбойниковъ а потомъ отъ тѣхъ, кои при третьемъ слѣдствіи взяли деньги, удержали ихъ въ рукахъ не мало время (21 дней), и потомъ о полученіи ихъ объ явили, то всѣ таковые расказы и объявленія могутъ достовѣрнѣе быть приняты за клевету нежели за искренное похищеніе правды, что самое, особ

прилагаемая здѣсь изъ дѣла выписка утвердить можетъ, которая лучше можетъ дать истинное о семъ дѣлѣ понятіе, нежели то, что могъ и о чемъ имѣлъ я время написать.

Народовъ просвѣщенныхъ уголовные уставы начинаются прещеніемъ противъ клеветниковъ, открывается съ оныхъ судъ обиженнымъ, излагается казнь на лживаго даже и неострожнаго доносчика. Злоумышленный обвинитель пріемлется въ разумѣ устава первымъ въ общежитіи злодѣемъ, яко нарушителемъ общаго спокойствія, врагомъ правды, гонителемъ невинности. Прочія изложенныя въ оныхъ законопреступленія исчисляются послѣ сего начальнаго, вчиняющаго первый раздоръ въ обществѣ. Таковое положеніе уголовныхъ законовъ утвердилось горестными примѣрами вѣковъ, ибо народы отъ клеветы не оградившіе невинность были всегда несчастны. Небреженіе огражденія сего уничтожало личную безопасность, взаимную довѣренность, благость народовъ, порождало страхъ въ домахъ, молчаніе на сборныхъ мѣстахъ, истязанія и пытки въ судахъ. Тогда тайна царствовала, обвинители и обвиняемые судимы были при запертыхъ окнахъ и заклепаныхъ дверяхъ, или мракѣ ночномъ. Въ таковымъ состояніи вступивши на престолъ Титъ нашелъ Римъ. Первый достойный сего императора подвигъ ознаменовался воспрещеніемъ по всей имперіи принятія доносовъ, изреченіемъ казни доносчиковъ.

Мудрые преемники его Траянъ, Антонинъ, Маркъ Аврелій подтвердили законъ сей, и сей законъ сдѣлался начальнымъ для всѣхъ прочихъ въ Европѣ уставовъ.

Императоръ Іустиніанъ, собравши всѣ римскаго права изящныя постановленія въ одинъ уставъ,

начинаетъ оный опредѣленіемъ въ чемъ состоитъ слава владыкъ земныхъ.

Онъ начинаетъ уставъ сими словами: La majesté d'un prince ne doit pas seulement briller par la force des armes, il faut encore, qu'elle soit redoutable par l'autorité des lois; ainsi que l'état soit bien gouverné en temps de paix et en temps de guerre, que l'Empereur devienne dans les combats victorieux de ses ennemis, qu'il réprime par la sagesse de ses lois l'injustice des calomniateurs; et enfin pour se rendre autant recommandable par sa justice, que grand par ses victoires.

Іустиніанъ соединяетъ славу оружія противъ внѣшнихъ враговъ со строгостію законовъ противъ внутреннихъ и сію строгость обращаетъ первоначально на клеветниковъ.

Мудрость римскаго уложенія проникла до самыхъ отдаленнѣйшихъ и даже не подвластныхъ римской державѣ народовъ. Въ Россіи древній законъ предавалъ доносителей трое-кратному тѣлесному истязанію, прежде нежели прикасался къ обвиняемому, и хотя таковое испытаніе, правда, было грубо и порочно, дикимъ и непросвѣщеннымъ народамъ токмо свойственно; но указуетъ оно на начало праведное, воспрещающее доносы и первую пытку опредѣлившее доносчику.

Но горестнѣйшія времена народовъ были тѣ, когда злобные доносчики не были наказуемы, когда отъ происковъ своихъ получали они награду, или великія отъ доносовъ стяжали себѣ выгоды, паче же когда невинность закономъ истязающимъ была оправдываема, закономъ же вознаграждающимъ была забываема.

Петръ Великій при самомъ началѣ просвѣщенія

Россіи издалъ строгій указъ противъ доносчиковъ и предписалъ правила къ воздержанію ихъ и отклоненію самыхъ доносовъ, по возбужденію страстей легко размножающихся и всега дерзновенныхъ, когда они не обузданы будутъ страхомъ праведнаго наказанія. Сей великій благоустроитель Россіи, отъ прозорливости коего ничто не скрывалось, усмотрѣлъ, что пороки въ правительствахъ подобно какъ и въ людяхъ часто возрастаютъ и укореняются скоро, если при началѣ не будутъ исправлены, и что они возобладать могутъ всѣми, подобно какъ частнаго человѣка, дѣяніями правителей.

Онъ призналъ, что самодержавное правительство по составу требуетъ внимательнѣйшаго противъ всякаго зла остереженія, что такое правительство есть изъ всѣхъ другихъ слабѣйшее, когда не ограждено оно на всѣхъ степеняхъ своихъ величіемъ добродѣтели, отъ коихъ заимствуетъ и блескъ и силу и неизмѣнную власть свою, а потому и не умедлилъ обратить бдительнаго вниманія своего на соблюденіе правды въ судахъ, яко на начало перваго вообще благоустройства.

Нѣмы да будутъ льстивые, глаголющіе на праведнаго беззаконія, слово царя пророка, поучающаго правдѣ духомъ святыни его.

Но зло часто преуспѣваетъ. За доносами назначаются слѣдственныя коммиссіи, коихъ самое назначеніе есть уже отступленіе отъ законнаго порядка и правосудія. Назначеніе часто не осторожное тѣмъ, что члены въ сей коммиссіи рѣдко опредѣляются правительствомъ способные, ибо люди честные и кроткіе отъ выбора всегда уклоняются, заступаютъ же ихъ мѣста пронырливые, тѣ, у коихъ личные виды возбуждаютъ желаніе быть въ оныхъ членами; а часто содѣлываются таковыми

сочинителями доноса тайные наставники доносчика; достигши до своей цѣли и будучи отъ высшаго правительства уполномочены и всегда довѣряемы, ничто не претитъ ихъ самовольству. По роду своего осужденія поставя себя внѣ законовъ, предаются они страстямъ и нерѣдко самыя гнусныя управляютъ ихъ судомъ и расправою; присылаемые для исправленія разстроеннаго порядка начинаютъ обыкновенно сами разрушать законы; тамъ, гдѣ оный существовалъ, водворяется истинный безпорядокъ и царствуетъ. Надобно быть на мѣстахъ, чтобы видѣть, какъ на высшія степени ложь и клевета тогда смѣло восходятъ, какъ уловляется невинность и какъ дерзость ободряемая глаголетъ на праведнаго беззаконія. Когда-бы донесенія и приговоры слѣдственныхъ коммиссій прошедшаго времени внимательно прочтены были, то позналасьбы та истина, что каждая изъ нихъ оставила слѣды внутренной вражды, безъ затруднительнаго разбора и долговременнаго безпокойства для правительства.

Главные въ Россіи примѣры убѣдительно вѣщаютъ, что слѣдственныя коммиссіи не исцѣляли никакого зла, но порождали вмѣсто мнимаго и въ началѣ хитро вымышленнаго — существенное. Повѣствованіе каждой бывшей коммиссіи есть повѣсть горестнѣйшая тѣхъ странъ, гдѣ они существовали, предаваемая жителями въ память потомственную; это зло не единовременное, не протекшее токмо, но нанесшее печальныя слѣдствія и на будущія времена. Толь дѣла сихъ коммиссій всегда были враждебны и разстроеніе блага обширно и долговѣчно.

Въ недавнія времена во Франціи ничего такъ не страшились, какъ возстановленія слѣдственныхъ коммиссій, яко лютѣйшаго порожденія бывшей кровавой революціи и самовластнаго беззаконнаго

правленія; въ мнѣніяхъ о злотворныхъ дѣйствіяхъ таковыхъ коммиссій никакой народъ не разнствовалъ: вездѣ онѣ изглаждали правду, возмущали пороки, злословили благочинныхъ, карали невинныхъ.

Посему премудрый Соломонъ еще въ древнія времена описываетъ клевету и послѣдствія оной словами разительными: „Преподобный нечистъ у злодѣевъ, нечестивъ-же мужъ безстыдно стоитъ лицемъ: изжени отъ сонмища губителя и изыдетъ съ нимъ преніе, егда бо сядетъ въ сонмищи всѣхъ безчеститъ.“

Таковое всеобщей чести поруганіе порождаетъ развратъ въ нравственности, какъ народной, такъ и самаго правительства; естественное послѣдствіе отъ уваженія доносовъ есть взаимное недовѣріе и отчужденіе любви, хранительницы общественныхъ связей и державы властей.

Разумъ благородныхъ законовъ и мнѣніе всѣхъ народовъ мрачную опустили завѣсу на времена и дѣянія судовъ, вслѣдствіе доносовъ бывшихъ и предали воспоминаніе оныхъ праведной и всеощей ненависти.

Я привелъ всѣ сіи общія разсужденія, чтобъ показать сколь дѣянія доносовъ зловредны и сколь легко при уваженіи оныхъ возникнуть могутъ жесточайшіе въ судахъ приговоры.

Правительствующій сенатъ приговариваетъ къ лишенію чиновъ, дворянскаго достоинства и къ ссылкѣ въ Сибирь отца, пекущагося о защищеніи сына своего, устрашеннаго угрозами доноса, коихъ, вѣроятно, укротить онъ не могъ инымъ способомъ, какъ тѣмъ, что единое смиряетъ сердца людей, чуждыхъ благости и снисхожденія. Обвиняемый не скрываетъ, что далъ деньги присланнымъ для новаго слѣдствія по доносу противъ сына его, яко

бы ломалъ онъ ноги у пойманныхъ имъ съ крестьянами своими дезертировъ, когда за три года о томъ не зналъ никто и примѣтить того не могъ; но когда страшные доносы и грозныя предстоятъ послѣдствія, то кто во спасеніе ближняго сердцу лица не употребилъ бы всѣхъ зависимыхъ отъ него способовъ, кто въ огражденіе сего лица не послѣдовалъ-бы внутреннему гласу чувствъ, природою въ насъ вліянныхъ, кои всегда живы въ сердцахъ непорочныхъ и коихъ законы человѣческіе истребить не могутъ и ослаблять не должны. Если бы его начальныя для всѣхъ частныхъ и общественныхъ добродѣтелей направленія искажены были и воспрещено было-бы страхомъ мучительныхъ казней онымъ слѣдовать, то не злымъ дѣламъ, но добрымъ положена была-бы преграда, всякому злу величайшее одобреніе, тогда было бы вѣрнѣе сказать что нѣтъ и закона таковаго, который бы возбраняя священныя права человѣковъ между собою, связи и обязанности, дерзновенно расторгалъ бы законъ Божій. Издревле дочь, питавшую сосцами своими отца, осужденнаго на смерть глада, почтили дарами и похвалою, а не казнили ее за любовь дочернюю, и сей не есть единственный въ бытописаніяхъ примѣръ безмолвія законовъ противъ преступниковъ, возбужденіемъ нѣжной любви нарушившихъ оные. Еще въ недавніе времена жена покрывшая мужа своего платьемъ своимъ вывела изъ темницы, оставаясь въ оной сама вмѣсто его, но не была сочтена она преступницею и свободно была выпущена изъ заключенія, коему добровольно себя предала. Такъ во всѣхъ земляхъ доселѣ нигдѣ не отклонялись отъ должнаго благоговѣнія къ законамъ природы и всегда уважаемо было все то, что ими оправдано быть могло.

Въ предлежащемъ-же дѣлѣ, кто могъ-бы произнести хулу на поступокъ, во спасеніе сына своего учиненный? Кто не одобривъ оный, отрекся-бы безъ внутренной укоризны и безъ оскорбленія благороднѣйшихъ чувствъ и правъ естественныхъ, долженствующихъ во всѣхъ поступкахъ и сужденіяхъ служить основаніемъ? Но здѣсь и самое намѣреніе въ видѣ величайшаго преступленія судимое, не доказано, и не могло даже быть подозрѣваемо; ибо ни отецъ, ни сынъ не были причастны въ дѣлѣ, о коемъ слѣдствіе производимо было, за которое однако приговариваютъ къ наказанію, достойному токмо чуждаго всякія добродѣтели, и какъ-бы сдѣлавшаго ближнему своему ущербъ, или уязвленіе величайшее, или-бы возмутившаго всеобщее спокойствіе. Обвиненный утверждаетъ, что подарилъ 5000 рублей отъ избытка богатства своего и слѣдуя не отстраняемому праву располагать дарами своими по волѣ и ограждать себя законами, кои не воспрещаютъ быть милостиву и щедру въ подаяніяхъ и наградахъ безъ изысканія даже причинъ побуждающихъ къ онымъ, до таинства коихъ и прикасаться никогда не должно; ибо въ противномъ случаѣ и самые благія могли-бы почтены быть злоупотребительными. Власть, дозволяющая себѣ испытывать сердца, угадывать сокровенныя оныхъ движенія и подвергать по волѣ своей намѣренія, никогда дѣлъ человѣческихъ праведно судить не можетъ; ибо можетъ быть всегда обманута и обману можетъ быть сама причиною. Предубѣжденіе и мысль покоренная подозрѣнію могутъ всему дать ложный видъ.

Будучи пораженъ произнесеннымъ отъ правительствующаго сената приговоромъ, я не могу иначе оный почесть, какъ предосудительнымъ для прави-

тельства въ вѣка и при царствованіи всеавгустѣйшаго монарха нашего, являющаго любовь и милосердіе ко врученнымъ отъ всевышняго Творца народамъ, яко чадамъ его, коихъ человѣколюбивыми примѣрами наставляетъ вседневно да судятъ и они по закону и по правдѣ и управляютъ ближними, яко братьями своими.

За симъ я заключаю, что надворный совѣтникъ Протопоповъ долженъ быть освобожденъ отъ всякаго наказанія и дальнѣйшаго преслѣдованія и чувствую изливающуюся слезу сокрушенія подъ огорченіемъ тяжкимъ семидесятилѣтнему старцу (сіи лѣта написаны въ приговорѣ) отцу причиненномъ. Сынъ-же израненый при защищеніи отечества противъ внѣшнихъ враговъ, и при гражданскомъ служеніи, по приглашенію самаго правительства, противъ внутреннихъ разбойниковъ не меньшей опасности подвергавшій жизнь свою и чуждый всякаго соучаствованія съ отыскиваемыми по жалобѣ одного изъ главнѣйшихъ разбойниковъ виновниками, заслуживаетъ по мнѣнію моему похвалу и всеобщее къ нему почтеніе.

Что же касается до прочихъ подсудимыхъ по сему дѣлу, то какъ дальнѣйшее изслѣдованіе могло бы заключиться единственно въ томъ, что поступили они съ вооруженными разбойниками снисходительно и ласково и при поискѣ и поимкѣ не оказано имъ никакихъ насильствій и уязвленій, о чемъ никто достовѣрно изслѣдовать не могъ, когда не приняты были во уваженіе донесенія мѣстныхъ начальствъ о многочисленности разбойниковъ, осаждавшихъ селенія, дѣлавшихъ открытою силою нападеніе и грабежи, угрожавшихъ поджогами и смертоубійствами — почему оныхъ всѣхъ надлежало бы оставить равно свободными отъ всякихъ

впредь розысковъ, изъ коихъ ничего новаго познать невозможно будетъ кромѣ того, что для поимки защищавшихся оружіемъ разбойниковъ великія усилія должно было употребить.

Я кончу сіе общимъ примѣчаніемъ: разбойники пойманы были въ 1816 году, о ломаніи у коихъ рукъ и ногъ никто не слыхалъ. Земскіе чиновники, городничій и штабъ-лекарь и множество свидѣтелей подъ присягою показали, что истязаній таковыхъ на тѣлѣ ихъ не примѣтили и не было; но по истеченіи нѣкотораго времени возгарется сердоболіе къ главнѣйшему изъ разбойниковъ Кирдяну и плацъмаіоръ въ Кіевѣ, случайно занимавшій мѣсто коменданта, требуетъ, чтобы новое слѣдствіе произведено было и убѣдительною къ требованію причиною поставляетъ показаніе Кирдяна и заключаетъ сими словами: подтверждаетъ о семъ Кирдянъ, сіе должно откыться по доказательствамъ его.

Сей-же самый плацъ-маіоръ является потомъ изслѣдователемъ и судьею селеній помѣщика Протопопова, принятелемъ денегъ кои удерживаетъ при себѣ не малое время и наконецъ обвинителемъ въ лиходательствѣ. При семъ послѣднемъ слѣдствіи, уже военною коммиссіею произведенномъ, являются новые свидѣтели: инвалиды, рядовые солдаты, цырюльники и евреи, кои утверждаютъ, что два года тому назадъ были ломаны ноги у Кирдяна, что сіе слышали они лично, и достойно примѣчанія то, что всѣ они однимъ оканчиваютъ, что увѣчія сіи учинены были селенія Журминца помѣщикомъ, нѣкоторые изъ нихъ и именуютъ его Протопоповымъ.

Три слѣдствія одно за другимъ послѣдуемыя, великія, настоянія и продолжительное время преслѣдованія, великое довѣріе къ словамъ разбойника и малое къ удостовѣреніямъ и присягѣ чиновниковъ

и простолюдянъ, не примѣченныхъ ни въ какихъ прежде злодѣяніяхъ, упорство въ отысканіи свидѣтелей, кои-бы сказать могли, что руки и ноги у Кирдяна переломаны, то что каждый зрячій самъ видѣть могъ, осмотръ рукъ и ногъ цырюльниками, а не лекарями. Сіи два гражданскія слѣдствія оправдывающія, третіе военное обвиняющее, сей новый рядъ инвалидовъ, гарнизонныхъ солдатъ и евреевъ, свидѣтельствующихъ о бывшемъ въ отдаленной отъ города деревнѣ, въ 150 верстахъ отстоящій, происшествіи и чудное согласіе при допросахъ отвѣтовъ ихъ, иныхъ, упоминавшихъ — какъ называютъ деревню, другихъ — какъ называютъ помѣщика оной, и всѣхъ, потому-что слышали лично отъ Кирдяна, утверждающихъ, что ломалъ тѣ руки и ноги помѣщикъ Протопоповъ — не доказываетъ ли все сіе нѣчто нескромное, нѣчто недовѣрчивое, тайное недостаточное краснорѣчіе. Вмѣсто показанія рукъ и ногъ его, не забота о рукахъ и ногахъ его, не состраданіе къ пойманному злодѣю, не ревность къ открытію правды возбуждали чувства и порождали усердіе въ отысканіи великихъ преступниковъ, огорчившихъ и уязвившихъ Кирдяна, котораго если бы и убили на мѣстѣ, то виновниковъ убіенія его едва ли бы долженствовало отыскивать столь настоятельно и упорно.

МНѢНІЕ ГОСПОДИНА МОРДВИНОВА.

Если объ Эмбинскихъ рыбныхъ ловляхъ, пожалованныхъ графу Кутайсову, разсуждать по одному только отношенію къ самодержавной власти, конечно весьма легко рѣшить все дѣло. Неограниченною волею одного государя воды сіи отданы частному человѣку, неограниченная воля другаго государя, ему равнаго, можетъ ихъ взять обратно; опредѣлить за нихъ вознагражденіе большее или меньшее, или не опредѣлить никакого, зависитъ отъ его хотѣнія.

Тутъ не можетъ быть вопроса ни о справедливости, ни о несправедливости. Въ понятіи власти произвольной все смѣшано, и нѣтъ въ ней ничего несправедливаго, ибо она сама есть первая несправедливость; въ семъ понятіи не было никакой нужды спрашивать у Совѣта мнѣнія о семъ дѣлѣ, развѣ о томъ, какимъ образомъ дѣйствіе самовластія прикрыть въ немъ видомъ общественной пользы.

Но какъ я думаю и думать не перестану, что государь, предлагая дѣло сіе Совѣту, вопрошаетъ его не о благовидности, но о справедливости, и слѣдовательно желаетъ, чтобъ вопросъ сей былъ изслѣдованъ въ понятіяхъ правленія монархическаго, то и должно, кажется мнѣ, прежде всего согласиться въ слѣдующихъ началахъ:

1. Владѣніе Эмбинскихъ водъ и всего что въ указѣ 1799 года означено есть собственность графа Кутайсова. Совѣтъ призналъ сію истину въ первыхъ своихъ засѣданіяхъ.

2. Законъ собственности признается въ Россіи вообще непоколебимымъ; слѣдовательно и собственность графа Кутайсова должна быть неотъемлема.

3. Если бы сія неотъемлемость ограничивалась только тѣмъ, чтобы частные люди не могли на нее дѣлать притязаній, то былъ-бы законъ достаточный въ турецкихъ областяхъ, но весьма несправедливый въ Россіи, гдѣ и правительство не можетъ отнять имѣнія ни у кого безъ суда и закона.

4. Изъ сего слѣдуетъ: на собственность частныхъ лицъ въ Россіи правительство не больше имѣетъ права, какъ и всякой частный человѣкъ.

5. По сему, сколько-бы исключительное владѣніе какимъ либо имѣніемъ ни оказывалось противнымъ общему благу, не можно для сего его взять въ общее употребленіе; ибо нѣтъ у насъ закона, чтобы для общаго блага лишать имѣнія частныхъ людей, да я и не знаю, чтобъ гдѣ нибудь былъ такой законъ терпимъ или полезенъ, ибо никогда общее благо не зиждется на частномъ раззореніи.

6. Лишить собственности, по общему понятію сего слова, есть взять имѣніе безъ согласія лица, которое имъ владѣетъ. А по сему взять Эмбинскія воды у Кутайсова безъ согласія его, есть лишить его собственности, есть нарушить первый законъ, коимъ благоустроенное правительство отличается отъ насильственнаго.

7. Замѣнъ, хотя бы онъ и дѣйствительно былъ соразмѣренъ отбираемому имѣнію, не есть однакожъ согласіе, если онъ опредѣляется тѣмъ самымъ лицомъ, которое отбираетъ. Правительство не можетъ на

собственность больше имѣть права, какъ и всякое частное лице (сіе выше доказано); но какому частному лицу позволяется быть судьею въ собственномъ своемъ дѣлѣ?

8. И такъ судя по строгой справедливости, по которой единственно Совѣтъ судить долженъ, не можно Эмбинскихъ водъ взять у графа Кутайсова, и опредѣлить замѣнъ безъ его согласія.

9. Скажутъ, что сіе согласіе получить отъ него невозможно; но предлагали-ли ему о семъ? Почему необходимо должно изъяснять намѣреніе людей въ худую сторону и для чего въ дѣлѣ закона принимать вѣроятныя предположенія за достовѣрные опыты? Полагая однакожъ, что и дѣйствительно требованія его будутъ неумѣренны, что пожелаетъ, на примѣръ, тотъ же самый доходъ деньгами, который теперь получаетъ отъ своего промысла — я вмѣстѣ съ симъ спрашиваю: справедливо ли поступитъ правительство, удовлетворивъ его требованіямъ? Если справедливо, то вмѣстѣ съ тѣмъ и для общаго блага выгодно, ибо нѣтъ въ свѣтѣ безполезной справедливости, и то самая ложная государственная экономія, которая на счетъ твердости закона думаетъ сберечь нѣсколько тысячь рублей. Твердость закона, а особливо закона толико существеннаго, какъ собственность, ни какими милліонами оцѣнить не можно. Экономія есть часть государственнаго блага, а законъ его основаніе; часть развалившуюся можно поправить, но потрясенное основаніе рушитъ все зданіе. Если нужно, чтобы законъ былъ врѣзанъ въ сердцахъ народныхъ (а въ Россіи это нужно, ибо сіе есть единый способъ къ лучшему), то надобно начать съ того, чтобъ правительство не позволяло себѣ ни малѣйшаго отступленія ни для кого, ни для чего. Дабы

истребить пренія несправедливости, надобно начать съ того, чтобы ихъ вновь не дѣлать; иначе силы произволенія будутъ поправляться силою. Вѣчно будетъ сила, а никогда не будетъ закона.

10. Скажутъ, что указы, на которыхъ основано право графа Кутайсова, составлены подлогомъ. Но если государственныя постановленія въ Россіи *позволятъ признать* за истину, не должно послѣ сего говорить ни о собственности, ни о вознагражденіи, а должно судить того, кто сдѣлалъ сей подлогъ, ибо государь сдѣлать его не могъ. Но какъ, думаю я, указы у насъ не могутъ быть ни выпрошены, ни подложны: то и возраженіе сіе неумѣстно, оно только вводитъ замѣшательство въ частный случай и простыя понятія.

11. По всѣмъ симъ причинамъ мое замѣчаніе есть: что не можно во-первыхъ взять у графа Кутайсова Эмбинскихъ ловель безъ его согласія, и сіе примѣчаніе относится равно ко всѣмъ проэктамъ указовъ. Вторая часть мнѣнія моего состоитъ въ томъ: если у него возьмутъ, не должно на нихъ совершенно и земель по берегамъ оставлять въ общемъ и независимомъ владѣніи. Доказательства на сіе суть слѣдующія:

1) Рыбныя ловли вообще раздѣляются на два рода; однѣ суть подвижныя, на лодкахъ и судахъ производимыя; другія неподвижныя извѣстныхъ зданій на самыхъ водахъ устроенныхъ общими силами. Первыя должно всѣмъ позволить; но послѣднія или никогда въ Россіи существовать не будутъ, или должны принадлежать исключительно тѣмъ, кои ихъ устроятъ. Мысль, что ихъ теперь нѣтъ, не доказываетъ, что ихъ никогда не будетъ. Промышленности народной невозможно назначить предѣловъ, а законъ общій долженъ обнимать не

только настоящее, но и все что будущее открыть можетъ; иначе будущаго никогда не будетъ и мы останемся въ настоящемъ.

2) Общее есть правило, что земли общія суть земли дикія. Одна увѣренность, что труды и капиталъ, полагаемые на удобреніе земли, на различныя заведенія суть неотъемлемая собственность, превратила пустыни въ плодоносныя поля, и всегда ихъ превращать будетъ, доколѣ человѣкъ повиноваться будетъ единому безпрестанному всѣхъ обществъ началу собственной пользы каждаго и наслажденія.

3) По сему я мышлю, что какъ на водахъ морскихъ всѣ неподвижныя строенія должны принадлежать неотъемлемо и исключительно ихъ хозяевамъ, такъ и берега и острова должны быть розданы для заведенія частнымъ людямъ на томъ же правилѣ собственности. Скажутъ, что прочность сихъ заведеній обезпечена быть можетъ полицейскимъ распорядкомъ; но если сіи части должны быть собственностію, то необходимо должно ихъ основывать на законѣ, а не на полицейскомъ распорядкѣ, который не установляетъ собственность, но охраняетъ ее и ограждаетъ въ существованіи.

4) Скажутъ еще съ болшею силою, что это бы значило взять у одного, чтобы отдать другому. Не другому, но *многимъ*, а въ этомъ-то и состоитъ первый законъ истинной государственной экономіи. Монополія, по самому слову, значитъ, когда одинъ захватилъ нужное всѣмъ имущество, покоряетъ все своей волѣ и корыстолюбію, но когда одною вещею владѣютъ многіе, тогда не все покорено одному, тогда есть соревнованіе въ продажѣ, и цѣна установляется числомъ требователей и количествомъ вещей.

5) Скажутъ, что малые участки легко могутъ быть скуплены однимъ, и тогда монополія возникнетъ во всей своей силѣ. Сіе заключеніе справедливо, но есть весьма простое средство предупредить его: постановивъ сіе закономъ, такъ какъ сіе постановлено въ англійскихъ, американскихъ колоніяхъ — чтобъ частное лицо не могло владѣть болѣе извѣстнаго пространства, ни берега, и все что найдено будетъ превосходящимъ сію мѣру отбираемо будетъ въ казну, съ отдачею четвертой части тому, кто докажетъ.

Если не благоугодно будетъ принять примѣчаній моихъ, относительно согласія графа Кутайсова, тогда сей проэктъ представитъ по крайней мѣрѣ ту пользу, что удалится лично отъ государя мысль нарушенія собственности, и что судьею и опредѣлителемъ имѣнія постановится посредствующее мѣсто. Правительствующій сенатъ, вѣроятно предположить можно, что онъ неболѣе опредѣлитъ Кутайсову возмездія, сколько и совѣсть полагаетъ; но по крайней мѣрѣ пусть лучше на сіе поступитъ тотъ, кто исполняетъ законъ, нежели тотъ кто ихъ создаетъ. Что принадлежитъ до примѣчанія, что при общемъ семъ указѣ споры графа Кутайсова съ графомъ Салтыковымъ останутся не рѣшеными, я мыслю, что ихъ и рѣшать не нужно, ибо найдено уже и доказано, что графъ Салтыковъ отыскиваетъ того, что ему никогда не принадлежало — а Кутайсова владѣнія, что ему отдано въ собственность — и дѣйствительно рѣшеніе все состоять должно въ отказѣ первому, а отказъ и молчаніе въ подобныхъ случаяхъ всегда равно принимались.

МНѢНІЕ

Адмирала Мордвинова, поданное въ государственный совѣтъ, при случаѣ разсмотрѣнія росписи о доходахъ и расходахъ на 1821-й годъ, 20-го Февраля 1821 г.

Роспись доходовъ и расходовъ государственныхъ, представляя состояніе народа въ отношеніи обладаемымъ имъ богатствомъ, установляетъ мѣру повинностей, налагаемыхъ на каждаго, отдѣленіемъ части изъ стяжаній его въ составъ общественнаго сокровища, которое и долженствуетъ оное направлять на удовлетвореніе однихъ существенныхъ нуждъ государства, соблюдая притомъ всю правильность въ раздѣленіи доходовъ.

Часть назначаемая изъ стяжаній каждаго, тогда бываетъ умѣренною и праведною, когда ни у кого не отъемлетъ необходимо потребнаго для собственнаго его благосостоянія. Для сего первѣйшимъ предметомъ при установленіи мѣры повинности должно быть предохраненіе, чтобы частныя хозяйства и капиталы не могли потерпѣть какого-либо разстройства, а тѣмъ паче истощенія. Правило сіе великой есть важности, какъ потому, что отъ состоянія частныхъ хозяйствъ и капиталовъ зависитъ и состояніе источниковъ, обогащающихъ

общественное сокровище, такъ въ особенности по настоящему времени, когда необыкновенное усматривается между Европейскими народами соревнованіе въ стяжаніи другъ предъ другомъ преобладающей силы, обрѣтаемой надежно въ изобиліи денежныхъ запасовъ.

При таковой дѣятельности Европейскихъ народовъ необходимо нужно для удержанія себя въ равновѣсіи съ оными, пещись не только о сохраненіи капиталовъ въ цѣлости, но и о постепенномъ ихъ приращеніи. Отъ сего существенно зависитъ возвышеніе и пріумноженіе внутреннихъ преимуществъ и способовъ, а внѣ предѣловъ государства политической власти первенство.

За тѣмъ распредѣленіе доходовъ на потребности государственныя тогда почесться можетъ правильнымъ и дѣйствительной цѣли соотвѣтственнымъ, когда при назначеніи всякаго расхода тщательно измѣряются пользы, послѣдовать отъ онаго могущія.

Въ сихъ видахъ вездѣ принимается роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ, почему и составляетъ она первый финансовый законъ.

Разсмотреніе закона, объемлющаго всѣ сословія народа и непосредственно дѣйствующаго на благосостояніе каждаго и всѣхъ вообще, подвержено всегда продолжительному вниманію: ибо вѣрность и праведность росписи зависитъ отъ глубокихъ и безошибочныхъ соображеній, отъ точности опредѣленія, что трудами каждаго сословія производится, отъ способовъ къ стяжанію предоставленныхъ каждому отъ изобилія, самою природою источникамъ приспособленнаго, отъ степени просвѣщенія, отъ числа и сложности капиталовъ и отъ мѣры отверстія дѣятельности путей свободы. Настоящее мирное положеніе Россіи дозволяетъ и обязываетъ неу-

коснительно обратить вниманіе на ходъ дѣлъ финансовыхъ, на всѣ статьи доходовъ и расходовъ государственныхъ, и каждую изъ нихъ приведя въ ту соразмѣрность, которая-бы согласна была съ естественнымъ, гражданскимъ и политическимъ нынѣшнимъ состояніемъ государства, отъ всего тѣла и отъ частей онаго отнять препоны, воспрещающія ходу, и дать оному успѣшное и быстрое теченіе къ достиженію высшей степени своего благосостоянія, укрѣпляя и направляя естественныя и нравственныя ихъ силы, доброты и достоинство.

Долженствовало-бы въ сихъ соображеніяхъ разсмотрѣть и нынѣ представленную роспись; но краткое время, предоставленное отъ одного засѣданія до другаго, не дозволяетъ войти въ подробное разсмотрѣніе всей росписи. Едва достаточно оно для поверхностнаго разсужденія и по одной изъ содержимыхъ статей; на сей разъ избираю ту, которая наиболѣе другихъ всегда меня поражала. Въ представленной отъ министра финансовъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта росписи доходовъ и расходовъ наступившаго 1821 г. назначено всего съ небольшимъ 5 милліоновъ рублей на все министерство юстиціи, на всѣ подвѣдомственные оному департаменты и суды высшіе и нисшіе, коихъ число большое, служеніе важное, бдѣнію коего предоставлено охраненіе частныхъ и общественныхъ правъ, и власть коихъ объемлетъ собственность, честь, спокойствіе, жизнь, всю правду земли русскія, царства наипространнѣйшаго въ мірѣ.

Въ Европѣ нѣтъ государства самаго малѣйшаго, едва могущаго равняться съ единою изъ областей Россіи, которое-бы свыше сего не оцѣняло правосудія своего.

Но россійской имперіи доходы государственные простираются до 450 милліоновъ рублей, изъ коихъ на содержаніе всѣхъ мѣстъ правосудія и расправы удѣляется съ небольшимъ одна сотая часть. Часть малая, но долженствующая дѣлима быть между множествомъ лицъ, и множества сего удовлетворить необходимымъ потребностямъ въ содержаніи.

Признано, что большая половина чиновниковъ суда и расправы получаетъ казеннаго жалованья меньше, нежели простой работникъ отъ труда своего получаетъ. А какъ несоразмѣрность награды за трудъ уничтожаетъ и право на требованіе вѣрности онаго, то правительство не пекущееся о внутреннемъ довольствѣ дома чиновника, приставленнаго къ суднымъ и народорасправнымъ дѣламъ служителю такой части государственнаго состава, которую изъ первыхъ почесть должно, не дающее способовъ, достаточныхъ для удовлетворенія первыхъ нуждъ человѣка, для выполненія первыхъ обязанностей отца семейства — не можетъ ожидать отъ него, чтобы изшедъ изъ дома глада и нищеты, съ душою скорбною и негодованіемъ на повсечасно испытуемую самимъ имъ лично несправедливость, возсѣлъ онъ на мѣсто свое съ духомъ бодрымъ, разсудкомъ крѣпкимъ, сердцемъ спокойнымъ и держалъ вѣсы правосудія рукою твердою и недрожащею.

Жалуются на повсемѣстное въ судахъ лихоимство; но можно-ли искоренить его тамъ, гдѣ существуетъ житейскій недостатокъ и можетъ-ли преступленіе быть въ томъ, что естественнымъ правомъ оправдано быть должно и чего гражданскіе законы воспретить не въ состояніи? Ибо и служителямъ правосудія, равно какъ и всякому другому человѣку, пристанище, пища и одежда необходимо потребны,

а получаемые ими отъ казны оклады жалованья недостаточны къ доставленію имъ оныхъ. Слѣдственно, что невозможно, того и ожидать не должно.

Доколѣ правосудіе въ Россіи достаточно не будетъ вознаграждено удовлетвореніемъ всѣхъ необходимыхъ нуждъ исполнителей онаго, то правда не возсядетъ на судѣ: ибо правду водворить не можно тамъ, гдѣ скудость обитаетъ. Она не совмѣстна съ нищетою, коея первое дѣйствіе есть охлажденіе сердца и ослабленіе умственныхъ способностей.

Производившееся доселѣ у насъ приставникамъ суда и расправы скудное жалованье доказываетъ или недостатокъ въ государственныхъ доходахъ или неправильное распредѣленіе оныхъ.

При всемъ быстромъ и великомъ приращеніи доходовъ государственныхъ съ 1810-го отъ 110 милліоновъ рублей въ 1820 до 450 милліоновъ, министръ финансовъ показываетъ и на нынѣшній годъ недостатокъ въ доходахъ.

Но доколѣ доходы государственные отыскиваемы будутъ то въ пораженіи капиталовъ, то въ ослабленіи правъ собственности, то въ прикосновеніи къ тощимъ доходамъ сельскаго хозяйства, умаляя то, что уже мало, доходы государственные надежно и безвредно на будущія времена возрасти не могутъ.

Я принимаю смѣлость привести на видъ нѣсколько изъ тѣхъ источниковъ, кои обогащая народъ, обогатили-бы вмѣстѣ съ тѣмъ и государственное казначейство. Они могутъ быть:

Въ возстановленіи святости словъ закона: контракты суть святы и ненарушимы, и въ пріобщеніи подрядчиковъ и поставщиковъ въ число полезныхъ служителей государства, коихъ вѣрность служенія зависитъ отъ самаго правительства, когда праведно съ ними поступаемо будетъ.

Въ допущеніи заведенія частныхъ банковъ, безъ коихъ финансы нигдѣ не процвѣтали, иначе со всѣми усиліями и противоборствіемъ не возмогутъ управить всѣмъ народнымъ сокровищемъ, ни успѣшно, ни полезно присвоивая себѣ то, что природа отказала и что предоставила она дѣйствію единой частной пользы.

Въ присвоеніи собственному своему рукодѣлію выгодъ, уступленныхъ чужеземному въ уничтоженіи личныхъ повинностей, въ ободреніи всего, что можетъ усугублять капиталы.

Въ распространеніи торговыхъ и промышленныхъ правъ на всѣ лица, безъ различія гильдейскихъ раздѣленій.

Въ учрежденіи Третейскаго суда между казною и частными людьми, въ обязательства съ оною входящими.

Въ возстановленіи дверняго закона, по дѣламъ судимъ между казеннымъ имуществомъ и частныхъ людей аппеляціоннымъ производствомъ оныхъ и проч.

Отъ сихъ источниковъ хотя и невозможно опредѣлить мѣру стяжанія для государственнаго казначейства доходовъ, но многіе милліоны или сбережены будутъ, или не въ продолжительномъ времени пріумножены быть могутъ. Достовѣрно то, что богатство народное отъ благотворнаго дѣйствія означенныхъ здѣсь мѣръ возрастая, возраститъ и доходы государственные.

Но два источника представляютъ возможность неукоснительнаго и знатнаго приращенія въ доходахъ.

Первый заключается во введеніи срочнаго служенія въ войскахъ, проэктъ коего въ 1811 г. принятъ былъ съ уваженіемъ и одобренъ комитетомъ гдъ. предсѣдателей государственнаго совѣта,

но не воспріялъ своего дѣйствія, какъ думать должно, по причинѣ наступившихъ тогда вскорѣ военныхъ дѣйствій. Въ томъ проэктѣ доказательно изложены были полезнѣйшія слѣдствія отъ уничтоженія безсрочнаго служенія солдатъ, съ отмѣною нынѣ существующаго образа народа рекрутъ, яко зла, по одной токмо необходимости допущеннаго, хотя отмѣною умедляемаго, но признаваемаго не иначе, какъ отдѣленіемъ многочисленной части народа по лѣтамъ, красотѣ и крѣпости силъ тѣлесныхъ, составляющей изящнѣйшій цвѣтъ государства, той части, которая едва составляетъ $^1/_2$ милліона душъ.

За отмѣну нынѣшняго рекрутства съ радостью всѣ ревизскія души заплотятъ по 3 рубл. что составитъ около 60 милліоновъ рублей: ибо отдача рекрутъ обходится не менѣе 5 руб. съ каждаго, не говоря уже о сопряженной съ тѣмъ вѣчной потерѣ сына, брата, а нерѣдко даже и отца семейства и остановкѣ сельской внутренней промышленности во все продолженіе рекрутскаго набора.

За тѣмъ пока наступитъ то благопріятное для Россіи время, что можно будетъ нынѣ содержимое ею число войска уменьшить до такой мѣры, какую народонаселеніе безъ отягощенія и ущерба выносить можетъ, то вторымъ источникомъ, предполагающимъ знатное береженіе въ расходахъ, послужить можетъ учрежденіе въ полкахъ постоянныхъ въ мирное время отпусковъ въ домы половиннаго числа на цѣлый годъ; но дабы при возобновленіи отпусковъ полки не нашлись въ томъ положеніи, что всѣ ихъ люди состояли-бы изъ возвратившихся изъ домовъ, въ упрежденіе сего неудоства должно назначатъ въ году два отдѣленія отпусковъ и въ каждое увольнять одну четвертую часть полка.

Не предстоитъ никакого сомнѣнія, чтобы тѣмъ было бы сбережено болѣе 60 милліоновъ рублей ежегодно.

Совокупностію предположительныхъ мѣръ не токмо знатно обогатится государственное казначейство, но избытокъ онаго можетъ быть обращенъ на все, что полезно государству, на все, что къ народному благоденствію споспѣшительно, и не токмо вознаградится недостатокъ и возстановится въ Россіи правосудіе, но потечетъ Волга чрезъ Донъ въ Средиземное море и совершатся постепенно другія высокія намѣренія и долгоожидаемыя предположенія великихъ нашихъ государей: Петра, Екатерины и Августѣйшаго Александра, счастливо устроившаго всеобщій миръ. Да возможетъ онъ подъ сѣнію онаго совершить все потребное къ счастію своего народа, коего благословеніе перейдетъ въ сердца отдаленнѣйшаго потомства. Россія далеко еще отстоитъ отъ той высшей степени, на которую вступленіе сама природа ей указуетъ и безъ достиженія коей благоденствіе многочисленныхъ народовъ ея не можетъ сочтено быть совершеннымъ.

Земля ея по роскошеству даровъ своихъ готова награждать много и ко всему способна, но плодородіемъ своимъ пользуетъ мало. Въ нѣдрахъ ея скрываются богатства многія, но оныя остаются не испытанными, ожидаютъ еще попеченія и труда къ извлеченію ихъ изъ глубины земли на пользу общую. Тучныя, но не проходимыя болота и цвѣтущія, но безплодныя степи покрываютъ пространныя области, изведеніемъ коихъ изъ дикаго и безобразнаго состоянія имперія получила-бы новое значительное приращеніе въ различныхъ имуществахъ многоцѣнныхъ. Великія протекаютъ въ Рос-

сіи рѣки, но отъ береговъ, простирающихся тысячами верстъ несутъ онѣ къ исходамъ своимъ ограниченную часть произведеній. Да и сія малая часть идетъ въ обмѣнъ чуждаго, во множествѣ къ намъ привозимаго издѣлія, которое по превосходству цѣны увлекаетъ отъ насъ денежные капиталы и для собственнаго еще рукодѣлія и промышленности недостаточные. Рукодѣлія вездѣ еще въ младенческомъ состояніи — ремесла и художества занимаютъ малую только часть народа, желающаго трудиться, но лишеннаго полезныхъ для себя и для общества упражненій. Науки не обогатили еще всѣхъ сословій народа въ достаточной мѣрѣ тѣми знаніями, которыя къ земледѣлію, ремесламъ, художествамъ и торгамъ относятся и даютъ произведеніямъ человѣческихъ рукъ совершенство. Въ городахъ обитаетъ скука, собственность въ зданіяхъ не обезпечена, казенными постоями притѣснена и страждущая часть жителей въ тюрьмахъ одержима болѣзнями, не призрѣна въ той мѣрѣ, какой-бы человѣколюбіе требовало. Сообщенія на сушѣ и на водахъ еще изрѣдка токмо истроены, мѣстами трудны и медленны, мѣстами прегражденны и невозможны. Труду и промышленности обстоятъ многія препинанія и остановливаютъ ихъ на путяхъ сообщенія. Народъ Россійскій способный ко всему, ревнующій отличить себя во всѣхъ родахъ издѣлій, преодолѣваетъ многое, но многое преодолѣть не можетъ безъ пособій правительства, отъ твердой и рѣшительной воли коего единственно зависить отъятіе всѣхъ къ успѣшному дѣйствію препонъ.

Сей быстрый и поверхностный только взглядъ, сіе слабое начертаніе неудобствъ, покрывающихъ пространное лице Россіи достаточны уже къ воспламененію желанія и усилій на преобразованіе

оныхъ и предзнаменуютъ подвиги великіе и многомощные, долженствующіе нѣкогда совершиться и прославить виновниковъ благотворенія, о скорѣйшемъ же совершеніи коихъ радѣть должны наипаче присные совѣтники, составляющіе верховную думу великаго нашего государя.

Я представляю мои разсужденія не въ видѣ опорочиванія росписи доходовъ и расходовъ на текущій уже годъ, но какъ нѣкоторыя оныхъ разсмотрѣнія, и соглашаюсь на утвержденіе оной, кромѣ той статьи, которая касается до губерній на особыхъ правахъ по винокуренію состоящихъ, какъ не благоразсуждено было ни сообщить записки по сему предмету министра финансовъ, ни же дать объясненіе въ чемъ именно она состояла, а объявлено было государственному совѣту, чтобъ онъ не разсуждалъ, а подписалъ предварительно изготовленный журналъ одобренія: то по сей статьѣ не могу дать ни мнѣнія ни согласія моего на оную мысль, что когда все касающееся до правъ и единаго частнаго лица подвергаемо всегда бываетъ внимательному сужденію государственнаго совѣта, то прикосновеніе къ совокупнымъ правамъ многихъ и великихъ областей, составляющихъ знатную часть имперіи, не долженствовало-бы конечно быть въ тайнѣ отъ свѣденія государственнаго совѣта.

ПИСЬМО

Графа Ѳ. Ростопчина къ императору Александру.

Москва 5 Апрѣля 1812 года.

Ваше императорское величество,
всемилостивѣйшій государь!

Служа отечеству и престолу вашего императорскаго величества слишкомъ тридцать лѣтъ къ удовольствію народа и монархіи, имѣлъ счастіе пользоваться довѣренностію и при достохвальномъ поведеніи за старостію и слабостію здоровья назадъ тому, болѣе десяти лѣтъ по желанію моему отставленъ отъ службы и проживалъ до днесъ въ столицѣ Москвѣ. Нынѣ избранъ тамошнимъ дворянствомъ и удостоенъ Вашего Величества депутатомъ, для представленія вамъ гибельнаго зрѣлища всего государства замысловъ противъ возлюбленной особы вашей умышленныхъ, почти уже совсѣмъ совершенныхъ, тамо васъ окружающими.

Государь! позвольте по долгу сына отечества, избраннаго и удостоеннаго первѣйшимъ сословіемъ по вѣрности къ престолу Вашему сказать откровенно, съ соболѣзнованіемъ, открыть Вашему Величеству бездну предъ вами раскрытую, въ которую окружающіе Васъ ввергнуть желаютъ, и тѣ именно слѣдующіе: осыпанные милостями Вашего Величества, изведенные изъ праха въ теченіи краткаго времени секретарь Вашъ Сперанскій, съ Магницкимъ суть первыя лица, которыя, обольстивъ склоняютъ къ себѣ неистовыхъ умышленниковъ Г. Г., Р., Н., М., М., Т., Р., Вол., Оре., Го., губернатора Вейдемейера, Яблонскаго, Биженча и прочихъ къ нимъ прикосновенныхъ, о конхъ по важности лично донесу вашему императорскому

величеству. Проданы Вы сообщниками своими мнимому Вашему союзнику Наполеону, который успѣлъ въ своемъ желаніи и чрезъ посредство ихъ удалилъ войска Ваши изъ всей Финляндіи и даже Петербурга въ извѣстный вамъ край, чрезъ что открылъ себѣ самый благополучный путь къ Петербургу. Уже разбойничья его шайка собрана въ Стральзундѣ, гдѣ производитъ поспѣшную постройку разнаго рода судовъ и прочихъ принадлежностей, по окончаніи коихъ намѣренъ, ни мало не мѣшкавъ, перебраться черезъ заливъ и рѣки на твердую землю. Трофеи его въ польской Помераніи развѣваются, куда уже привезена ему богато-убранная карета, въ которой намѣренъ онъ обще съ своею супругою проѣхаться чрезъ Ригу въ Петербургъ. Разбойничья его орда, состоящая въ Стральзундѣ и Помераніи изъ 17,000, ожидаетъ ежеминутнаго повелѣнія двинуться на пагубу нашего отечества.

Государь, внемли гласу справедливости, которая происходитъ отъ единаго усердія къ отечеству и особѣ твоей, дозволь приблизиться мнѣ къ столицѣ и прервать дѣйствія злоумышленныя, хищными увѣреніями тебя окружающія. Я знаю все подробно, даже гдѣ хранится переписка Наполеона съ обнадеженными умышленниками, или избери орудіемъ Александра Балашова, который хотя и участвовалъ въ ономъ дѣлѣ, но принужденно для узнанія истины. Первый онъ открылъ сіе великое и ужасное дѣло въ Москвѣ 28 Февраля изъ документовъ, кои отъ него будутъ отобраны и Вашему Величеству представлены. Послѣдній случай засѣданія въ верховномъ совѣтѣ, гдѣ представлена выписка о новыхъ налогахъ, противъ которой Вы первый произнесли, что народъ такъ уже

претерпѣлъ прошедшее время, а ежели еще сіе выпустить, то должно неминуемо ожидать противъ себя народнаго возмущенія.

На сіе секретарь Вашъ Сперанскій первый подалъ голосъ въ опроверженіе, представляя на видъ, что время и обстоятельства требуютъ пособія вашему кабинету для польской арміи, долженствовавшей дѣйствовать обороною и что сіе есть единое средство, а ежели его не сдѣлаютъ, то во-первыхъ не льзя приступить къ дѣлу, а во-вторыхъ и успѣху ожидать не можно, не имѣя достаточной на то суммы въ наличности. Удаленная армія въ Польскомъ краю подъ видомъ опасенія и нападенія Бонапарта, въ дополненіе коей какъ изъ столицы вашей вся гвардія, такъ изъ Финляндіи почти все войско, доказываютъ умыселъ занять васъ обороною въ Польшѣ и чрезъ Курляндію пропустивъ врага во внутренность, безъ всякой препоны, не истинно ли сей обманъ. Подъ видомъ патріотизма онъ хочетъ дѣйствительно противъ особы Вашей всѣ сословія ослабить и вынудить народъ произвести страшное требованіе, какъ сіе случилось въ Италіи и Швейцаріи. Не онъ ли былъ орудіемъ въ прошедшее время, когда Ваше Величество, при Тильзитѣ обманутые, заключили миръ, миръ для Россіи самый невыгодный, бремя коего и тяжесть Вы уже испытали, отъ котораго финансы Ваши опустѣли и способы къ поправленію ихъ исчезли. Чиновники, кои въ семъ важномъ дѣлѣ могли бы съ пользою для государства быть полезными, чрезъ посредство его, подъ видомъ опасныхъ, оклеветаны предъ вашимъ императорскимъ величествомъ. Не удивляйся сему, Монархъ! Злато и брилліанты, чрезъ французскаго посланника ему доставленные, ослѣ-

пили глаза его и удалили отъ вѣрности къ отечеству и къ особѣ твоей. И такъ, Ваше Величество, время заняться исправленіемъ монархіи и критическаго ея положенія, и выбрать людей къ сему важному дѣлу есть искуство, коимъ одарена была августѣйшая Ваша бабка, а по наслѣдству принадлежитъ и Вамъ.

Открытіе сихъ важныхъ происшествій служитъ къ спасенію Вашего Величества и всего государства отъ ига иновѣрца. Письмо сіе есть послѣднее и если останется не дѣйствительнымъ, тогда сыны отечества необходимостію себѣ поставятъ двинуться въ столицу и настоятельно требовать какъ открытія сего злодѣйства, такъ и перемѣны правленія.

В. Н. КАРАЗИНЪ.

Въ первые годы царствованія Александра I, т. е. когда уроки Лагарпа были еще въ памяти и урокъ данный монархамъ вообще въ Парижѣ и русскимъ самодержцамъ въ особенности въ михайловскомъ дворцѣ, не были забыты — у императора Александра I бывали литературные вечера, на нихъ приглашались нѣсколько близкихъ лицъ къ государю, особенно извѣстныхъ за грамотныхъ.

Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ, чтеніе длилось долго; читали новую трагедію Шиллера.

Чтецъ кончилъ и остановился.

Государь молчалъ, потупя взглядъ. Можетъ онъ думалъ о своей судьбѣ, которая такъ близко прошла къ судьбѣ Донъ Карлоса, можетъ о судьбѣ своего Филиппа? Нѣсколько минутъ продолжалась совершенная тишина, первый перервалъ ее князь Александръ Николаевичъ Голицынъ; наклоняя голову къ уху графа Виктора Павловича Кочубея, онъ сказалъ ему вполслуха, но такъ, чтобъ всѣ слышали:

— „У насъ есть свой маркизъ Поза!“

Кочубей усмѣхнулся и кивнулъ ему головой. Глаза всѣхъ обернулись на человѣка лѣтъ тридцати сидѣвшаго поодоль.

Императоръ вздрогнулъ, посмотрѣлъ на окружавшихъ, остановилъ недовѣрчивый, пытливый взглядъ на человѣкѣ сдѣлавшимся предметомъ общаго вниманія, наморщилъ брови, всталъ мрачный и недовольный, откланялся гостямъ и вышелъ.

Князь Александръ Николаевичъ улыбался; будущій министръ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, инквизиторъ и масонъ, покровитель Магницкаго и Рунича, начальникъ библейскаго общества и почтоваго вѣдомства, другъ императора Александра, который безжалостно пожертвовалъ его Аракчееву, другъ императора Николая, который не поручилъ ему никогда ничего дѣльнаго, былъ доволенъ. Зная подозрительный характеръ Александра, онъ былъ увѣренъ, что слово его взойдетъ — и не ошибся. Почему онъ вредилъ этому человѣку, этого онъ не зналъ, это лежало въ его натурѣ царедворца; на всякой случай не мѣшало отстранить лишняго человѣка.

Безъ сомнѣнія на ту минуту, изъ всѣхъ бывшихъ на чтеніи только двое искренно и пламенно желали добра Россіи — государь и В. Н. Каразинъ, названный маркизомъ Позой.

Эти двѣ личности — одна „вѣнчанная и превознесенная“ въ успенскомъ соборѣ митрополитомъ Платономъ, сокрушившая Наполеона и сокрушившаяся подъ бременемъ славы и безвыходнаго, безпомощнаго самодержавія, и другая личность неутомимаго работника на общую пользу, бравшаяся за все и за все съ необыкновенной энергіей, толкавшагося во всѣ двери, и встрѣтившаго вездѣ отпоръ, препятствія и невозможность въ этой средѣ произвести что-нибудь путное. — Эти двѣ личности бросаютъ два печальныхъ луча на гладко подмерзнувшія тундры петровской Россіи, въ которыхъ затирались,

затираются энергія и воля, таланты и силы, пропадая безъ вѣсти въ болотныхъ тонях, какъ сваи, на которыхъ построенъ Петербургъ.

Характеръ императора Александра I мало выясненъ. Наши историки не могли о немъ писать, иностранные не могли и не могутъ понять въ чемъ его трагическій *смыслъ*. Этого равно не объясняютъ — ни его царское достоинство, ни его личныя несчастія; онъ-же, совсѣмъ напротивъ, былъ необыкновенно счастливъ какъ царь, счастливъ даже послѣ смерти. Нельзя быть рельефнѣе поставлену въ исторіи, какъ онъ. Наслѣднику Павла только и недоставало имѣть преемникомъ Николая. Между гатчинскимъ тигромъ, котораго пришибли какъ бѣшеннаго звѣря, и застегнутымъ на всѣ пуговицы удавомъ, душившимъ тридцать лѣтъ Россію — сутуловатая фигура императора Александра, вырѣзывается какъ-то человѣчественно и кротко, то освѣщенная заревомъ Москвы, то озаренная парижскими плошками, то удерживающая руку нѣмецкихъ владѣтельныхъ воришекъ, то останавливающая дикую месть побѣдителей, дорвавшихся до непріятельской столицы.

И эта фигура Агамемнона, примирителя Европы, на вершинѣ своего величія, становится смутнѣе, видимо тускнетъ, стирается за страшной тѣнію Аракчеева, и пропадаетъ одиноко на берегахъ Чернаго моря, подавая руку поздняго примиренія женщинѣ, которой вся жизнь, прикрытая императорской багряницей, была однимъ оскорбленіемъ, и которая одиноко, колѣнопреклоненная передъ умирающимъ, закрыла его глаза и пережила его.

„Every inch“ — „каждый вершокъ“ потрясающая трагедія.

Не думайте искать отгадки въ смерти Павла,

она могла прибавить еще черную нитку въ его жизни, но „fond“ дальше, обширнѣе, глубже. Какая-то неумолимая, роковая стихія обнимаетъ ее и далеко перехватываетъ. Въ этой средѣ чуется зловѣщее вѣяніе, присутствіе *преступленія,* не совершившагося, не прошедшаго, а преступленія *продолжающагося,* невольнаго; оно бродитъ въ крови, имъ пропитаны стѣны. Кровь отравлена въ жилахъ до рожденія, воздухъ, которымъ тутъ дышатъ люди тлетворенъ, каждый вступающій вовлеченъ, хочетъ онъ или нѣтъ, въ омутъ нелѣпости, гибели, грѣха. Пути ко всему злому раскрыты во всю ширь. Добро невозможно. Горе тому, кто остановится и подумаетъ, кто спроситъ себя, что онъ дѣлаетъ, что дѣлаютъ вокругъ него — онъ сойдетъ съ ума; горе тому, кто въ этихъ стѣнахъ допуститъ человѣческое чувство въ своемъ сердцѣ — онъ сломится въ борьбѣ.

Вотъ это-то останавливавшееся лицо, въ рядѣ русскихъ вѣнценосцевъ послѣ Петра, и былъ императоръ Александръ I. Оттого-то онъ и есть единственный *наказанный* изъ всѣхъ Романовыхъ, наказанный человѣчески, внутренней борьбою, наказанный прежде вины, *но дорослій до нея* впослѣдствіи.

Сравните его судьбу, съ судьбой Петра III, Павла, пожалуй Николая, и вы поймете, почему именно этотъ человѣкъ названный „благословеннымъ“, умершій на своей кровати, и притомъ никѣмъ не побѣжденный, гораздо больше трагическое лицо чѣмъ всѣ его предшественники. Что трагическаго въ томъ, что пьянаго идіота убила и обобрала развратная женщина; это случается сплошь да рядомъ въ закоптѣлыхъ домахъ темныхъ лондонскихъ переулковъ; или въ томъ, что чело-

вѣкъ, обороняясь отъ сумашедшаго, хватилъ его табакеркой въ високъ, а другіе покончили его. Это не трагическія катастрофы, а дѣла уголовной палаты и смирительныхъ домовъ.

Трагическій элементъ не опредѣляется ни болью ни синими пятнами, ни кулачной борьбой; а тѣми внутренними столкновеніями, независимыми отъ воли, противурѣчащими уму, съ которыми человѣкъ борется а одолѣть ихъ не можетъ — напротивъ, почти всегда уступаетъ имъ, измочалившись о гранитные берега неразрѣшимыхъ повидимому антиномій. Для того, чтобъ такъ разбиться, надобно извѣстную степень человѣческаго развитія, своего рода помазаніе. Есть натуры до того будничныя, до того рутинныя, до того узкія и посредственныя, что ихъ счастіе и несчастіе пòшло, по крайней мѣрѣ не интересно. Въ холодныхъ глазахъ, въ прозѣ военно-учебнаго самовластія Николая, въ его ограниченномъ взглядѣ, постоянно обращенномъ на мелочи и подробности, въ его субалтерной точности и пристрастіи къ прямымъ линіямъ, къ геометрическимъ фигурамъ, лежитъ исключеніе всего поэтическаго. Напрасно изъ послѣднихъ дней его хотятъ сдѣлать что-то величаво-мрачное. Человѣкъ этотъ не останавливался ни на чемъ, не сомнѣвался ни въ чемъ, на него не находило раздумье, у него не было раскаянія, не было идеаловъ, онъ зналъ, что царствуетъ по волѣ божіей, что должность императора — военная, и былъ совершенно доволенъ собой; онъ не подозрѣвалъ, что нравственная жизнь всего государства понизилась *имъ*, что онъ, кругомъ сомкнутый и обворованный, поставилъ Россію на край пропасти. Узнавши послѣднее, онъ съ досадой увидѣлъ, что не доросъ даже до того, чтобъ совладать съ пер-

вой неудачей, и тотчасъ умеръ отъ безсильной злобы. Это урокъ, примѣръ, угроза, но не трагедія. Въ противномъ случаѣ можно сдѣлать трагическій типъ, не только изъ всякаго наказаннаго разбойника, но даже изъ желчеваго труса Аракчеева, умирающаго въ Грузинѣ, всѣми ненавидимаго и оставленнаго, у окаянной могилы облитой кровью цѣлой дворни.

Не таковъ былъ императоръ Александръ. Императрица Екатерина, сосредоточивая на немъ династическій интересъ и то материнское чувство, которое она никогда не имѣла къ своему сыну, дала ему очень человѣческое воспитаніе и, какъ это бываетъ съ старыми грѣшницами, воспитывала его въ невѣденіи того, что дѣлалось вокругъ. Александръ былъ мечтатель, юноша съ романическими идеями, съ той неопредѣленной филантропіей, которая тогда была въ ходу и составляла какъ-бы сѣверное сіяніе, или холодный и мерцающій отблескъ иной, болѣе горячей филантропіи, которая проповѣдывалась тогда въ Парижѣ. Но со всѣмъ тѣмъ, его воспитаніе кончилось рано, и онъ съ Лагарпомъ въ головѣ, является на царскій помостъ окруженный сѣдымъ, догнивающимъ развратомъ послѣднихъ лѣтъ екатерининской эпохи.

...„Я отнюдь недоволенъ своимъ положеніемъ“, пишетъ великій князь, В. П. Кочубею, 10 Мая 1796 года, т. е. 18 лѣтъ отъ роду. „Я чрезвычайно радъ, что рѣчь объ этомъ зашла сама собою, безъ чего очень затруднился-бы завести ее. Да, милый другъ, повторю снова: мое положеніе меня вовсе не удовлетворяетъ. Оно слишкомъ блистательно для моего характера, которому нравятся исключительно тишина и спокойствіе. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякій

разъ страдаю, когда долженъ являться на придворную сцену, и кровь портится во мнѣ при видѣ низостей, совершаемыхъ другими на каждомъ шагу для полученія внѣшнихъ отличій, не стоющихъ, въ моихъ глазахъ, мѣднаго гроша. Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ такихъ людей, которыхъ не *желалъ-бы имѣть у себя и лакеями;* а, между тѣмъ, они занимаютъ здѣсь высшія мѣста, какъ напр. З....., П...., Б...., оба С...., М.... и множество другихъ, которыхъ не стоитъ даже называть и которые, будучи надменны съ нисшими, пресмыкаются передъ тѣмъ, кого боятся. Однимъ словомъ, мой любезный другъ, я сознаю, что не рожденъ для того высокаго сана, который ношу теперь, и еще менѣе для предназначеннаго мнѣ въ будущемъ, отъ котораго я далъ себѣ клятву отказаться тѣмъ или другимъ образомъ.“

„Вотъ, любезный другъ, важная тайна, которую я уже давно хотѣлъ передать вамъ; считаю излишнимъ просить васъ не сообщать о ней никому, потому что вы сами поймете, какъ дорого я могъ-бы за нее поплатиться. Я просилъ Г. Гаррика сжечь это письмо, если-бы ему не удалось лично вамъ его вручить, и никому не передавать для доставленія его къ вамъ.

„Я обсудилъ этотъ предметъ со всѣхъ сторонъ. Надобно вамъ сказать, что первая мысль о немъ родилась у меня, еще прежде чѣмъ я съ вами познакомился и что я не замедлилъ придти къ настоящему моему рѣшенію.

„Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ; грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду — а Имперія, не смотря на то, стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ. При та-

комъ ходѣ вещей возможно-ли одному человѣку управлять государствомъ, а тѣмъ болѣе исправить укоренившіяся въ немъ злоупотребленія? Это выше силъ не только человѣка, одареннаго, подобно мнѣ, обыкновенными способностями, но даже и генія, а я постоянно держался правила, что лучше совсѣмъ не браться за дѣло, чѣмъ исполнять его дурно. Слѣдуя этому правилу, я и принялъ то рѣшеніе, о которомъ сказалъ вамъ выше. Мой планъ состоитъ въ томъ, чтобы, по отреченіи отъ этого труднаго поприща (я не могу еще положительно назначить срокъ сего отреченія), поселиться съ женою на берегахъ Рейна, гдѣ буду жить спокойно частнымъ человѣкомъ, полагая мое счастіе въ обществѣ друзей и въ изученіи природы.

„Вы вольны смѣяться надо мною и говорить, что это намѣреніе несбыточное; но подождите исполненія и уже тогда произнесите приговоръ. Знаю, что вы осудите меня, но не могу поступить иначе, потому что покой совѣсти ставлю первымъ для себя закономъ, а могла-ли-бы она оставаться спокойною, если-бы я взялся за дѣло не по моимъ силамъ? Вотъ, мой милый другъ, что я такъ давно желалъ сообщить вамъ. Теперь, когда все высказано, мнѣ только остается увѣрить васъ, что гдѣбы я ни былъ, счастливымъ или несчастливымъ, богатымъ или бѣднымъ, ваша дружба ко мнѣ будетъ всегда однимъ изъ величайшихъ для меня утѣшеній; моя-же къ вамъ, вѣрьте, кончится только съ жизнію.“

Екатерина умерла. Павелъ свезъ въ трескучій морозъ тѣло Петра III въ Петропавловскую крѣпость, *прихоронить* его покойницѣ, и заставилъ графа А. Орлова и Барятинскаго нести его корону. Александръ еще ближе подвинулся къ вершинѣ

окруженной тѣмъ гноемъ, о которомъ онъ писалъ. Но тамъ все ужъ измѣнилось одною смертію, все стало еще сквернѣе, только въ другомъ родѣ. Жалѣть пришлось ему сановниковъ, которыхъ онъ не хотѣлъ „имѣть лакеями“. Избалованная, пресыщенная дворня старой барыни, замѣнилась капитенармусами и камердинерами наслѣдника, которые внесли во дворецъ, казарму и переднюю. На мѣсто надменныхъ дворецкихъ воровъ — явились воры доносчики, на мѣсто лакеевъ — палачи: дворецъ, изъ публичнаго дома, сталъ застѣнкомъ. Развратъ чувственный смѣнился — развратомъ свирѣпости, боли, заколачиванія.

Тревожно и грустно стоялъ цесаревичъ, подавленный ужасомъ, у подножія дикаго трона; безсильный помочь и лишенный возможности отойти, Александръ, какъ Гамлетъ, бродилъ по этимъ заламъ, не умѣя ни на что рѣшится; другіе рѣшились за него.

Также тревожно и грустно, да и еще къ томужъ съ чернымъ пятномъ на совѣсти, взошелъ онъ [illegible]ъ на вершину страшной скалы, съ которой только-что сбросили обезображенный трупъ убитаго отца его. Онъ хотѣлъ добра и ему вѣрили. На его юныя и кроткія черты смотрѣли съ упованіемъ; уповалъ и онъ, что сдѣлаетъ изъ Россіи рай; онъ ей отдаетъ лучшіе годы, лучшія силы, народъ благословитъ его, онъ замолитъ грѣхъ своего участія въ кровавомъ дѣлѣ, и какъ Траянъ и Маркъ-Аврелій, онъ исполнитъ писанное къ Кочубею и пропадетъ въ виноградныхъ садахъ на берегахъ Рейна.

Александръ былъ откровененъ въ этихъ мечтахъ, онъ имъ вѣрилъ, и не онъ одинъ — имъ вѣрила вся Россія, т. е. Россія *порядочныхъ людей*, Россія

признанная людскою; до *черной* Руси, до Руси податной, это не касалось; она и тутъ, какъ вообще на торжествахъ и праздникахъ, была исключена изъ общей радости, да и сама не старалась принять въ ней участіе, вспоминая матушку императрицу и словно чуя, что новое царствованіе, за кровь десятаго человѣка, заплотить военными поселеніями.

Легко было начать новую эпоху, опираясь на такую любовь, на такую вѣру, на такую радость о смерти злодѣя..

Теперь дай человѣка мнѣ, создатель...
Ты много далъ мнѣ: только человѣка
Ты дай теперь мнѣ...
Молю тебя о другѣ — я не такъ
Какъ ты всевѣдущъ. Слуги, мнѣ тобой
Посланные — самъ вѣдаешь, какіе
Они мнѣ слуги. Изъ за денегъ только
Они мнѣ служатъ.
Мнѣ правды надо...

Прошло дней десять послѣ смерти Павла. Во дворцѣ былъ большой пріемъ, радостныя лица одѣтыя въ глубокой трауръ входили, выходили, низко кланялись, повторяли раболѣпныя фразы. Задумчивый Александръ, мало привыкнувшій къ этой работѣ и къ этой роли бога, передъ которымъ все падаетъ, на котораго все уповаетъ, утомленный, взошелъ послѣ пріема въ свой кабинетъ, и бросился на кресло, передъ своимъ рабочимъ столомъ. На его столѣ, въ его кабинетѣ, въ которой никто не смѣлъ входить, лежало толстое письмо... запечатанное и надписанное ему.

Онъ сорвалъ печать, и развернулъ письмо; по мѣрѣ чтенія, глаза его наполнялись слезами, щеки горѣли; онъ положилъ письмо и крупныя слезы продолжали катиться по его щекамъ. Ихъ видѣли

графъ Паленъ и Трощинскій. „Господа, сказалъ имъ государь, неизвѣстный человѣкъ, положилъ на мой столъ это письмо; оно безъ подписи, сыщите мнѣ непремѣнно, кто его писалъ.“

Вотъ что прочелъ императоръ:

„Какимъ прекраснымъ днемъ началось Твое царствованіе! Казалось намъ, что сама природа въ восторгѣ встрѣтила Тебя! Александръ, любимецъ сердецъ нашихъ! Десятый день уже освѣщаетъ весеннее солнце Твоихъ, надеждами исполненныхъ подданныхъ, и день отъ дня, часъ отъ часу Ты болѣе оправдываешь сіи надежды. Какая лестная будущность ожидаетъ насъ!

Въ сіе время всеобщаго восторга, кто пощадилъ-бы жизнь свою на защищеніе Твое! Но Ты въ немъ не имѣешь нужды... Прости-жъ если, искавъ принести Тебѣ дань, я дерзновенною рукою начертаю нѣкоторыя истины, я, удаленный отъ двора Твоего и упованія наградъ, одинъ изъ безвѣстнѣйшихъ россіянъ. Прости, прости меня за неважную сію жертву, но жертву сердечную; пріими засвидѣтельствованіемъ довѣренности къ Твоимъ бродѣтелямъ, знакомъ *истинной подданнической* любви. Безъ сомнѣнія, все что̀ я ни скажу Тебѣ, болѣе или менѣе впечатлѣно уже въ Твоей благородной душѣ, или извѣстно въ сонмѣ мужей мудрыхъ, которыми Ты окружаешь себя. Но эта мысль не могла меня удержать повергнуть *лепту вдовы въ сокровищницу*, такъ точно какъ самое блистательное понятіе о славѣ Твоей никогда не удержитъ меня отъ рвенія распространять ее, во всякомъ для меня приступномъ кругу, моею хвалою...

Государь! Ты царствуешъ надъ сорокью милліонами человѣкъ искони пріобыкшихъ безпредѣльно

чтить власть, внѣ которой они не могутъ представить себѣ блаженства. Одного взора ихъ царей часто довольно, чтобъ разлить повсемѣстную радость, и, конечно, одного велѣнія, чтобъ устроить счастіе, какимъ только можетъ человѣкъ наслаждаться на землѣ...

Имперія, которая *своимъ* называть Тебя будетъ — не обыкновенное государство. Ей нѣтъ подобной не только въ нынѣшнемъ состояніи Европы и прочихъ частей свѣта, но, можетъ быть, и въ лѣтописяхъ вѣковъ прошедшихъ. Она заключаетъ въ себѣ десять климатовъ, обитаемыхъ народомъ большею частію единаго языка и единой вѣры. Она отъ сѣвера до юга, и отъ запада къ востоку изобилуетъ въ количествѣ и родѣ безчисленными благами, замѣняющими себя взаимно, которыя даютъ возможность поставить всѣ ея сношенія съ чужими странами въ совершенной независимости. Она имѣетъ и пространнѣйшія земли для воздѣлыванія большею частію *ей одной свойственныхъ* произведеній, и надежныя руки сыновъ своихъ для искуственнаго ихъ обработыванія. Посему, богатства ея, не на случайныхъ причинахъ, но на природѣ основанныя, должны возрастать съ самимъ временемъ. Она представляетъ, такъ сказать, подобіе рудника, открытаго при поверхности земли, котораго изобиліе постепенно обнаруживается по мѣрѣ его углубленія. Она изобилуетъ рѣками, которыя изъ ея средины изливаясь въ пять морей, ожидаютъ только попечительной руки правительства, чтобъ соединить ихъ всѣхъ, чтобы сообщать рукодѣлія Европы — Азіи, и азіятскія богатства Европѣ *кратчайшими путями*. Она граничитъ въ наибольшей части съ Ледовитымъ Океаномъ, или странами столько-же неприступными какъ и

онъ; въ остальной-же части имѣетъ сосѣдей, привыкшихъ почитать русское могущество. Что могу сказать Тебѣ, Государь, новаго о гражданскихъ добродѣтеляхъ Твоего народа, который, средп временъ грубѣйшаго невѣжества обращалъ уже на себя вниманіе? — народа, въ *нынѣшнемъ* состояніи нравственнаго міра, едва-ль не менѣе всѣхъ прочихъ народовъ поврежденнаго?... Напомню только одну изъ этихъ лобродѣтелей, обезпечивающую незыблемость отечества. Пожертвованіе жизни за него, всегда и вездѣ почитаемо было достойнымъ вѣчныхъ похвалъ; но сіе пожертвованіе, безъ всякихъ видовъ славы, утѣшительницы умирающихъ героевъ, сіе великое самоотреченіе, свойственно рѣдкимъ лишь душамъ; и россійскіе ратники способны къ нему болѣе всѣхъ древнихъ и новыхъ воиновъ. Рѣшительный военачальникъ идетъ на смерть: я почитаю его; но вижу, что слава, которая изъ за предѣловъ гроба простираетъ къ нему свой лавръ, наполняетъ его воображеніе удивленіемъ соотечественниковъ и потомства — что сія слава смягчаетъ ужасы смерти. Честолюбіе, желаніе пріобрѣсть блестящее отличіе упояетъ его. Самая необходимость дѣйствовать соотвѣтственно званію, къ которому онъ принадлежитъ, влечетъ его впередъ. Но простой солдатъ, который не мечтаетъ о лаврахъ, не имѣетъ предразсудковъ благородства, заставляющихъ отличаться, не ожидаетъ наградъ; солдатъ, котораго участь не перемѣняется послѣ двадцати выигранныхъ сраженій; и который, не думая о свидѣтеляхъ, о потомствѣ, объ исторіи, умираетъ *весь;* у котораго священный долгъ есть единое побужденіе — для меня прямо великій герой! Таковъ россійскій солдатъ; и такихъ имѣешъ Ты сотни тысячь!...

Время образовало человѣческую премудрость; время, усовершая все, предуготовляетъ законодателю способъ быть благотворителемъ человѣчества. Еслибъ Екатерина, еслибъ Маркъ-Аврелій самъ, жили въ желѣзномъ вѣкѣ царствованія Ивана Васильевича, когда вся Европа покрыта еще была тьмою суевѣрія, подавляема своеволіемъ феодализма — много-ли бы они могли сдѣлать въ пользу своихъ подданныхъ? Предположивъ, что они изъ собственнаго сердца, созданнаго для блага человѣковъ, изъ собственнаго всеобъемлющаго разума извлекли-бы законы; предположивъ, что они нашлибы возможность въ одно время и сильно дѣйствовать и глубоко размышлять, проникать безъ всякихъ предварительныхъ познаній, въ составъ обществъ, въ сердца людей; — гдѣ взяли бы они достойныхъ исполнителей своего плана? Ни люди, ни средства для образованія общественнаго не были еще произведены. Въ наши дни, Государь, наука законодательства вмѣстѣ съ прочими науками, вмѣстѣ съ общими успѣхами разума необходимо усовершенная, представить Тебѣ въ твореніяхъ величайшихъ умовъ тысячу новыхъ идей, которыя объяты бывъ благодѣтельнымъ Твоимъ духомъ, искушены, подобно какъ злато искушается огнемъ, религіозностію Твоихъ чувствованій, могутъ положиться въ основаніе счастія Россіянъ. Велика заслуга мудреца многотрудно открывающаго истину; но тотъ кто силу, данную ему отъ небесъ, обратитъ на дѣйствительныя приложенія сей истины — достоинъ алтарей! Онъ Богъ, собирающій носимые безполезно по воздуху пары въ благотворный дождь, который даетъ плодоносіе долинамъ, и воды рѣкамъ орошающимъ ихъ. Ежели земные владыки могутъ назваться подобіемъ великаго, непостижимаго су-

щества, создавшаго милліоны міровъ, то конечно тогда только, когда они подражаютъ Его благодѣтельности...

Воззри напослѣдокъ на нынѣшнее состояніе Европы. Могло-ль быть когда-либо время *способнѣе* для возведенія Твоей „Россіи на верхъ славы и блаженства“, въ сходство обѣщанія Твоего? Притязанія и виды всѣхъ державъ такъ разнообразны, такъ противуположены другъ другу, что Ты никогда не можешь быть въ необходимости принять оружіе, если Самъ будешь имѣть миролюбивыя намѣренія, если суетныя хвалы умовъ праздныхъ *такъ называемая* слава завоевателей, никогда отъ Тебя не удостоятся быть взвѣшиваемы на ряду съ благословеніями тысячей и темъ человѣковъ, которыхъ судьба отъ Тебя зависитъ. Французскій переворотъ, столь гибельный самъ по себѣ, поколебавшій столько правленій, не только не сдѣлалъ вреда Россіи, въ которую его начала не могли проникнуть, но принесъ ей еще ощутительную выгоду, отвративши, во-первыхъ, завистливое вниманіе державъ въ самое критическое для нея время; и потомъ, новымъ расположеніемъ связей ихъ, уволивши нашъ дворъ отъ необходимости пристать къ той или другой сторонѣ, которыя обѣ теперь, почитая соучастіе наше рѣшительнымъ, должны на перерывъ искать нашего благорасположенія. Россія вышла, чрезъ неожиданное это стеченіе обстоятельствъ, изъ всегдашней (со времени Петра Великаго), скрытной войны со *всѣми* европейскими державами. Самую молодость ея, которая еще чрезъ цѣлое столѣтіе не могла-бъ быть забыта, революція навсегда изгладила изъ памяти.

Въ семъ состояніи дѣлъ, внутренніе и внѣшніе долги государства Твоего не важны, судя по вели-

кости источниковъ Твоихъ доходовъ, кои не расточены еще столько, чтобъ простымъ отмѣненіемъ нѣкоторыхъ предположенныхъ издержекъ, не можно было вывести казну въ нѣсколько мѣсяцовъ изъ всякаго затрудненія.

Таковы средства, Государь, которыя Ты имѣешь быть великимъ, счастливѣйшимъ монархомъ, среди счастливѣйшаго народа на землѣ...

Ночью, проходя мимо чертоговъ Твоихъ, я представлялъ себѣ сію картину благословеннаго Твоего политическаго положенія, и размышлялъ, каковы будутъ пути Твои?

Неужели захочетъ Онъ, говорилъ я самъ себѣ, произвольно разстроить рѣдкое согласіе неба и земли въ Его пользу и благотворное предуготовленіе цѣлаго полвѣка оставитъ безъ исполненія? Неужели Онъ, созданному для душъ обыкновенныхъ, удовольствію самовластія хладнокровно пожертвуетъ надеждою народовъ, безсмертною славою, и тою наградою, которая по долговременной, безмятежной, семейственныхъ радостей исполненной жизни, ожидаетъ добродѣтельныхъ монарховъ въ странѣ блаженства?

Нѣтъ! Онъ раскроетъ напослѣдокъ великую ту книгу судьбы нашей и нашихъ потомковъ, которую лишь указалъ перстъ Екатерины. Онъ дастъ намъ непреложные законы. Клятвою многочисленныхъ племенъ своихъ подданныхъ утвердитъ Онъ ихъ въ роды родовъ. Онъ скажетъ Россіи: „Вотъ предѣлъ самодержавія Моего и Моихъ наслѣдниковъ нерушимый во вѣки!...“ И Россія войдетъ, наконецъ, въ число державъ монархическихъ; *и желѣзный своеправія скипетръ не возможетъ сокрушить скрижалей ея завѣта.*

Въ этомъ будетъ Онъ дѣйствовать медленно, какъ дѣйствуетъ природа въ таинственныхъ путяхъ отъ Творца ей уготованныхъ. Онъ призоветъ въ помощь свою вѣчный разумъ, имѣющій озарить Его душу; имъ руководствуясь обозритъ Онъ весь составъ законовъ до нынѣ существующихъ, дабы безъ нужды и по одной лишь любви къ новостямъ не разрушать утвержденнаго и оправданнаго уже временемъ. Именемъ отечества истребуетъ Онъ совѣтъ у мужей мудрыхъ, счастливою для насъ судьбою поставленныхъ близь Его, и другихъ, голосъ которыхъ изъ оддаленнѣйшихъ краевъ Его государства истину повѣдать Ему можетъ. *Подъ завѣсою строжайшей скромности* вопроситъ Онъ ихъ; со свѣтильникомъ чистой своей совѣсти пройдетъ творенія законодателей міра, древнихъ и новыхъ: сообразитъ оныя съ обстоятельствами своего народа, съ его нравами, обычаями, религіею, съ мѣстнымъ его положеніемъ, съ просвѣщеніемъ истиннымъ, какое обѣщаетъ намъ наступившій вѣкъ, послѣ жестокихъ испытаній прошедшаго ... Онъ составитъ въ тайнѣ, но торжественно, предъ лицомъ внимающей вселенной издастъ Государственное Уложеніе, основу законовъ, которые *сами,* нечувствительно, могутъ *предварить* ея обнародованіе. Онъ повелитъ, напослѣдокъ, въ пространствѣ Россіи избрать старцевъ, достойныхъ безпредѣльнѣйшей довѣренности своихъ согражданъ; и, поставивъ ихъ внѣ сферы честолюбія и боязни, удѣлитъ имъ весь избытокъ своей власти — да охраняютъ святая святыхъ Отечества ... Онъ пріймetъ и другія мѣры, почерпнутыя изъ опыта вѣкокъ, для утвержденія правъ своихъ подданныхъ. Онъ-то первый употребитъ самовластіе для обузданія самовластія; первый, кто по чистѣйшему движенію сердца пожертвуетъ

человѣчеству собственными выгодами! И человѣчество, возрыдавъ отъ радости, вознесетъ кумиръ Его выше кумировъ прочихъ царей, и сонмы народовъ чуждыхъ притекутъ лобызать Его подножіе, и вкусить среди насъ блаженство!...

Безъ сомнѣнія нашъ Александръ, другъ людей, вѣдаетъ что довѣренность къ правительству, утверждаемая извѣстностію *непремѣнныхъ* его началъ, *одна* рождаетъ взаимную довѣренность гражданъ между собою, что она есть жизнь промысловъ, мать общественныхъ добродѣтелей, и источникъ благоденствія...

Съ довѣренностію къ правительству на одной степени поставитъ Онъ *вѣру къ правосудію.* Безъ нихъ обѣихъ почтенныя слова: гражданинъ, отечество — суть пустые звуки на языкѣ отечественномъ!...

Онъ презритъ новыхъ лжеполитиковъ, утверждающихъ будто частныя неправды не обращаются обществу во вредъ, будто для государства „все равно какъ ни переходитъ собственность изъ рукъ въ руки“. Предоставивъ весь судъ *избраннымъ отъ народа,* Онъ удалитъ ихъ отъ соблазновъ, не законами, безгласными *по необходимости,* но доставленіемъ судьямъ избыточнаго содержанія, содержанія соразмѣрнаго ихъ безкорыстію и поревнованію объ общей пользѣ. На сей-же конецъ подчинитъ Онъ судей общественному мнѣнію. Оно всегда было болѣе безпристрастно, болѣе неумолимо, нежели высшія инстанціи не рѣдко движимыя *одинаковыми-же* началами на вящшее посрамленіе законовъ! Судъ при дверяхъ открытыхъ, право тяжущимся публиковать опредѣленія, будетъ однимъ изъ надежнѣйшихъ огражденій правосудія.

Онъ положитъ единожды на всегда твердое основаніе государственному достоянію: изочтеть

богатства своихъ обширныхъ владѣній; опредѣлитъ возможность и повинности подданныхъ по неподвижному размѣру, измѣненіямъ отъ прилива и отлива *изобразительныхъ знаковъ* богатства не подверженному, и скажетъ: „*Симъ* обязаны вы взаимно состояніе къ состоянію; *симъ* обязаны относительно къ государственной сокровищницѣ; *симъ,* напослѣдокъ, располагаетъ лице Государя.“ Тогда однѣ чрезвычайныя, всею мудростію человѣческою не предвидимыя нужды государства останутся неопредѣленными: но на удовлетвореніе ихъ готовы коренныя, такъ сказать *утробныя* его силы, которыя съ покоемъ *неопредѣленно-же* возрастаютъ.

Не поводы къ новымъ налогамъ велитъ Онъ изобрѣтать для безконечнаго умноженія мнимыхъ доходовъ; но съ благоволеніемъ приметъ тѣ мѣры, кои клониться будутъ къ уменьшенію издержекъ. И симъ *вѣрнѣйшимъ* путемъ, сопровождаемый благословеніями гражданъ трудящихся въ потѣ лица, достигнетъ Онъ до постояннаго *избытка государственнаго,* которымъ ни одна держава похвалиться еще не могла.

Онъ ограничитъ особливо издержки, которыя не служатъ къ пользѣ Имперіи и не возвышаютъ на самомъ дѣлѣ блеска вѣнца Его; уменьшитъ дворъ Свой; изженетъ изъ него толпы ласкателей и прислужниковъ, безстыдно мечтающихъ, что достояніе Имперіи имъ принадлежитъ и что, они преимущественное имѣютъ право на милости Государя по одному тому, что случай поставилъ ихъ близь Его особы.

Онъ ограничитъ суетную *любоздательность*: это желаніе украшать улицы и площади столицъ, когда все прочее государство *представляетъ еще*

безкровныя жнжины. Не художества призоветъ Онъ въ помощь для сооруженія себѣ памятниковъ; но въ премудрости своихъ учрежденій и въ любви народной найдетъ ихъ: онѣ не сокрушаемы временемъ и не одно удивленіе празднаго любопытства возбуждаютъ, но почтеніе всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ!

Самыя художества не будетъ Онъ покровительствовать прихотливо и внутри лишь чертоговъ своихъ, съ условіемъ чтобъ они платили Ему лестью; но дѣйствительно ободритъ ихъ, *умноживъ общее благосостояніе* и разрѣшивъ узы ума и талантовъ.

Вообще Онъ будетъ дорожить произведеніемъ кроваваго пота подданныхъ, посвященнымъ на пользу общую; и *моральное* изящество будетъ первѣйшимъ Его предметомъ.

Не удостоитъ Онъ занять себя подробностями, и ждивать на мелочи драгоцѣнное время, въ которое едва — едва вмѣститься могутъ *всеобщія* попеченія владѣтеля пространнѣйшей Имперіи въ свѣтѣ. Онъ взоромъ будетъ обнимать цѣлыя массы, дастъ правильное движеніе главнѣйшимъ колесамъ государственнаго состава — и всѣ прочія потекутъ правильно!

Какъ паисовершеннѣйшіе законы останутся безполезными въ народѣ развращенномъ, и чуждыми смысла въ народѣ невѣждъ; то безъ сомнѣнія обратитъ Онъ всю свою внимательность на *воспитаніе* своихъ подданныхъ, соотвѣтственно мѣстнымъ и личнымъ потребностямъ каждаго. Верховное попеченіе объ этомъ предоставитъ Онъ сословію *блюстителю законовъ,* а оно будетъ дѣйствовать посредствомъ людей, имѣющихъ надъ народомъ наиболѣе нравственной силы. Духовен-

ство употребится на просвѣщеніе народа, и на сей конецъ предварительно само будетъ просвѣщено: учредятся для него гимназіи, удаленныя отъ тяжелыхъ началъ древней схоластики, и отличія предоставятся не тѣмъ проповѣдникамъ слова Божія, которые съ поэтическимъ восторгомъ станутъ величать Государя въ городскихъ храмахъ; но тѣмъ, которые докажутъ опытами вліяніе, какое они имѣли на благонравіе своихъ паствъ; тѣмъ, которые, учредивъ училища, не лѣпостно преподавать въ нихъ будутъ чистое ученіе Христово и своимъ примѣромъ наставлять должностямъ человѣка и гражданина.

Такимъ образомъ, не жезлъ денно-нощно властію подъятый заставитъ исполнять законы; но гораздо дѣйствительнѣе собственное удостовѣреніе каждаго въ ихъ пользѣ. Такимъ образомъ законы будутъ охраняемы нравами, и нравы законами.

Съ другой стороны еще подѣйствуетъ Онъ на нравственность состояній называемыхъ *послѣдними*. Онъ обезпечитъ права человѣчества въ *помѣщичьихъ крестьянахъ*; введетъ у нихъ собственность; поставитъ предѣлы ихъ зависимости. И сіе не закономъ, могущимъ опасно поколебать нынѣшнія общественныя связи, но постепенностію обычая, который бы укрѣпилъ оныя болѣе. Простѣйшимъ поселянамъ предоставитъ Онъ средства вкушать иногда, въ воздаяніе трудовъ своихъ, сладость жизни, не прибѣгая къ своеволію, питьямъ чувства оглушающимъ и другимъ побужденіямъ разврата, иногда отчаянія и неключимаго рабства...

Земледѣліе распространится подъ кроткимъ Его скипетромъ. Онъ заселитъ пространныя степи Россіи мало по малу, не насильно исторгая семейства изъ домовъ ихъ и переселяя скоропостижно,

за цѣлыя тысячи верстъ, въ страны по одной своей безвѣстности уже страшныя для нихъ, и дѣйствительно смертоносныя по чрезвычайному различію климатовъ; но изъ сосѣдственныхъ, населеннѣйшихъ мѣстъ вызывая и ободряя наградами и льготою.

Безводные, но впрочемъ тучные кряжи благословенныхъ климатовъ, будетъ Онъ умѣть содѣлать обитаемыми, и превратить въ цвѣтущіе сады, проводя каналы изъ сосѣдственныхъ рѣкъ, обращая въ пользу пространныя озера, или одѣвая исподоволь отлогости горъ лѣсомъ. Неужели однѣ только просвѣщенныя столицы имѣютъ право на подобныя симъ издержки правительства? Неужель не обязано оно готовить жилища будущимъ родамъ и..... убѣжища тѣмъ, которые отъ Запада, вѣроятно, придутъ нѣкогда искать у насъ отечества?...

Не толпы алчущихъ чиновниковъ поставитъ Онъ на стражѣ у лѣсовъ, сего украшенія земли и сокровищницы водъ; но благоразумнымъ распредѣленіемъ въ собственность, сохранитъ ихъ для государства. Дикія только степи и непроходимые лѣса могутъ быть помѣстьемъ казны; но должны содѣлаться собственностію частныхъ людей какъ скоро они досягаемы для трудолюбія. Горе правительствамъ, которыхъ учрежденія служатъ *только къ соблазну*, не искореняя зла въ самыхъ его основаніяхъ!...

Онъ назначитъ торжественныя награды для поселянъ, кои отличатся или рѣдкими примѣрами благонравія, или трудолюбіемъ, изобрѣтеніемъ или введеніемъ новыхъ предметовъ земледѣлія или промышленности. О семъ и подобномъ тому предоставитъ Онъ судить не мѣстнымъ начальникамъ, удоборазвлекаемымъ пристрастіемъ, или скудными государственными соображеніями: но устроитъ

временныя путешествія по Имперіи особъ, исполненныхъ познаніями въ обозрѣваемой части и достойныхъ представлять собственное Его око. Самъ Онъ не рѣдко оставитъ единообразіе дворской жизни, чтобы *на дѣлѣ* видѣть и слышать: и управленіе Богомъ ввѣреннаго Ему, прекраснаго, пространнѣйшаго царства не заключитъ въ тѣсные предѣлы работъ надъ подносимыми Ему бумагами.

Рукодѣлія возбуждать Онъ станетъ не самовластнымъ *внезапнымъ* запрещеніемъ ввоза иностранныхъ произведеній (можно согласить отечественную пользу съ миролюбіемъ къ чужимъ народамъ!); но привиллегіями, данными мануфактурамъ и фабрикамъ и въ особенности снятіемъ стѣснительныхъ налоговъ, отнимающихъ охоту заводить новыя. Впрочемъ Россія *можетъ*, безъ малѣйшей для себя невыгоды, великодушно уступить многія вѣтви промышленности и рукодѣлій народамъ скуднымъ землею. Ей-ли изобилующей существенными богатствами присвоять ненасытимо *всѣ* источники существованія?... желать самой *все* обработывать, когда она несравненно дешевле можетъ имѣть *наемниковъ* себѣ внѣ предѣловъ своихъ? Доколѣ мы измѣрять себя будемъ мѣрилами чуждыми и подражать младенчески?...

Внутренняя торговля, усилясь отъ успѣховъ хлѣбопашества и рукодѣлій, втеченіе немногихъ лѣтъ, сама собою безъ всякихъ насильственныхъ пріемовъ возвыситъ внѣшнюю въ нашу пользу. Великими примѣрами распространяемыя благонравіе и любовь ко всему отечественному послужатъ также къ уменьшенію надобностей въ заграничныхъ произведеніяхъ. Цѣна россійскихъ существенныхъ богатствъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и цѣна изобразительныхъ, возрастетъ неминуемо.

Для внутренней и внѣшней торговли, для совершенія великаго подвига законодательства, Онъ, конечно, потщится сохранить мирь съ державами. Онъ употребитъ на сіе счастливыя средства, представляемыя Ему теперь провидѣніемъ, которое *явно* простираетъ къ Россіи милующую десницу. Ему, безъ сомнѣнія, предоставлено начертать смѣлый планъ *постоянной* политики, свойственный россійской министеріи и одной ей принадлежащій. Не имѣетъ-ли Онъ надежнѣйшихъ способовъ содержать всѣ Дворы въ почтеніи къ себѣ, не преклоняясь ни на чью сторону? Находитъ-ли по нынѣшнему положенію своего государства, по его сопредѣльности, по его силамъ, малѣйшія причины, или выгоды входить въ раздоры ихъ? Населеніе Россіи, въ *цвѣтѣ еще находящейся,* таково-ли, чтобъ жертвовать людьми безъ *крайнѣйшей* необходимости?.... О, какая участь! обращать на себя признательные взоры любви и уваженія всѣхъ народовъ; быть извѣстнымъ со стороны безпредѣльнаго могущества — и благотворить!..... Если Всевышній мерзитъ человѣкоубійствомъ и другими гнусными слѣдствіями войны; если Ему угодно, чтобъ когда-либо существовала истинно-христіанская держава, то сей примѣръ удобнѣе всего въ Россіи, и въ царствованіе Александрово.

Въ счастливое сіе время, вооруженная сила не останется безполезною. Напротивъ, тогда-то будетъ она выполнять истинный свой предметъ: *охраненіе общаго спокойствія.* Въ ожиданіи пока безумный какой-либо врагъ дѣйствительно покусился-бы на него, найдутся средства занять милліонъ здоровыхъ, сильныхъ рукъ, ежегодно стоющихъ болѣе трети государственныхъ доходовъ, не заставляя ихъ лить кровь въ странахъ и дѣлахъ

чужихъ... Прежде всего оградитъ Онъ западные предѣлы Имперіи своей удвоеннымъ забраломъ крѣпостей: да кажутся онѣ сосѣдямъ страшными рядами зубовъ покоющагося льва. Потомъ, по примѣру Римлянъ, которые, выше всего ставя воинское ремесло, не сомнѣвались однакожъ производить воинами общественныя работы, строить славные свои водоводы и свои дороги; по примѣру нѣкоторыхъ европейскихъ государей, кои въ новѣйшія времена предпринимали такіе-же опыты, и въ числѣ ихъ самаго основателя сей столицы, обезпечившаго продовольствіе ея Ладожскимъ каналомъ, станетъ Онъ употреблять, по очереди, часть мощныхъ нашихъ ратниковъ, съ младенчества пріобыкшихъ къ повиновенію и трудамъ, на государственныя работы. Нѣкоторая прибавка къ обыкновенному ихъ жалованью возбудитъ ихъ дѣятельность; и какъ много существенно полезнаго окажется въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ! откроются повсюду водяныя и сухопутныя сообщенія, рѣки сдѣлаются судоходными, болота превратятся въ плодоносныя долины... Между тѣмъ и границы Имперіи не останутся безъ защищенія, и русская сила будетъ въ виду и въ понятіи у непріятелей.

Онъ соединитъ воина съ поселяниномъ, и поселянина съ прочими состояніями союзомъ взаимной пользы, ощущеніе которой, братолюбіе и подданническая обязанность, будутъ одно и тоже чувство подъ тремя различными только видами.

Онъ... но могу-ли я обнять высокое предназначеніе Всевышняго; могу-ли представить себѣ, исчислить всѣ дѣянія, которыхъ сѣмя лежитъ въ его человѣколюбивомъ сердцѣ?.....

Народы всегда будутъ то, чѣмъ угодно правительствамъ чтобъ они были: Царь Иванъ

Васильевичъ хотѣлъ имѣть безотвѣтныхъ рабовъ — съ нимъ подлыхъ, между собою жестокосердыхъ. — Онъ имѣлъ ихъ. Петръ желалъ видѣть насъ подражателями иностранцамъ: къ несчастію мы съ излишествомъ такими стали. Премудрая Екатерина начала образовывать *Россіянъ*: Александръ довершитъ великое сіе дѣло. Наслаждаяся нѣкогда плодами своей юности, Онъ будетъ блаженнѣйшимъ изъ смертныхъ; и слава Его, утвержденная на любви подданныхъ, переходящей изъ рода въ родъ, на всеобщемъ земныхъ племенъ почтеніи, будетъ предметомъ желаній величайшихъ монарховъ!...

Слышалъ я, что юный нашъ владѣтель съ равнодушіемъ принимаетъ затверженныя восклицанія поэзіи, которая безстыдно приноравливаетъ ихъ ко *всѣмъ* царямъ, увѣряя *каждаго,* что онъ лучше своего предшественника: я смѣлъ начертать сіи мысли...

О Ты, котораго обожаетъ мое сердце! не отвергни сію дань его, въ простотѣ и съ безкорыстнѣйшими чувствованіями Тебѣ приносимую...

Государь! въ душѣ моей повергаюсь къ стопамъ Твоимъ, орошаю ихъ слезами чистѣйшей, вѣчной преданности!..... Геній-благотворитель любезнаго моего Отечества!“...

На другой день Трощинскій доложилъ государю, что привезъ автора письма, что онъ чиновникъ одной изъ его канцелярій, *Василій Назаровичъ Каразинъ*. Государь отпустивъ Трощинскаго, пригласилъ Каразина въ кабинетъ, и оставшись съ нимъ одинъ, спросилъ его:

— Вы писали ко мнѣ это письмо?

— Виноватъ, государь, отвѣчалъ Каразинъ.

— Дайте-же мнѣ обнять васъ за него, благо-

дарю васъ, я желалъ-бы, чтобъ у меня больше было такихъ подданныхъ. Продолжайте всегда со мной говорить такъ откровенно, продолжайте всегда говорить мнѣ *правду!* —

Государь прижалъ его къ своей груди и Каразинъ рыдая какъ ребенокъ, бросился къ его ногамъ со словами — клянусь, что буду всегда говорить правду.

Александръ усадилъ его, долго бесѣдовалъ съ нимъ, велѣлъ ему писать къ себѣ въ собственныя руки — двери кабинета были открыты для него...

Маркиза Позу, допускать ко мнѣ
Впередъ безъ всякаго доклада.

.....Маркизъ Поза нашъ, началъ свою политическую карьеру года за два передъ тѣмъ. Двадцати пяти лѣтъ, онъ оставилъ военную службу. Образованный, съ рѣдкой многосторонностью, онъ простился съ Семеновскимъ полкомъ, для того, чтобъ изучать Россію и заниматься точными науками. Это было время пущаго разгара павловскаго безумія. Когда молодой человѣкъ вглядѣлся въ положеніе несчастной Россіи, стягаемой на право и на лѣво, безъ разбору, ея палачемъ, такой ужасъ, такое отвращеніе, такое отчаяніе овладѣли его душей, что онъ рѣшился, во что-бы ни стало уѣхать въ чужія края. Заграничные паспорты были запрещены. Каразину не дали дозволенія ѣхать. Онъ рѣшился перебраться черезъ границу безъ паспорта. При переправѣ черезъ Нѣманъ, его схватили драгуны и свезли въ Ковно.

Гибель Каразина была неминуема. Онъ схватился за самое опасное и несбыточное средство, оно спасло его. Предупреждая оффиціальное донесеніе, онъ послалъ 14 Августа 1798 съ эстафетой, слѣдующее письмо къ Павлу.

14. Августа 1798, Ковно.

Государь,

„Несчастный преступникъ осмѣливается къ Тебѣ писать: преступникъ противъ Твоихъ повелѣній, Самодержецъ Россіи, не противу чести, совѣсти, религіи и отечественныхъ законовъ. Удостой внять прежде осужденія. Да озаритъ меня *единый* лучь Твоей прозорливости, прежде нежели сожжетъ молнія твоего гнѣва!

Я хотѣлъ оставить мое отечество, великую страну Твоей державы: покусился вопреки Твоей *двукратно,* то есть всенародно и частно на мое лицо, выраженной воли. Ночью противу 3-го числа сего мѣсяца, при переправѣ въ Ковно черезъ Нѣманъ, я удержанъ объѣздомъ екатериненскаго гренадерскаго полка: въ короткое время достигнетъ о томъ оффиціальное донесеніе.

Конечно будутъ собраны обо мнѣ свѣденія въ С. Петербургѣ, гдѣ я короткое время пробылъ, и въ слободской-украинской губерніи, краѣ моего рожденія и помѣстья. Дерзаю здѣсь предварительно увѣрить, что онѣ не послужатъ въ мое обвиненіе. Я не имѣлъ никакой нужды спасаться бѣгствомъ. Оно будетъ засадкою для моихъ слѣдователей.

Пріими мое признаніе: я желалъ укрыться отъ Твоего правленія, страшась его жестокости. Многіе примѣры, разнесенные молвою въ пространствѣ царства Твоего, молвою вѣроятно удесятеренные, грозили мысли и воображенію день и ночь. Я не зналъ за собою вины. Въ уединеніи сельской жизни не могъ я имѣть ни случаевъ, ниже поводовъ оскорбить Тебя. Но свободный образъ моихъ мыслей могъ быть уже преступленіемъ ...

Теперь въ волѣ Твоей наказать меня — и оправдать страхъ мой, или простить, и заставить лить слезы раскаянія о томъ, что я столь ложныя мысли имѣлъ о государѣ великомъ и милосердомъ!“

Павлу не часто приходилось читать такія письма. Ужасъ передъ его деспотизмомъ, заставившій молодаго человѣка бѣжать, и простодушное признаніе его, взяли Павла въ расплохъ. Стоя въ третьей танцовальной позиціи и опираясь преднамѣренно неловко на трость, Павелъ сказалъ приведенному къ нему *преступнику*, своимъ сиплымъ голосомъ; „я докажу тебѣ молодой человѣкъ, что ты ошибаешся, что служба въ Россіи можетъ быть не дурна и при мнѣ; при комъ хочешь ты служить?“ Хотя намѣреніе Каразина перебраться черезъ границу и не было доказательствомъ особенно сильнаго желанія испытывать прелесть павловской службы, но тутъ разсуждать было нечего, Каразинъ назвалъ Трощинскаго, Павелъ велѣлъ его опредѣлить и оставить въ покоѣ.

Для Александра такой человѣкъ былъ кладъ, казалось, что онъ понялъ это. Неутомимая дѣятельность Каразина, и глубокое, научное образованіе его были поразительны; онъ былъ астрономъ и химикъ, агрономъ, статистикъ, не риторъ какъ Карамзинъ, не доктринеръ какъ Сперанскій — а живой человѣкъ, вносившій во всякой вопросъ совершенно новый взглядъ и совершенно вѣрное требованіе.

Сначала императоръ безпрестанно посылаетъ за нимъ, пишетъ ему собственноручныя записки. Каразинъ упоенный успѣхомъ, удесятеряетъ свои силы, пишетъ проэкты, между прочимъ проэктъ министерства просвѣщенія, подаетъ записку объ *искорененіи рабства* (т. е. крѣпостнаго состоянія)

въ народѣ — въ которой прямо говоритъ, что послѣ того, что дворяне освобождены имъ дарованой грамотой, чередъ за крестьянами; вмѣстѣ съ тѣмъ пишетъ о народныхъ школахъ, составляетъ самъ два катихизиса, одинъ *свѣтскій,* одинъ духовный, и вдругъ въ пущій разгаръ своего фавера, беретъ отпускъ и пропадаетъ на своей родинѣ въ Малороссіи. Не думайте, что онъ поѣхалъ отдохнуть, набрать новыхъ силъ; такіе люди не устаютъ, нѣтъ, онъ возвращается черезъ нѣсколько недѣль въ Петербургъ съ 618,000 р. с., которые, онъ вымолилъ, выплакалъ у харьковскаго и полтавскаго дворянства и купечества, на учрежденіе университета въ Харьковѣ. Государь хочетъ наградить его, Каразинъ отказывается, „я становился, государь, на колѣна передъ дворянами и купцами, я вымоливалъ у нихъ деньги со слезами, да не будетъ сказано, что я дѣлалъ все это изъ желанія получить награду“.

Александръ имъ доволенъ, все идетъ хорошо, но уже замѣтна какая-то непріязненная сила, которая то тамъ подкатитъ бревно подъ колеса, то тутъ опуститъ тормазъ...

Проэктъ министерства просвѣщенія утвержденъ, но ужъ онъ не тотъ; утвержденъ и проэктъ харьковскаго университета, но колосальный замыселъ Каразина съуживается въ обыкновенные размѣры нѣмецкой провинціальной Hoch-Schule. Каразинъ мечталъ о центральномъ учебномъ заведеніи, не только всей Малороссіи, но и юго-западныхъ славянъ, даже грековъ. Ему хотѣлось привлечь туда величайшія знаменитости ученаго міра. Лапласъ и Фихте согласились ѣхать вызванные имъ, но правительство нашло ихъ не по карману.

Едва замѣчая *неудачу своихъ удачъ,* Каразинъ

выписываетъ изъ чужихъ краевъ, на свой счетъ, въ Харьковъ тридцать два семейства типографовъ, переплетчиковъ и другихъ работниковъ, является во дворцѣ вдовствующей императрицы, пишетъ для неё трактаты о женскомъ воспитаніи, статьи о педагогіи и пр. Это его нисколько не отрываетъ отъ другихъ порученій Александра и отъ другихъ предпринятыхъ работъ. Съ небольшимъ въ два года, онъ успѣлъ сверхъ сказаннаго, написать уставъ для академіи, для университетовъ, для всѣхъ учебныхъ заведеній, собрать матеріалы для исторіи финансовъ и для исторіи медицины въ Россіи, заняться собраніемъ первыхъ статистическихъ свѣденій и привести въ порядокъ государственный Архивъ.

Въ 1804 году Каразинъ возвратился съ слѣдствія, которое онъ дѣлалъ, совокупно съ Державинымъ, надъ губернаторомъ Лопухинымъ. Злоупотребленія этого человѣка, находившаго сильную поддержку, были раскрыты. Лопухинъ отданъ подъ судъ. Оставалось наградить слѣдопроизводителей; но уже нитка, по которой Маркиза Позу пускали ходить, была коротка.

Ничего не замѣчая, онъ явился къ государю. Государь его принялъ съ насупившимися бровями. Каразинъ стоялъ какъ пораженный громомъ.

— Ты хвастаешся моими письмами?

— Государь... — Но государь не далъ ему отвѣтить.

— Посторонніе знаютъ, что я тебѣ писалъ одному и никому не показывалъ. Ты можешь идти. —

Каразинъ вышелъ, и между ними все было кончено. Каразинъ подался въ отставку; государь принялъ его просьбу.

И такъ въ 1804 году, императоръ не зналъ, что содержаніе писемъ, бываетъ *извѣстно почтовому вѣдомству*.

Поневолѣ вспомнишь печальный анекдотъ, разсказанный Н. И. Тургеневымъ, какъ Александръ гдѣ-то на конгресѣ, получивъ просьбу крестьянина проданнаго своимъ помѣщикомъ, спросилъ Тургенева „будто законами дозволяется продажа людей безъ земли, и будто продажа въ разницу допускается?“ Тургеневъ, знавшій хаосъ законовъ по этой части, хотѣлъ воспользоваться вопросомъ, чтобъ уничтожить невольническую продажу и разумѣется не успѣлъ. Послѣ засѣданія въ совѣтѣ, на которомъ Тургеневъ горячился, В. П. Кочубей подошелъ къ нему, и горько улыбаясь, сказалъ: „и вы думаете, что изъ этого что-нибудь будетъ?.. *Вы лучше вотъ чему подивитесь, что государь, двадцать лѣтъ царствуетъ и не зналъ, что у насъ людей продаютъ по одиночкѣ!*“

Петровское правительство необычайно свободно. Оно имѣетъ виды, корысти, отношенія, *но нравственныхъ обязанностей* никакихъ.

Освобождаясь отъ застоявшихся преданій родительскаго дома, оно въ тоже время оборвало всѣ кровныя связи — не налагая на себя другихъ; оно отдало свою родную мать чуждому вотчиму въ кабалу, но и ему не подчинилось.

Сложные, разноначальные элементы западной жизни, были взяты на выборъ, подтасованы. Изъ цѣлой фразы — въ которой самыя противурѣчія смягчали односторонности, выполняли крайности и дѣлали своего рода строй — были выхвачены нѣсколько звуковъ, разрушившихъ ея сочетаніе и смыслъ. Все увеличивающее власть, все подавляющее человѣка было взято; все ограждающее лицо оставлено въ сторонѣ; казуистика инквизиторіальнаго процеса обогатилась татарской

пыткой, нѣмецкій чинъ — византійскимъ чинопочитаніемъ.

Самое *слово* человѣческое, безусловно подавленное и презираемое, получало только тогда мощь безграничнаго несчастія и неотвратимой угрозы, власть *дѣла,* когда оно сулило доносъ!

Такого правительства, отрѣшеннаго отъ всѣхъ нравственныхъ началъ, отъ всѣхъ обязанностей, принимаемыхъ на себя властью, кромѣ самосохраненія и сохраненія границъ — въ исторіи нѣтъ. Петровское правительство самая чудовищная абстракція, до которой можетъ только подняться германская метафизика „eines Polizeistaates". Правительство для правительства, народъ для государства. Полная независимость отъ исторіи, отъ религіи, отъ обычая, отъ человѣческаго сердца; матеріальная сила вмѣсто идеала, матеріальная власть вмѣсто авторитета.

Будь Россія завоевана, положимъ Польшей, былабы борьба. Польское панство принесло-бы свои традиціи шляхетной воли, оно вызвало-бы, какъ въ Малороссіи, какъ во времена самозванцевъ, изъ оскорбленной народности — Ляпуновыхъ, Мининыхъ, Пожарскихъ, Хмѣльницкихъ. Два элемента помѣрились-бы. Побѣдитель посмотрѣлъ-бы, кто этотъ побѣжденный, въ чемъ его особенность, въ чемъ его народность. Но петровское завоеваніе Россіей, безъ иноплеменниковъ, безъ враждебнаго знамени, безъ открытаго боя, взяло всю страну въ расплохъ. Народъ тогда догадался, что онъ побѣжденъ, когда всѣ крѣпкія мѣста были въ рукахъ непріятеля: для *побѣдителей* побѣжденный народъ не имѣлъ даже интереса новости неизвѣстнаго, напротивъ отчуждившійся притѣснитель презиралъ *черный* народъ русскій, былъ увѣренъ, что знаетъ его и чувствовалъ

себя тою-же плотью и тою-же кровью, но очищенной цивилизаціей и призванной управлять *чернью*.

Около Петра собирается куча голи дворянской, непомнящей родства, иностранцевъ, непомнящихъ родины, деньщиковъ и сержантовъ, въ пересыпочку съ старыми боярскими дѣтьми и вѣчными интригантами — ползающими у ногъ всякой власти и пользующимися всякими милостями. Кругъ этотъ ростетъ и умножается быстро, давая всюду свои чужеядныя побѣги.

Мало по малу по всей Россіи распространяется эта плѣсень, она тащится по грязи и снѣгу, съ офицерскимъ дипломомъ, съ сенатскимъ указомъ о мѣстѣ, съ купчей крѣпостью, голодное и алчное, свирѣпое съ народомъ и подлое съ начальствомъ. Изъ нея составляется какая-то сѣть, охраняемая солдатами, собирающаяся вверху въ узелъ зимняго дворца, и уловляющая внизу каждой петлей мужиковъ и горожанъ. Это какое-то разсѣянное дворянски-чиновничье государство съ общимъ армейски-помѣщичьимъ характеромъ. Въ немъ все сбрито — борода, областная самобытность, личная особенность. Оно одѣвается по нѣмецки и старается говорить по французски.

Съ ужасомъ и отвращеніемъ смотритъ народъ на измѣнниковъ, но сила съ ихъ стороны, и какъ онъ ни стонетъ и какъ ни возстаетъ — ревизіи и рекрутчины, барщины и оброки, кнутъ и розги идутъ своимъ чередомъ. Онъ ропталъ, дѣлалъ опыты частныхъ возстаній; сговорившись съ казаками и татарами, поднялся было въ цѣломъ краѣ — но войска, войска..... и пошла опять кнутовая расправа. Оглушенный болью, задавленный отчаяніемъ, онъ грохнулъ на землю и около ста лѣтъ пролежалъ въ оцѣпенѣніи.

Только съ тѣхъ поръ петровская Россія сдѣлалась тѣмъ мертвымъ, беззвучнымъ моремъ, котораго не подниметъ никакой ураганъ.

До семидесятыхъ годовъ, петровскіе деньщики и сержанты вовсе не входили въ русло. Люди эти, пьяные отъ вина и крови, привыкшіе къ топору пачала, къ стону пытаемыхъ, лизнувшіе власти и битые палкой, съ надменной отвагой и безъ всякаго чувства чести — помнили очень хорошо, какъ легко въ безнародномъ государствѣ, сажать на престолъ всякую дрянь и стонять ее съ престола.

Они знали, что въ императорскомъ „Мы“, есть и ихъ доля... Дальновидные изъ нихъ, хотѣли въ свою пользу ограничить самовластіе, но истые сержанты предпочитали просто душить царей, и сажать на ихъ мѣсто своихъ любовницъ. Дерзкая дворня была опасна, требовательна. Князю Григорью Григорьевичу Орлову мало было Екатерины, ему хотѣлось титула ея мужа. Зная, какъ узы брачныя легки, Екатерина соглашалась, но другіе деньщики и сержанты и не думали ей позволить. Имя Іоанна Антоновича было произнесено — она его велѣла убить какъ кошку: имя княжны Таракановой вспомнилось, она велѣла ее украсть, какъ крадутъ собаченокъ.

Все это дѣлалось отъ страха. Страхъ лихорадочный, непобѣдимый овладѣвалъ человѣкомъ, какъ только онъ садился на ржавый отъ крови тронъ Петра. На такихъ вѣрноподданныхъ, какъ деньщики и сержанты, какъ нѣмецкіе искатели приключеній, опереться было трудно; на народъ, на этотъ затоптанный въ грязь, подаренный дворянству, безгласный народъ, еще меньше — онъ не существовалъ. Вѣнценосцы куражились, старались

забыться, но страхъ бралъ верхъ и вдругъ на нихъ нападалъ ужасъ человѣка стоящаго на канатѣ; внизу чернь головъ, понурыхъ, несмотрящихъ на верхъ, голосъ до нея достигнуть не можетъ; возлѣ... уже лучше-бы никого... возлѣ сержанты, деньщики и никого близкаго... Они пугались собственнаго безплодія, и посылали искать гдѣнибудь у нѣмецкихъ ландграфовъ и архіепископовъ — каплю петровской крови въ четвертомъ, пятомъ колѣнѣ; или наскоро заказывали дѣтей, какъ Елизавета Екатеринѣ, и все осматривались, и все боялись, не идетъ-ли деньщикъ, выпивши... съ андреевской лентой и съ веревкой?

Прошелъ другой — и все измѣнилось. Тучи разсѣялись, свои узнали своихъ. Раскрылась міру картина величайшаго семейнаго счастія, богоподобная Фелица „мать отечества“ спокойно стояла на вершинѣ силы и власти, благосклонно улыбаясь колѣнопреклоненнымъ деньщикамъ и сержантамъ, сенаторамъ и кавалерамъ — все молилось ей, все благоговѣло передъ ней. Лучезарная стразами на манеръ *энциклопедическихъ* брилліантовъ, она сіяла мудростью Беккаріи и глубокомысліемъ Монтескьё, говорила античныя рѣчи степнымъ помѣщикамъ, надѣвала римскія шлемы своимъ „balafrés...“ вызывала законодателей, принимавшихъ *ея волю* за законъ... Ея полководцы побѣждали ей на сушѣ и на морѣ, Державинъ ее пѣлъ тяжелыми стихами, Вольтеръ ее превозносилъ легкой прозой, и она — упоенная властью, удрученная любовью, отдавала все *своему* народу, все, свое тѣло, души вольныхъ казаковъ, монастырскія имѣнья. „Славься, славься ты Екатерина!“

Кто сдѣлалъ это чудо, кто заарканилъ Россію ренегатовъ и нѣмцевъ? Кто привѣнчалъ Фелицѣ

крамольныхъ деньщиковъ и окровавленныхъ сержантовъ?

Одна неизвѣстная, степная старушка-барыня, въ родѣ помѣщицы Коробочки, приворожила ихъ.

Дѣло, говорятъ, было такъ:

Пугачевъ проѣзжалъ ея усадьбой, струхнула старушка и вышла его величество звать, хлѣба-соли откушать.

— А что, какова она у васъ, православные? — спросилъ государь-казакъ мужиковъ. — „Не хотимъ ваше царское величество грѣха на душу брать, мы барыней завсегда довольны, мать намъ родная.“ — Хорошо старушка, пойду къ тебѣ, выпью твоей водки, благо народъ хвалитъ. Старуха угостила чѣмъ могла. Пугачевъ простился съ ней и пошелъ садиться въ сани. Народъ его ждалъ. Лица были недовольны. „Али просьба какая, говори смѣлѣй?“ — Да чтоже твое царское величество, при чемъ-же мы-то... то есть останемся?

— А что?

— Да вѣдь вотъ ты, батюшка, былъ тамъ-то, помѣщика-то повѣсилъ, да и дѣтенышей-то его, вотъ и тамъ-то... ну а мы то какъ?

— Да вѣдь вы-же говорите, что больно хороша ваша старуха.

— Оно точно твое величество, она добрая женщина, да вѣдь все-же лучше порѣшить.

— Ну, братцы, коли хотите, какъ хотите, пожалуй и порѣшимъ.

— Жаль-то, жаль, но дѣлать нечего, говорили мужички, отпрвляясь за старушкой, спокойно убиравшей посуду на радостяхъ, что царь ее простилъ, и къ крайнему ея удивленію повѣсили ее на перекладинѣ. Она-то говорятъ и сглазила крамольныхъ деньщиковъ и правительствующихъ сержантовъ.

Призадумались они, видя такую *нелицепріятную* справедливость.

„Такъ-то мы *его* засѣкли? Скажите на милость, да вѣдь это съ каждымъ изъ насъ можетъ случиться? Нѣтъ, полно крамольничать, что мы сдѣлаемъ безъ царской помощи.“

И семейная ссора была покончена.

Съ этого времени начиная, правительство не смѣло ни въ чемъ подать руки крестьянамъ. Дворянство потеряло всякій смыслъ гражданской доблести передъ правительствомъ, и всякое чувство нравственнаго стыда въ отношеніи крестьянъ. Двѣ Россіи окончательно перестали другъ въ другѣ понимать людей. Между ними не было ничего человѣческаго, ни состраданія, ни справедливости. Розная нравственность, розныя святыни. Запуганный крестьянинъ, жался въ своей деревнѣ — боялся помѣщика, боялся исправника, боялся города, гдѣ всякій могъ его бить, гдѣ его кафтанъ и поддевка считались подлой одеждой, гдѣ онъ бороду только встрѣчалъ на иконахъ Христа. Помѣщикъ искренно плакавшій за повѣстями Мармонтеля, хладнокровно дралъ на конюшнѣ мужика за недоимку. Мужикъ съ спокойной совѣстью надувалъ помѣщика и судью. — „Ты то, что за баринъ, говорила какая-нибудь старушка въ кучерской Митькѣ или Кузькѣ — что ѣшь скоромное въ постъ? То баринъ, съ него и не взыщется, а ты то съ чего несполняешь законъ божій?“

Далѣе раздвоеніе идти не можетъ.

Народъ сломился. Безъ ропота, безъ бунта, безъ упованья пошелъ онъ стиснувъ зубы, *слѣдующую тысячу* розогъ, изнуренный падалъ, умиралъ, гнали его дѣтей, и такъ одно поколѣніе за другимъ. Тишина водворилась, оброки платились,

барщины исполнялись, трубила псовая охота, играла крѣпостная музыка — весело было материнскому сердцу императрицы.

Упрочился петербургскій тронъ. Четырнадцать расширяющихся обручей табели о рангахъ, прикрѣпленные къ землѣ штыками и прикладами, поддерживали его; имъ помогало провинціальное дворянство всосавшись въ крестьянскую грудь. Западный свѣтъ блѣдно и холодно скользилъ по верхушкѣ пирамиды, освѣщая одну сторону ея; по другую — за ея тѣнью, нельзя было ничего разглядѣть, да и нечего было смотрѣть: тамъ лежало какое-то засѣченое тѣло, покрытое рогожей, въ ожиданіи *кого-то,* кто долженъ рѣшить умеръ онъ или нѣтъ... Казалось, побѣда была совершенная.

Но петровскій переворотъ замѣшалъ обоюдоострый элементъ въ жизнь дворянской Россіи. Петру нравилась матеріальная сторона цивилизаціи, прикладная наука; ея богатыя средства удесятеряли власть; но онъ не зналъ какія типы кроются въ этихъ западныхъ розахъ, а пожалуй слишкомъ презиралъ свой народъ, чтобъ думать о томъ, что онъ можетъ усвоить и еще кое-что, кромѣ фортификаціи, кораблестроенія и канцелярскаго порядка. Наука стоитъ всякаго червя, подтачиваетъ день и ночь, до тѣхъ поръ, пока гдѣ-нибудь, да выйдетъ на свѣтъ, пробьется до сознанія; а *иное сознаніе,* точно угрызеніе совѣсти, пойдетъ бродить до тѣхъ поръ, пока поднимется вся опара.

Въ 1789 случился вотъ какой случай: Одинъ неважный молодой человѣкъ, отъужинавъ съ друзьями въ Петербургѣ, поѣхалъ въ почтовой кибиткѣ въ Москву. Первую станцію онъ проспалъ. На

второй — въ Софіи, онъ долго хлопоталъ о лошадяхъ и должно быть оттого разгулялся, такъ, что когда свѣжая тройка понесла его, звѣня колокольчикомъ, онъ вмѣсто сна сталъ слушать пѣсню ямщика на свѣжемъ утреннемъ воздухѣ; странныя мысли пришли въ голову неважнаго человѣка. Вотъ его слова:

„Извощикъ мой затянулъ пѣсню, по обыкновенію заунывную. Кто знаетъ голоса русскихъ народныхъ пѣсенъ, тотъ признается, что есть нѣчто скорбь душевную означающее. Всѣ почти голоса таковыхъ пѣсенъ тону мягкаго. *На семъ музыкальномъ расположеніи народнаго уха умъй учреждать бразды правленія.* Въ немъ найдешъ образованіе души нашего народа. *Посмотри на русскаго, найдешъ его задумчивымъ.* Если захочетъ разогнать скуку, или какъ то онъ самъ называетъ, если захочетъ повеселиться — въ кабакъ..... *Бурлакъ, идущій повѣся голову въ кабакъ и возвращающійся обагренный кровью отъ оплеухъ, многое можетъ рѣшить доселѣ гадательное въ исторіи россійской.*“

Ямщикъ все плачетъ свою пѣсню; путникъ все думаетъ свою думу и не доѣхавъ до Чудова, онъ вдругъ вспомнилъ какъ онъ въ Петербургѣ когда-то ударилъ своего Петрушку за то, что онъ былъ пьянъ, да и заплакалъ какъ ребенокъ и не краснѣя за дворянскую честь, имѣлъ безстыдство написать: „О естьли-бъ онъ тогда, хоть пьяный опомнился и отвѣчалъ бы мнѣ соотвѣтственно!“

Отъ этой пѣсни, отъ этихъ слезъ, отъ этихъ словъ, потерянныхъ на почтовомъ трактѣ, между двухъ станцій, надобно считать одну изъ начальныхъ точекъ обратнаго теченія; зачатіе дѣлается всегда тихо и слѣдъ его обыкновенно сначала пропадаетъ.

Императрица Екатерина поняла въ чемъ дѣло и изволила „съ жаромъ *и чувствительностью*“ сказать Храповицкому: „*Радищевъ бунтовщикъ хуже Пугачева!*“

Удивляться, что она его отослала въ цѣпяхъ въ Илимской острогъ — нелѣпость. Гораздо удивительнѣе то, что Павелъ воротилъ его; но онъ это сдѣлалъ на зло покойной матери, другой цѣли у него не было.

Съ тѣхъ поръ время отъ времени, являются какіе-то потерянные, безгромные зарницы — являются люди воплотившіе въ себя историческое угрызеніе совѣсти, безсильные искупители, неповинные страдальцы за грѣхи отцовъ. Многіе изъ нихъ, готовы были все отдать, всѣмъ пожертвовать, но не было алтаря, некому было принять ихъ жертву. Одни стучались во дворецъ, на колѣняхъ умоляли опомниться; ихъ рѣчь будто потрясала вѣнценосцевъ, но изъ этого ничего не вышло; другіе стучались въ избу, но не могли ничего сказать мужику, такъ разошлись ихъ языки. Крестьянинъ смотрѣлъ сурово и недовѣрчиво на этихъ „дары несущихъ Данаевъ“ и съ горестью отходили отъ него раскаявающіеся, сознавая, что у нихъ нѣтъ родины.

Сироты мысли, сироты любви, иностранцы дома, разобщенные между собой, эти пять-шесть лучшихъ людей въ Россіи, гибли въ праздности, окруженные безучастіемъ, ненавистью, непониманіемъ. Новиковъ сидѣлъ въ крѣпости, Радищевъ въ Илимскѣ. Хороша имъ показалась вѣроятно Россія, когда Павелъ ихъ выпустилъ?

...Ничего нѣтъ удивительнаго, что всѣ съ упованьемъ взглянули на Александра.

Молодой, прекрасный собой, съ кроткимъ и задумчивымъ взглядомъ, застѣнчивый и чрезвычайно

привѣтливый, онъ могъ очаровать ихъ. Развѣ онъ не страдалъ о боляхъ Россіи, какъ они? Развѣ онъ не хотѣлъ ихъ изцѣлить, какъ они?... Но онъ *сверхъ того и могъ* это сдѣлать, такъ по крайней мѣрѣ имъ казалось.

И Радищевъ дорого заплатившій за то, что пожалѣлъ черную Русь — идетъ съ такою-же вѣрой, какъ Каразинъ, предлагать свои силы юному императору и его онъ принимаетъ. Рьяно бросается Радищевъ на работу, пишетъ рядъ законодательныхъ проэктовъ, которые должны вести къ уничтоженію крѣпостнаго состоянія, тѣлесныхъ наказаній. Но вдругъ, какъ-то потолковавши, не съ ямщикомъ, а съ графомъ Завадовскимъ, онъ остановился, замялся, на него напало сомнѣніе, страхъ, онъ подумалъ, подумалъ, налилъ себѣ стаканъ купороснаго масла и выпилъ его. Александръ послалъ къ нему своего лейбъ-медика Вилье, помочь было поздно. Вилье только сказалъ глядя на черты агонизирующаго — „должно быть этотъ человѣкъ былъ очень несчастенъ!“

— Должно быть! —

Это было осенью 1802 года, Каразинъ тогда былъ *въ силѣ,* онъ Радищева зналъ очень хорошо, даже затерялъ какъ-то тетрадь его проэктовъ — но потрясающій примѣръ не подѣйствовалъ. Высланный изъ дворца, онъ возвращается черезъ пять лѣтъ, черезъ десять лѣтъ, черезъ двадцать, черезъ *тридцать,* съ своимъ проэктомъ освобожденія крестьянъ и дворянскаго представительства, съ своимъ переворотомъ *сверху внизъ.* Не замѣчая, наконецъ, что *уже* царствуетъ Николай, онъ стучится и къ нему въ двери и толкуетъ этому ограниченному фрунтовику о томъ, „что подымаются бури, что быть бѣдѣ, что надобно для сохраненія трона

дѣлать уступки", и никакъ не можетъ сообразить, за что Александръ въ 1820 велѣлъ его посадить въ крѣпость, а изъ передней Николая его велѣлъ вывести жандармамъ оберъ-жандармъ Бенкендорфъ.

Ему-бы спросить у Сперанскаго, какъ крутыя горки плоскаго Петербурга укатываютъ рьянаго коня и дѣлаютъ изъ него почтенную упряжную клячу, важно ходящую въ шорахъ.

Но какъ-же эти люди могли такъ обманываться, или зачѣмъ-же ихъ обманывалъ Александръ? Да этого вовсе не было. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго права, по крайней мѣрѣ, до 1806—7 года сомнѣваться въ его искренномъ желаніи облегчить судьбу своихъ подданныхъ: оградить крестьянъ отъ *злоупотребленія* помѣщиковъ, отъ *злоупотребленія* чиновниковъ, отъ подкупнаго суда и несправедливости сильныхъ. Александръ не ставилъ исключительной цѣлью своего царствованія тупое поддержаніе и увеличеніе своей власти, какъ какой нибудь Николай. Онъ не желалъ, чтобъ его слово равнялось пріему стрихнина, онъ домагался, чтобъ его не только боялись, но и любили. Въ самыя страстныя минуты, онъ могъ не только выслушать мнѣніе другаго, но и принять его. Рѣшившись разстрѣлять въ 1812 году Сперанскаго, онъ отмѣнилъ безумную казнь, поговоривши съ академикомъ Парротомъ. Все это такъ, но сдѣлать что-нибудь путнаго для русскаго народа, *онъ не могъ*. Въ этомъ-то и состояла трагическая роль его.

И по чемъ знать, не ударился ли онъ вовнѣшнія войны оттого, что онъ сталъ разглядывать заколдованный кругъ, который расширялся всякій разъ, когда онъ приказывалъ наборъ, увеличивалъ тяги народныя, и тотчасъ съуживался, когда онъ предпринималъ что-нибудь *для* народа. Онъ становится

нерѣшителенъ, его давитъ недовѣріе къ другимъ, неувѣренность въ себѣ; колебаніе растетъ съ пораженіями, растетъ съ побѣдами. Изъ Парижа онъ возвращается мрачнымъ мистикомъ — не хочетъ больше ни пересоздавать, ни улучшать; онъ возвращаетъ Сперанскаго, но проэкты его остаются сосланными въ архивѣ; онъ Енгельгардту, сказавшему ему что-то о приведеніи въ порядокъ гражданской части, печально отвѣчаетъ „*Некѣмъ взять!*“

Къ власти онъ привыкъ; славы ему было не нужно больше, ему хотѣлось теперь покоя и онъ между всѣми министрами и сановниками, между генералами покрытыми славой и людьми приближенными, выбралъ бездушнаго палача — Аракчеева и передалъ ему Россію... да еще такъ распорядился, чтобъ она и послѣ его смерти досталась *другому* Аракчееву.

Дворянству *онъ не вѣрилъ, народа онъ не зналъ* и чему же дивиться, когда возлѣ него стояли люди какъ Сперанскій и его противникъ Карамзинъ, какъ предтеча славянофильства Шишковъ, которые могли *знать народъ, но не знали его?* Когда умнѣйшіе государственные люди, какъ Мордвиновъ, толковали о дворянствѣ, какъ объ единой опорѣ престола, когда честные сенаторы, какъ Лопухинъ, возмущались при мысли объ освобожденіи крестьянъ?

Жаль, что Александръ былъ немного глухъ и не ѣздилъ одинъ въ кибиткѣ по большимъ дорогамъ можетъ, и его какъ нибудь разбудила-бы на зарѣ пѣснь ямщика и онъ въ ней, а не въ Еккартсгаузенѣ, поискалъ-бы ключа къ таинствамъ народа.

...Для того, чтобъ знать русскій народъ, Александру мало было убить отца, ему надобно было отрѣчься отъ „премудрой бабки“, отъ „великаго

Петра", отъ всего роду и племени. Ему — страшно сказать — надобно было отрѣчься отъ Лагарпа, который изъ него сдѣлалъ человѣка, но который никогда бы не понялъ, „что объ русской исторіи лучше государственныхъ актовъ, можно узнать у бурлака, который угрюмо идетъ въ питейный домъ и окровавленый выходитъ изъ него!"

Когда двери государева кабинета затворились для Каразина, онъ еще сдѣлалъ опытъ, пользуясь правомъ ему предоставленнымъ, писать къ нему. Но Маркизъ Поза не имѣлъ больше интереса для коронованнаго Донъ Карлоса; къ тому-же Александръ теперь былъ поглощенъ и занятъ вопросами другой важности, вопросами европейскими, онъ мѣрился съ Наполеономъ и напрашивался на войну, которая должна была кончиться тѣмъ, что насъ побьютъ подъ Аустерлицомъ.

Начинаетъ заниматься другимъ и Каразинъ, онъ какъ отверженный любовникъ „par dépit amoureux" бросается въ дѣятельность, изумительно многосторонную. Въ его огненной, безпокойной головѣ несутся, чередуются, переплавляются вереницы мыслей, государственные планы, агрономическіе проэкты, ученыя теоріи, машины, наблюденія, снаряды, новое винокуреніе, усовершенствованіе кожевеннаго производства, земледѣльческіе опыты съ иностранными семенами, легкій способъ сушить и сохранять плоды и пр. Начинается война — Каразинъ пишетъ о средствахъ умноженія селитры, дѣлаетъ мясные консервы и рядомъ съ этимъ хлопочетъ объ учрежденіи повсемѣстныхъ метеорологическихъ наблюденій въ Россіи; ставитъ въ 1808 году совершенно *ясныя наукообразныя* требованія по этой части, которыя наука до сихъ поръ не

можетъ удовлетворить; ищетъ средствъ употребить на пользу воздушное электричество, заводитъ филотехническое общество въ слободско-украинской губерніи, печется о своемъ харьковскомъ университетѣ и пр. и пр.

Но главная мысль, главная боль, основной тонъ жизни не тутъ.

Улучшая винокуренные заводы и стараясь на дѣло употребить воздушное электричество, Каразинъ страстно слѣдитъ за другими событіями и ищетъ другого громоотвода. Между тѣмъ время идетъ да идетъ.

Александръ царствуетъ уже двадцатый годъ. Чего и чего не было съ тѣхъ поръ, какъ со слезами на глазахъ, онъ читалъ письмо Каразина?.. Тильзитъ и 1812 годъ, Москва и Парижъ, вѣнской конгресъ и Св. Елена. Общественное мнѣніе, разбуженное столькими выстрѣлами и толчками, двинулось впередъ, правительство стало отставать. Александръ не исполнилъ своихъ обѣщаній. Неудовольствіе росло. Народъ давшій столько крови и получившій за это шишковскую прозу манифеста — ропталъ на новый рекрутскій наборъ, тѣмъ больше что поговаривали о безсмысленной войнѣ для поддержанія австрійскаго ига въ Италіи, о повтореніи нелѣпѣйшей суворовской кампаніи.

Молодые люди, энергическіе и образованные смотрятъ угрюмо. Каразинъ все это видитъ, но онъ продолжаетъ вѣрить, что Александръ *можетъ и хочетъ* предупредить собирающуюся бурю.

Въ началѣ 1820 года, государь простилъ какой-то казенный долгъ тестю Каразина. Каразинъ просилъ дозволеніе лично принести свою благодарность — отказъ. Онъ написалъ государю письмо въ которомъ между прочимъ говоритъ:

„Я ничего особливаго писать не буду; но попрошу только, потребуйте всем. государь у графа Виктора Павловича бумагу въ нѣсколько листовъ, писанную мной для него 31 Марта, по поводу одного съ нимъ разговора, и еще письмо у дѣйств. тайнаго совѣтника князя Вяземскаго, писанное къ нему изъ Масальской его деревни купцомъ Роговымъ отъ 1 Апрѣля, которое онъ мнѣ читалъ на сихъ дняхъ. Нельзя было безъ ужаса встрѣтить столь рѣшительнаго сходства мыслей *человѣка, столь удаленнаго отъ меня по всѣмъ отношеніямъ,* съ моими, и со всѣмъ тѣмъ, что занимаетъ мою душу постоянно *съ 1817 года,* когда я имѣлъ дерзновеніе открыть сіе въ письмѣ моемъ изъ Украины вашему величеству. Нельзя было не привести себѣ на память, что *точно такъ* изъ разныхъ мѣстъ отзывались во Франціи отголоски благонамѣренныхъ, предъ наступленіемъ гибельнаго переворота, и что *точно такъ* были пренебрегаемы! „Il est singulier que dans ce siècle de lumières, les souverains ne voient venir l'orage que quand il éclate", сказалъ Наполеонъ Ласъ-Казасу на островѣ Св. Елены (p. 93, § CCCLXVII). Столь чудное согласіе различныхъ умовъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго, заслуживаетъ вниманіе; *должно* въ себѣ заключать нѣчто справедливое: тѣмъ больше, что подобныя чувствованія открываются въ бесѣдахъ частныхъ обѣихъ столицъ съ нѣкотораго времени! Довольно, если половина, если *нѣкоторая доля* есть тутъ основательнаго!

„... Время — говоритъ онъ въ запискѣ поданной по приказанію государя В. П. Кочубею — время укрѣпить разслабѣвающій составъ нашего государства — время замѣнить *религіозное* къ престолу почтеніе — другимъ, основаннымъ на законахъ.

— „Конечно годъ, два, можетъ и болѣе еще протянется, но для того-то я теперь и пишу, *для того-то и отваживаю всего себя.* Моя участь должна быть или ссылка за Байкалъ, *пока еще ссылать можно,* или смерть съ оружіемъ въ рукахъ при защищеніи послѣдняго входа къ комнатамъ государевымъ. Тогда я писать ужъ не стану."

Каразинъ умоляетъ государя „не вѣрить словамъ, которыми губернаторы его встрѣчаютъ, *все благополучно, все по прежнему!*" — „Великая перемѣна — говоритъ онъ, произошла и ежедневно происходитъ въ умахъ..." Въ семеновской исторіи, въ которой онъ оправдываетъ солдатъ и удивляется имъ, онъ явно видитъ „ступеньку лѣстницы, которую строитъ *для насъ духъ вѣка*".

Но гдѣ-же его громоотводы? Вотъ они. „Постепенное освобожденіе крестьянъ, и вызовъ выборныхъ людей отъ всего *дворянства,* какъ представителей общественнаго мнѣнія въ семейномъ совѣтѣ правительства"; этой думой, полагаетъ Каразинъ „будетъ спасено все и безъ ущерба монархической власти, лишь-бы не ушло время". Земля, единственная въ своемъ составѣ, въ преддверіи величайшаго твоего несчастія, ты можешь еще быть спасена *искреннимъ семейнымъ союзомъ твоего государя съ его дворянствомъ!* Впрочемъ да будетъ какъ и во всемъ воля божія!

„...Да и что можетъ потерпѣть самодержавіе отъ довѣренности къ тому сословію, котораго участь *тѣснѣйшимъ образомъ съ нимъ соединена?*

„...Всѣ мѣры полицейской и духовной цензуры недостаточни противъ распространяющихся мнѣній. Излишняя строгость возмущаетъ лишь сердца. Натянутая вервь внезапно перервется. Во многихъ

разночинцахъ и отпущенникахъ я предвижу злодѣевъ, которые превзойдутъ Робеспіеровъ. Есть и дворяне, прожившіе свое имѣніе, воспитанные въ развратѣ и дурныхъ началахъ, недовольные службою, слѣдовательно, готовые присоединиться къ черни. Время Пугачева, московскаго бунта при Еропкинѣ и явленія безначалія при нашествіи въ 1812 году, въ разныхъ мѣстахъ московской и калужской губерніи (?) оказавшіяся, возвѣщаютъ завременно какова чернь наша при невозбранномъ употребленіи вина! *Горе намъ! престолъ потонетъ въ крови дворянства!*“

На этотъ крикъ ужаса и предостереженія, императоръ Александръ велѣлъ В. П. Кочубею потребовать у Каразина „подробностей, доказательства, имена“, иными словами *доносъ*. Развился „Траянъ и Маркъ Аврелій“ въ двадцатилѣтнее царствованіе!

Каразинъ отказался. Государь велѣлъ его посадить въ крѣпость и потомъ удалить на житье въ его малороссійское имѣніе.

За что?

За то, что мѣшался не въ свои дѣла, но этого-то Каразинъ и не могъ никакъ понять. „А давно-ли дѣло отечества въ которомъ я живу, въ которомъ будутъ жить, говоритъ онъ — мои дѣти и внуки, перестало быть моимъ собственнымъ дѣломъ? Изъ какой азіатской системы взята эта мысль? *Учить правительство,* выраженіе изобрѣтенное нарочно для уязвленія самолюбія лицъ правительство составляющихъ. Но авторы, издающіе книги о лучшемъ устройствѣ законодательствъ, финансовъ и пр., развѣ не болѣе еще должны называться виновными? Мы всѣ учимъ и учимся до самой смерти. Правительство есть средоточіе, въ которое необходимо должна стекаться всякая мысль о

благѣ общемъ. *Горе если мы станемъ разсуждать на площади,* подобно другимъ народамъ!.. Да и много-ли насъ теперь въ Россіи *желающихъ, умѣющихъ и дерзающихъ* говорить нѣчто правительству? Оно съ сей стороны можетъ оставаться покойнымъ: *ему не наскучатъ!*“

Какъ-бы то ни было, но Каразинъ былъ въ крѣпости и могъ на досугѣ обдумывать, что̀ опаснѣе — спасать сильныхъ міра сего, или толкать ихъ въ пропасть.

Въ тѣ ночи безъ сна, когда Каразинъ писалъ Кочубею свои политическія рапсодіи — не спали и другіе дѣятели; не спали они въ гвардейскихъ казармахъ, штабѣ второй арміи, въ московскихъ старинныхъ господскихъ домахъ. Они догадались, что Александръ дальше двухъ-трехъ либеральныхъ фразъ не пойдетъ, что въ Зимнемъ Дворцѣ нѣтъ мѣста ни Маркизу Позѣ, ни Струензе; они поняли, что спасеніе для народа не можетъ выйти изъ той же комнаты, изъ которой вышли военныя поселенія. Они ничего не ждали отъ правительства и хотѣли своими силами справиться, *ими* свѣтлая полоса пирамиды нѣсколько опустилась; вершина стала тускнуть за туманомъ. Образованіе, умъ, жажда воли, все это было теперь въ другомъ поясѣ, въ другой средѣ, недворцовой; въ ней была юность, отвага, ширь, поэзія, Пушкинъ, рубцы 1812 года, зеленые лавры и бѣлые кресты. Между 1812 и 1825 годами развилась цѣлая плеяда, блестящая талантами, съ независимымъ характеромъ, съ рыцарской доблестью (явленіями совершенно новыми въ Россіи). Ею было усвоено все то изъ западнаго образованія, что̀ было запрещено къ ввозу. Лучшаго ничего не производила петровская эпоха, это были ея *предповоротные* цвѣты и не смотря на роковую косу,

разомъ подрѣзавшую ихъ, ихъ вліяніе — какъ Волгу въ морѣ — можно далеко прослѣдить въ печальной, николаевской Россіи.

Сказаніе о Декабристахъ становится больше и больше торжественнымъ прологомъ, отъ котораго всѣ мы считаемъ нашу жизнь, нашу героическую генеалогію. Что̀ за Титаны, что̀ за гиганты и что̀ за поэтическія, что̀ за сочувственныя личности! Ихъ нельзя было ничѣмъ ни умалить, ни исказить, ни висѣлицей, ни каторгой, ни блудовскимъ донесеніемъ, ни корфовскимъ поминаньемъ....

Да, это были люди!

Когда, черезъ тридцать лѣтъ, нѣсколько старцевъ, пережившихъ Николая, возвратились согбенные и опираясь на клюку, изъ своей томной, долгой ссылки — николаевское поколѣніе забитыхъ, желчныхъ, разочарованныхъ смотрѣло съ смущеніемъ на эту *юность*, сохранившую въ казематахъ, рудникахъ и Сибири, прежній жаръ сердца, молодое упованье, несокрушимую волю, непреклонныя убѣжденія — на эту *юность* осѣненную серебряными волосами, въ которыхъ виднѣлись слѣды терноваго вѣнка, лежавшаго больше четверти столѣтія на ихъ головахъ. Не они искали у остывшаго очага своего опоры, успокоенья — нѣтъ — они утѣшали слабыхъ, *они* подавали руку больнымъ дѣтямъ — ободряя ихъ, поддерживая ихъ силы и ихъ надежды!

Какъ утомленный Фаустъ обращался за отдыхомъ и миромъ къ вѣчно-изящнымъ типамъ матерей, такъ наше молодое поколѣнье обращается за родной силой и крѣпительнымъ примѣромъ къ этимъ Отцамъ.

Святой фалангой Декабристовъ очищенъ петербургскій періодъ; далѣе дворянство не могло идти, не выйдя въ народъ, не разодравъ своей грамоты.

Это его Исаакъ, принесенный на жертву примиренія съ народомъ. Коронованный Авраамъ не слыхалъ гласа божія и затянулъ веревку...

Народъ не плакалъ.

Трагическій элементъ петровскаго періода достигъ высшаго, раздирающаго душу выраженія — далѣе и ему нельзя идти.

Жертва была дѣйствительно полная и эту полноту дало ей именно *безучастіе народа.*

Только теперь становились возможными — выходъ и примиреніе. Отпаденіе отъ народа, выработавшее въ себѣ столько любви и силы, чистоты и раскаянія, столько отрицанія самаго себя и преданности другому, было дѣйствительно искупленіемъ. Готовность этой кучки аристократовъ и дворянъ, не только поступиться неправымъ стяжаніемъ, доставшимся по наслѣдству, „se faire roturier de gentilshommes", какъ выражался графъ Ростопчинъ — но умереть, идти на каторжную работу за это — стираетъ историческій грѣхъ!

...Когда въ 1826 Якубовичъ увидѣлъ князя Оболенскаго съ бородой и въ солдатской сермягѣ, онъ не могъ удержаться отъ восклицанія: „Ну, Оболенскій, если я похожъ на Стеньку Разина, то неминуемо ты долженъ быть похожъ на Ваньку Каина!.." Тутъ взошелъ комендантъ; арестантовъ заковали и отправили въ Сибирь на каторжную работу.

Народъ не призналъ этого сходства и густыя толпы его равнодушно смотрѣли въ Нижнемъ Новгородѣ, когда провозили колодниковъ въ самое время ярмарки. Можетъ они думали „наши-то сердечные *пѣшечкомъ* ходятъ туда — а вотъ господъ-то жандармы возятъ!"

Но по ту сторону уральскаго хребта, настаетъ печальное равенство передъ каторгой и передъ безвыходнымъ несчастіемъ. Все измѣняется. Мелкой чиновникъ, котораго мы привыкли знать за бездушнаго, грязнаго взяточника, дрожащимъ отъ слезъ голосомъ умоляетъ ссыльныхъ въ Иркутскѣ принять отъ него денежное подаяніе; грубые казаки, конвоирующіе ихъ, мирволятъ имъ на сколько могутъ, купцы угощаютъ ихъ при проѣздѣ. По ту сторону Байкала нѣсколько изъ нихъ остановились за перевозомъ у Верхне-Удинска, жители провѣдали кого везутъ, какой-то старичекъ тотчасъ посылаетъ имъ, съ внучкомъ, корзину бѣлаго хлѣба и булокъ, и самъ дѣдушка плетется потолковать о забайкалскомъ краѣ, да ихъ порасспросить о бѣломъ свѣтѣ.

Еще въ усольскомъ заводѣ князь Оболенскій пошелъ рано утромъ, на назначенное ему мѣсто рубить деревья. Во время его работы, показался изъ лѣсу какой-то человѣкъ, посмотрѣлъ на него пристально, привѣтливо и пошелъ своей дорогой. Вечеромъ, идучи домой, Оболенскій его опять встрѣтилъ, онъ дѣлалъ знаки, указывалъ на лѣсъ; на другое утро онъ вышелъ изъ чащи и указалъ Оболенскому, чтобъ онъ шелъ за нимъ. Оболенскій пошелъ. Заведя его въ чащу, онъ остановился и торжественно сказалъ ему — „Мы давно знаемъ о вашемъ прибытіи, въ пророчествѣ Іезикіиля сказано о васъ. Мы васъ ожидали, нашихъ здѣсь много, *надѣйтесь на насъ, мы васъ не выдадимъ!*“ Это былъ ссыльной духоборецъ.

Давно Оболенскій мучился желаніемъ имѣть вѣсти о своихъ черезъ княгиню Трубецкую, которая пріѣхала въ Иркутскъ. Средствъ ей доставить письмо не было никакихъ. Оболенскій попросилъ

помощи раскольника. Тотъ не долго думалъ. „Завтра въ сумерки, сказалъ онъ, я буду на такомъ-то мѣстѣ, приносите письмо, оно будетъ доставлено!“.. Оболенскій отдалъ ему письмо и онъ въ ту-же ночь отправился въ Иркутскъ, черезъ два дни, отвѣтъ былъ у Оболенскаго.

Что было-бы еслибъ его поймали?

— Свои несчитаются... —

Раскольникъ заплатилъ со стороны народа за Радищева.

И такъ въ лѣсахъ и рудникахъ Сибири, впервые Россія петровская, помѣщичья, чиновническая, офицерская и Русь черная, крестьянская, сельская, обѣ сосланныя, скованныя, обѣ съ топоромъ за поясомъ, обѣ опираясь на заступъ и отиряя потъ съ лица, взглянули другъ на друга и узнали давно забытыя родственныя черты. Пора тому-же совершиться бѣлымъ днемъ, громко, открыто, вездѣ.

Пора дворянству, искуственно поднятому нѣмецкими машинами надъ общимъ уровнемъ, въ своемъ водоемѣ, слиться съ окружающимъ моремъ. Къ фонтанамъ приглядѣлись, и Самсонъ не удивляетъ своимъ стержнемъ воды изъ львиной челюсти, рядомъ съ безконечностью морской зыби.

Петергофскій праздникъ конченъ, куртажная пьэса въ костюмахъ съиграна, лампы тухнуть и чадять, водометы едва сочатся — пойдемте домой!

— „Все это такъ, но... но... не лучше-ли народъ поднять?“ Можно, только надобно знать, что поднимать на дыбу — одна вѣрная метода и есть, метода преображенскаго застѣнка, метода Петра I, Бирона, Аракчеева. Потому-то и императоръ Александръ ничего не сдѣлалъ съ Каразиными и Сперанскими — а дошедши до Аракчеева, на немъ и остановился.

Народу слишкомъ много, чтобъ его въ самомъ дѣлѣ можно было поднимать въ 14 классъ и вообще каждый народъ имѣетъ сильно опредѣленный физіологическій характеръ, который и самыя завоеванія рѣдко измѣняютъ. До тѣхъ поръ, пока мы будемъ принимать народъ за глину, а себя за ваятелей и съ нашего *прекраснаго высока* лѣпить изъ него статую „à l'antique", на французскій ладъ, на манеръ англійской, или на нѣмецкую колодку, мы въ народѣ ничего не встрѣтимъ, кромѣ упорнаго безучастія, или обидно страдательнаго повиновенія.

Педагогическая метода нашихъ цивилизаторовъ скверная. Она идетъ изъ того основанія, что мы все знаемъ, а народъ ничего не знаетъ. Какъ будто мы научили его *праву на землю,* общинному владѣнію, устройству, артели, мірской сходкѣ?

Само собою разумѣется, мы многое можемъ указать народу, но многому и намъ придется учиться у него, изучать въ немъ. У насъ есть теоріи, усвоенныя нами и представляющія выработанныя слѣдствія западнаго быта, для того, чтобъ опредѣлить, что́ и какъ идетъ къ нашему народному быту. Не достаточно подстрочно переводить, мало лексикона, надобно съ нимъ сдѣлать во-первыхъ-то, что теоретическое вѣденіе старается сдѣлать на западѣ съ бытомъ европейскихъ народовъ — привести его къ сознанію.

Народъ упоренъ въ своемъ бытѣ, онъ ему вѣритъ, но вѣдь и мы упорны въ нашихъ теоріяхъ, и мы имъ вѣримъ, да еще думаемъ, что *знаемъ ихъ,* что *такъ дѣло и есть.* Передавая кой-какъ заученое нами изъ книгъ, языкомъ условнымъ, мы съ отчаяніемъ видимъ, что народъ не понимаетъ и сѣтуемъ на глупость народа, точно такъ, какъ школьникъ краснѣетъ за бѣдную родню за то, что

она не знаетъ гдѣ писать Ѣ, никогда не подумавъ для чего двѣ буквы, для одного звука!

Откровенно желая добра народу, мы ищемъ лекарства его болѣзнямъ въ иностранныхъ фармакопеяхъ; тамъ нравы иностранныя, но въ книгѣ искать легче, чѣмъ на полѣ. Мы дѣлаемся легко и послѣдовательно либералами, конституціоналистами, демократами, якобинцами, но не русскими народными людьми. До всѣхъ политическихъ оттѣнковъ этихъ можно дочитаться: все это понято, объяснено, записано, напечатано, переплетено... А тутъ иди цѣликомъ. Русская жизнь стоитъ лѣса, въ которомъ Дантъ заблудился и дикіе *бестіи,* такіе-же есть, даже гаже флорентинскихъ, но нѣтъ Виргилія; попались было какіе-то московскіе Сусанины, да и тѣ вмѣсто избы, свели на кладбищенскую часовню...

Не зная народа, можно притѣснять народъ, кабалить его, завоевывать, *но освобождать нельзя.*

Безъ народа — его не освободитъ ни царь съ писарями, ни дворянство съ царемъ, ни дворянство безъ царя.

То, что теперь совершается въ Россіи, слѣпымъ должно открыть глаза. Никогда не признавая законнымъ крѣпостное право, народъ выносилъ страшную тягость его. Видя силу противъ себя, онъ молчалъ. Но какъ только его захотѣли освободить по своему, онъ отъ ропота, отъ страдательнаго противудѣйствія дошелъ почти до открытаго мятежа. А вѣдь явнымъ образомъ ему теперь лучше. Какихъ-же знаменій еще ждутъ цивилизаторы?

Только тотъ, кто, призванный къ дѣятельности, пойметъ бытъ народа, не утративъ того, что́ ему дала наука, кто затронетъ *его* стремленія и на осуществленіи ихъ оснуетъ свое участіе въ общемъ

земскомъ дѣлѣ, тотъ только и будетъ *женихомъ грядущимъ*.

Этотъ урокъ равно намъ повторяетъ — печальная фигура Александра, съ своей короной; Радищевъ — съ своимъ стаканомъ яда, Каразинъ пронесшійся горящимъ метеоромъ по зимнему дворцу, Сперанскій свѣтившій годы цѣлые луннымъ свѣтомъ безъ теплоты, безъ красокъ, и наши святые мученики 14 Декабря.

Кто-же будетъ этотъ суженый?

Императоръ-ли — который, отрѣкаясь отъ петровщины, совмѣститъ въ себѣ царя и Стеньку Разина? Новый-ли Пестель, опять-ли Емельянъ Пугачевъ, казакъ, царь и раскольникъ, или пророкъ и крестьянинъ какъ Антоній Безднинскій?

Трудно сказать, это частности „des details“ какъ говорятъ французы. Ктобъ ни былъ, наше дѣло идти къ нему на встрѣчу съ хлѣбомъ и солью!

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Записка, поданная государю 5 Мая, 1820.

„...Нѣсколько помѣщиковъ, бывъ одушевлены чистымъ доброжелательствомъ къ любезному нашему отечеству Россіи, искреннѣйшею благодарностію къ великому ея государю и чувствованіемъ обязанностей дворянства, къ которому за честь поставляютъ принадлежать, имѣютъ намѣреніе составить общество подъ руководствомъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, котораго цѣлію должно быть изысканіе способовъ къ улучшенію состоянія крестьянъ и къ постепенному освобожденію отъ рабства, какъ ихъ, такъ и дворовыхъ

людей принадлежащихъ помѣщикамъ, въ сіе общество вступающимъ. Они увѣрены, что таковое удаленіе единаго справедливаго и важнаго порицанія, которому дворянство, среди всей славы отечества своего, подвергается въ очахъ просвѣщенныхъ народовъ, есть въ настоящее время дѣло, не только справедливое, но и благородное. Но, какъ всякое подобное намѣреніе не можетъ и не должно имѣть своего начала безъ высочайшаго соизволенія, то и повергается сія мысль на всемилостивѣйшее воззрѣніе премилосерднаго государя нашего, безпрестанно пекущагося о благѣ своихъ поданныхъ."

Изъ записокъ, писанныхъ къ графу В. П. Кочубею.

1) „Всеподданнѣйшее мое письмо не *допосъ,* къ которому я, можетъ быть, не способенъ, не указаніе мелкихъ, частныхъ злоупотребленій, мало достойное занять Самодержца величайшей имперіи въ мірѣ, Владыка трехъ царствъ; *но послѣдняя воля,* такъ сказать, умирающаго. Это завѣщаніе, которое бывшій счастливецъ оставляетъ въ рукѣ своего благодѣтеля, прощаясь съ нимъ навсегда. Роля моя, человѣка бывшаго призваннымъ на безпосредственное служеніе Государю, кончилась. Это дано мнѣ знать оказанною милостію и вмѣстѣ отказомъ обнять колѣна давшаго ее — гораздо выразительнѣе объявленныхъ повелѣній, въ которыхъ я имѣлъ право сомнѣваться, и которыя не могли перевѣшивать повелѣнія *личнаго.**) Я хотѣлъ исполнить въ послѣднее долгъ мой и возвратиться

*) Двумъ изъ таковыхъ объявленныхъ повелѣній я совсѣмъ не повѣрилъ: и теперь съ дѣтскою моею простотою скажу, ей богу не вѣрю! Оба послѣдовали въ нынѣшній мой пріѣздъ, и одно чрезъ два года съ половиною послѣ

въ толпу, отъ которой счастіе меня отдѣляло. Вся мысль моя заключается въ тѣхъ словахъ вѣрноподданническаго моего письма, гдѣ я умоляю Государя *не оставить безъ вниманія явленій, которыя начинаютъ у насъ обнаруживаться, употребить средства предоставленныя правительству на большее ихъ открытіе и удаленіе.* Я увѣренъ, что таковымъ образомъ догадки мои утвердятся или опровергнутся несравненно вѣрнѣе, нежели подробностями, каковыя *одинъ* я бы представилъ: ибо кругъ моего дѣйствія не великъ. Сто, болѣе или менѣе случаевъ, которые не нечаянно имѣлъ къ наблюденіямъ и которые должно бы еще было повѣрить справками, допросами, очными ставками, отвлекая простолюдиновъ отъ мѣстъ ихъ на великія разстоянія и проч. — будутъ маловажны въ пространствѣ Россіи. Относительно до указанія лицъ имѣющихъ болѣе значенія *по имянно,* отъ кого что и гдѣ, когда слышалъ, то хотя изъ вѣрноподданническаго повиновенія, я могъ бы составить кое-какую записку, вспомоществуясь то памятью, то бумагами моими, которыя сей часъ пробѣжалъ (бумагами наполненными болѣе ученыхъ замѣчаній); но признаюсь Вашему сіятельству, что совѣсть моя возмущается отъ одной мысли о таковомъ предательствѣ всѣхъ благородныхъ чувствованій. Я уже это вамъ сказывалъ при случаѣ разговора о язвительныхъ сочиненіяхъ. Сохрани насъ Боже возобновлять сцены царствованія Анны Іоановны при такомъ государѣ!.. Впрочемъ, вы изволите согласиться, что и назвавъ лица, не бу-

---

того какъ дано! Ко мнѣ одному, я думаю, въ цѣлой Россіи, не исключая и живущихъ на Кадьякѣ, достигали по прошествіи столькаго времени именныя повелѣнія!!

детъ еще сдѣлано рѣшительнаго шагу къ удостовѣренію: ибо должно *ихъ* спросить... и кто признается? Неужели нашему благодѣтельному, милосерднѣйшему Александру пожелать убитъ политически вѣрнаго, и уваженнаго имъ, нѣкогда любезнаго ему человѣка*) и опозорить допросами лица достойныя его уваженія? Вчерашній день я сказалъ Вашему сіятельству, черты могущія быть безъ неудобства изслѣдованными. До возвращенія вашего изготовлю еще нѣсколько въ особливой запискѣ: ибо теперь дѣйствительно не достаетъ времени. Да и однихъ бумагъ упомянутыхъ выше, слишкомъ уже много, чтобы намъ дерзать за одинъ разъ болѣе отяготить обожаемаго государя. Графъ! я никогда не забуду впечатлѣнія, которое я имѣлъ, видѣвъ его однажды выходящаго изъ кабинета послѣ докладовъ! Потъ градомъ катился съ прекраснаго его лица... не можно было завидовать столь возвышенному жребію!“

„Льстецы должны быть болѣе подозрительны государямъ. Они желали бы заградить къ нимъ входъ всякой истинѣ представить всякое покушеніе говорить *оскорбленіемъ величества,* порывомъ мѣшаться не въ свое дѣло, тщеславнымъ желаніемъ учить правительство. Возможно-ли? Я *оскорбляю* открывая мои мысли (справедливыя или ложныя все равно) тому единому, которому принадлежитъ знать ихъ, и отъ котораго зависитъ дать имъ цѣну!.. Въ такомъ вѣкѣ, когда престолы

*) Увы! довольно, что онъ, т. е. одинъ изъ малаго числа тѣхъ преданнѣйшихъ людей, которые собою жертвуютъ безъ всякой жалости, былъ окруженъ шпіонами въ пріѣздъ свой въ здѣшнюю столицу, и что люди вѣроятно исходатайствовавшіе таковой присмотръ, для утѣхи своей это разславили.

окружены опасностями, когда бунты вездѣ свирѣпствуютъ, когда собственные наши журналы говорятъ публично *съ народомъ* тысячу разъ дерзновеннѣе, я говорю съ государемъ подъ печатью тайны: и я виновенъ въ глазахъ оныхъ господъ!.. „Я де мѣшаюсь не въ свое дѣло.“ А давно-ли дѣло отечества, въ которомъ я живу, въ которомъ будутъ жить мои дѣти и внуки, котораго монархъ почитается *отцемъ* обширнаго семейства, перестало быть моимъ собственнымъ дѣломъ? Изъ какой Азіатской системы взята мысль эта? *Учить правительство*: выраженіе изобрѣтенное нарочно для уязвленія самолюбія лицъ правительство составляющихъ. Но авторы публично издающіе книги о лучшемъ устройствѣ законодательства, финансовъ, и пр. развѣ не болѣе еще должны казаться виновными? А правительство не рѣдко ихъ награждаетъ. Боже мой! И ты позволяешь жаловаться на бѣдствія, которыя ты посылаешь и просить у тебя лучшаго: а правительства состоятъ изъ человѣковъ. Мы всѣ учимъ и учимся до самой смерти. Несчастливъ тотъ, кто вообразитъ, что ничего уже не остается ему узнать. Правительство есть средоточіе, въ которое необходимо должна стекаться всякая мысль о благѣ общемъ. Горе, если мы станемъ разсуждать на площадяхъ подобно другимъ народамъ... Да и много-ли насъ теперь въ Россіи *желающихъ, имѣющихъ и дерзающихъ* говорить нѣчто правительству? Оно съ сей стороны можетъ оставаться покойнымъ: ему не наскучатъ.

2) *По поводу Семеновской исторіи.* „Напротивъ, изъ *него то я вижу во всемъ блескъ благороднѣйшій характеръ безподобнаго русскаго народа; и что взявъ надлежащія мѣры можно еще*

спасти его отъ всеобщей заразы; что̀ ни сдѣлано для его развращенія, оно не совершилось еще въ той степени, какъ желали и желаютъ враги наши!.. Сопротивленіе власти было только отрицательное: то есть одно то, которое христіанскій законъ дозволяетъ въ крайнихъ случаяхъ. Русскій еще неспособенъ къ прямымъ бунтамъ. Это адское изрѣченіе ему еще неизвѣстно! Съ прекраснымъ, вѣрнымъ, нѣкогда любимымъ полкомъ поступлено безъ снисхожденія.*) Онъ отданъ тирану перекресту (какъ говорятъ) изъ евреевъ. Его жестокости были не только тяжки, но и отвратительны: показывали явное презрѣніе къ достоинству *человѣка*, которое въ послѣднемъ солдатѣ должно быть свято сохранено.**) Ибо куды будетъ годиться воинъ, если истребить въ немъ чувство чести..... не взирая на то, что онъ до нѣкоторой степени долженъ быть орудіемъ (машиною)? Жалобы были приносимы *неоднократно*. Наконецъ они рѣшились нарядно просить о удаленіи начальника. Единодушіе всего полка въ сей упорной просьбѣ, въ настояніи о ней, составляетъ можно сказать всю его вину. Никто изъ такого множества людей не имѣлъ при себѣ оружія, никто не произнесъ *ни слова*, которое могло-бы имѣть значеніе угрозы. Первую роту обманомъ залучили и взяли въ крѣпость. Прочія, даже и симъ не оскорбясь, добро-

*) Пріятно мнѣ здѣсь засвидѣтельствовать съ клятвою, что никто не обвиняетъ въ семъ безпосредственно государя! Говорятъ напротивъ, что онъ долго не соглашался сдѣлать Шварца командиромъ сего полка.

**) На примѣръ сказываютъ, что онъ приказывалъ плевать въ ротъ солдатамъ, входилъ къ женатымъ въ спальни ночью и пр., онъ прибиралъ людей какъ скотовъ по цвѣту волосъ и пр.

вольно пошли за нею — въ однихъ шинеляхъ — желая раздѣлить наказаніе за общую вину. Какая черта среди безпорядка противъ дисциплины!... О, народъ единственный! Я становлюсь предъ тобою на колѣни: слезы наполняютъ глаза мои. Я горжусь тѣмъ, что къ тебѣ принадлежу!... Такъ-ли поступаютъ возмущающіеся полки во всѣхъ прочихъ земляхъ?

„За всѣмъ тѣмъ весьма не неваженъ этотъ случай: вопервыхъ потому, что онъ составляетъ какъбы первую ступеньку къ лѣстницѣ, которую строитъ *для насъ духъ вѣка;* во-вторыхъ, по отголоску раздается о семъ и въ чужихъ краяхъ и во всѣхъ концахъ нашего государства. Первое оскорбительно только для нашего честолюбія: ибо мы въ это самое время громко говоримъ, что усмиряемъ другихъ; но послѣднее составитъ истинный вредъ, то есть подрывъ *нашего* общественнаго мнѣнія. До сихъ самыхъ поръ оно *власть* и *войска* почитало за *одно!*...

„Словомъ не распространяясь далѣе о причинахъ, я какъ одинъ изъ старѣйшихъ (давнѣйшихъ) обожателей государя, какъ добрый гражданинъ и какъ отецъ семерыхъ дѣтей, которыхъ жизнь и имѣніе вмѣстѣ съ моею жизнію и имѣніемъ желаю сохранить, опять привязываюсь къ случаю, и опять повторяю то, что написалъ почти за девятьнадцать лѣтъ до сего.*) Именно *(сколько вспомнить могу изъ слова въ слово) время укрѣпить разслабъвающій составъ нашего государства!... время замѣнить религіозное къ престолу почтеніе дру-*

*) Въ бумагѣ къ 12 Декабря 1801, присланной изъ Москвы: сновидѣніе въ которомъ Александръ Невскій представленъ бесѣдующимъ.

гимъ, основаннымъ на законахъ! „Государь! прибавилъ бы я теперь, не совсѣмъ вѣрьте поклонамъ и рѣчамъ, которыми васъ встрѣчаютъ, губернаторамъ, которые можетъ быть говорятъ: все благополучно, все еще по прежнему! — Великая перемѣна произошла и ежедневно происходитъ въ умахъ. *Множество причинъ на сіе дѣйствуютъ,* и день онъ, яко тать пріидетъ!

„Правительство само способствуетъ къ тому *всеусилько,* непонятнымъ какимъ-то образомъ какъ изъяснялъ я отчасти въ прежнихъ моихъ тетрадяхъ и прежде въ бумагѣ 31 Марта сего года. Многое къ сему можно-бы прибавить. Я назову (только просто *назову*) одно лишь: рекрутскій нынѣшній наборъ. Невѣроятно сколько подвинулъ впередъ общественное мнѣніе наборъ сей, производимый безъ очевидной для народа нужды по его необыкновенному количеству, и въ такое время, когда треть Россіи можно сказать, уже безъ того приведена въ уныніе недородомъ нынѣшняго лѣта — предписанный не изъ столицы, гдѣ народъ предполагаетъ государя окруженнаго его совѣтомъ, но изъ царства *инаго!*

„Но я забываю, что не о дѣйствующихъ сихъ причинахъ теперь рѣчь, но о средствахъ помочь себѣ въ предстоящей неминуемой бѣдѣ. Конечно годъ, два, можетъ быть и болѣе, еще протянется. *Но для того-то я теперь и пишу; для того-то и отваживаю всего себя.* Въ противномъ случаѣ жертва эта была-бы совершенно безполезною. Графъ Риваролъ писалъ нѣсколько поздно: именно въ концѣ 1791 года.*) Я не хочу на него похо-

*) Ouvrage inédit du comte de Rivarol. Paris 1820, in 8vo., 74 pages.

дить. Моя участь должна быть — или ссылка за Байкалъ, *пока еще ссылать можно,* или смерть съ оружіемъ въ рукахъ при защищеніи послѣдняго входа къ комнатамъ государевымъ. *Тогда,* я писать уже не стану!*)

„Мысль выраженная въ нотѣ г. Зеа Бермудецу, при полученіи отъ него увѣдомленія о принятіи королемъ его конституціи кортесовъ, мысль, о которой я готовъ отвѣтствовать жизнію, что она проистекла не отъ подозрительныхъ намъ Россіянамъ помысловъ г. Капо д'Истрія, но *безпосредственно* изъ благороднѣйшаго сердца государя, мысль, что правители народовъ должны добровольными *ими данными* постановленіями предварять постановленія насильственныя, есть одна изъ высочайшихъ истинъ! Дѣло состоитъ только въ томъ, чтобъ сіе было учинено завременно. Упомянутый теперь лишь Риваролъ говоритъ о объявленіи съ трона въ народномъ собраніи Людовикомъ, что онъ дастъ *самъ* постановленіе: Quant à la déclaration du 23 juin, n'est-il pas évident, que si elle eût été donnée six mois auparavant, elle eût fait perdre, non seulement l'idée, mais jusqu'au désir des états-généraux. Совершенно согласно съ симъ мнѣніемъ одного изъ умнѣйшихъ дворянъ Франціи, сказалъ и одинъ изъ умнѣйшихъ ея демократовъ *I. C. Бальи*: Un ministre me disait quelques jours après (après la séance royale) — comment n'est-on pas content? Si le roi eût donné il y a dix ans une pareille déclaration, n'eût-elle pas

*) Очень знаю и чувствую, что сіе мѣсто можно обратить въ смѣхъ. „On peut travestir les plus grandes choses et leur donner une teinte de ridicule", сказалъ тотъ, кто больше всѣхъ на свѣтѣ имѣлъ случаевъ познать сію истину, т. е. Наполеонъ. Но должно смотрѣть на чувства, тому, кто ихъ имѣетъ...

été reçue avec enthousiasme? — Oui, sans doute, il y a dix ans. — Que veut donc l'assemblée? — Elle veut faire et non que vous fassiez.*) — Il s'élève derrière nous, восклицаетъ Шатобріанъ спустя почти тридцать лѣтъ, il s'élève une génération impatiente de tous les jougs, ennemie de tous les rois; elle rêve la république et est incapable par ses mœurs des vertus républicaines. Elle s'avance; elle nous presse, elle nous pousse; bientôt elle va prendre notre place... nous n'avons que deux choses à opposer aux folies de cette jeunesse: la légitimité, escomptée de tous ses souvenirs, environnée de la majesté des siècles — la monarchie représentative assise sur les bases de la grande propriété, défendue par une vigoureuse aristocratie, fortifiée de toutes les puissances morales et religieuses. Quiconque ne voit pas cette vérité, ne voit rien et court à l'abîme; hors de cette vérité tout est théorie, chimère, illusion!

„Сочиненіе сіе Шатобріана читалъ я въ Августѣ сего года въ Павловскѣ: но еще въ Мартѣ осмѣлился писать тоже самое. Кн. Чарторижскій или другой кто, кому должно принадлежать смѣлое письмо 1807го года, изъяснялся подобнымъ же образомъ. Согласіе людей, раздѣленныхъ большимъ разстояніемъ, временемъ и другими обстоятельствами, не могущихъ имѣть ни малѣйшей связи между собою, заслуживаетъ, повторяю, нѣкоторое уваженіе... *Насъ* спасти можетъ единственно *немедленное* употребленіе въ дѣло просвѣщеннаго дворянства. Но выборъ въ губерніяхъ сборищамъ представить, кажется еще рано. Множество неудачныхъ выбо-

*) „Mémoires d'un Témoin de la Révolution." Ouvrage posthume de Jean Sylvain Bailly. Paris, An XII, t. I, p. 280.

ровъ это доказываютъ. Слѣдовательно, едва-ли не должно будетъ прибѣгнуть къ способу предложенному вамъ, сіятельнѣйшій графъ! котораго планъ болѣе всего прочаго испортило, кажется, уклоненіе въ сторону графа Михайла Семеновича Воронцова, приглашеніе имъ по его англоманіи молодыхъ демократовъ (?). Они-то тайно отъ насъ испортили заготовленную бумагу, и все дѣло испортили препровожденіемъ ея чрезъ графа Капо д'Истрія, которой ни почему на свѣтѣ не могъ благопріятствовать патріотическому намѣренію россіянъ.

„Я *вседушевно* не одобряю нынѣшнихъ конституцій. Наилучшимъ въ томъ доказательствомъ и къ моему оправданію осмѣливаюсь представить сочиненіе, котораго первыя три главы, поднесенныя, въ Декабрѣ 1816 года, Слободско-украинскому дворянству, невѣдомо почему на вѣкъ заключилъ въ архиву вамъ ввѣреннаго департамента министръ народнаго просвѣщенія. Намъ потребно совсѣмъ другое! Начала нашего государственнаго постановленія должны быть отысканы въ религіи и въ древнихъ обычаяхъ нашего отечества. Къ чему этѣ *громкія* собранія, *унижающія власть* подобно, какъ и ораторство съ престола, заимствованное у англичанъ?*) Но государи наши, бывъ представителями Бога вселенной съ могуществомъ, которое

*) Воображаетъ-ли государь, что не одинъ почтенный старикъ въ Москвѣ, Курскѣ или Симбирскѣ рветъ на себѣ послѣдній клокъ волосъ отъ стыда и негодованія, что г. д'Истрія заставляетъ его передразнивать Наполеона, на мишурномъ тронѣ бывшаго его герцогства? Тотъ же духъ, тѣже обороты и пр. Нѣтъ! чѣмъ бы ни кончилось, а я поручу одному изъ сыновей моихъ святой долгъ разувѣрить потомство, дабы оно не искало во французскихъ сихъ отрывистыхъ фразахъ души моего Александра, который изъ дѣтства не терпѣлъ репрезентацій!..

по началамъ религіи отъ него*) заимствуютъ, не могутъ, яко человѣки соединять въ себѣ самыхъ его премудрости. Вотъ почему для достойнаго и благотворительнѣйшаго народамъ представленія въ своемъ лицѣ высочайшаго существа, для управленія народами на земли, *подобнаго его управленію мірами*, цари наши всегда были внушаемы государственною думою!.. Но дума сія, представляя въ себѣ разумъ цѣлаго царства, не извѣстна была народу своимъ велерѣчіемъ. Дѣйствія ея предваряли всегда торжественныя и невозвратныя изреченія власти державной, но предваряли ихъ тайно. Это было зеркало, въ которомъ цари могли ясно видѣть общественное мнѣніе: что необходимо! *И одно это предупреждаетъ преступныя его изліянія.*

„Кто теперь въ настоящемъ положеніи вещей передастъ сіе мнѣніе государю?.. *Неужели шпіоны, нечистыми ихъ устами?* Можетъ-ли государь даже въ томъ быть увѣренъ, что они умѣютъ понимать его, различать своевольныя мысли черни, различныя по временамъ и обстоятельствамъ, отъ мыслей людей просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ? Министровъ я совсѣмъ миновалъ. Ихъ дѣло исполнять волю государя, дѣйствовать, безпрестанно дѣйствовать: не прислушиваться *что* говорятъ въ народѣ, не размышлять и придумывать. *Не можно въ себѣ соединять съ успѣхомъ двухъ совершенно различныхъ упражненій души.* И отъ того-то, при недостаточномъ познаніи въ многосложномъ составѣ имперіи нашей, выходили всѣ ошибки!.. „Но государственный совѣтъ?“ Увы! Совѣтъ сей по составу его не можетъ быть ни государевымъ — для этого онъ слишкомъ многолюденъ! — ни госу-

*) Не отъ народа..!

дарственнымъ. Послѣднимъ потому быть не можетъ, что особы, его составляющія, всѣ по другимъ должностямъ своимъ и службѣ подлежатъ вліянію духа государева, не народнаго! Къ сему послѣднему большая изъ нихъ ниже пріуготовлены, бывъ воспитанники двора и столицъ. Сверхъ того, въ составъ нашего совѣта входятъ министры и сенаторы.

„Такое смѣшеніе судящихъ и подсудимыхъ, излагающихъ и разсматривающихъ учрежденія, чиновниковъ, живущихъ всегда въ столицѣ, слѣдовательно не болѣе средствъ имѣющихъ узнать истину, какъ и само правительство, безпрестанно наставляемыхъ державною волею, притомъ чрезъ третье лице, поставленное внѣ всякой отъ нихъ зависимости — можетъ-ли назваться душею россійскаго народа, зерцаломъ *безпристрастнаго, просвѣщеннаго общественнаго* мнѣнія?.. Михаилъ и Алексѣй могли удобно слышать его отголоски въ грановитой палатѣ и на красной площади. Петръ слышалъ оное иногда въ Сенатѣ, иногда въ австеріяхъ. Екатерина, испуганная смѣлостію Коробьина, довольствовалась внимать сему мнѣнію издали, чрезъ своихъ друзей въ обѣихъ столицахъ. Ничто неиздавалось прежде тайнаго сношенія съ нимъ. Слѣдовательно всѣ сіи государи почитали таковое сношеніе *необходимымъ* для народнаго и своего собственнаго счастія и славы. Мы благонамѣренные, сколько насъ ни есть въ предѣлахъ обширной Россіи, *не желаемъ ничего другаго!* Симъ однимъ, сходно съ успѣхами ума человѣческаго въ ней, желаемъ мы оградить себя отъ предстоящихъ бѣдствій. Странное смѣшеніе началъ, заимствованныхъ изъ всѣхъ возможныхъ сйстемъ, не можетъ *болѣе* безвреднымъ оставаться; особливо

при той извѣстности, въ которой уже и чернь во многихъ мѣстахъ*) находится о дѣлахъ въ Европѣ. „Государь! сказалъ бы я его величеству, еслибъ имѣлъ счастіе бесѣдовать съ нимъ въ знакомомъ мнѣ кабинетѣ: „Государь! не презирай достойнаго тебя, благонравнаго, вѣрнаго, умнаго твоего народа! Иностранцы, всегдашніе враги наши, или покрайней мѣрѣ чуждые насъ душею, дали тебѣ въ молодости и теперь продолжаютъ поддерживать несправедливыя о насъ понятія. Перестань ввѣрять имъ твои и наши тайны!.. Сдѣлай лучше *насъ* участниками въ великихъ твоихъ намѣреніяхъ, которыя до насъ самыхъ относятся. Конечно повиновеніе наше долго еще будетъ безпредѣльнымъ. Благонамѣренные не нарушатъ его. Пускай Европа, по обыкновенію своему, порицаетъ ихъ *подлостью* и *рабствомъ;* они не уважатъ ея посмѣянія. Но злокозненный возмущенія духъ сорвался съ цѣпей своихъ и летаетъ надъ нею отъ однаго ея края до другаго. Что тебѣ и намъ, подпорѣ престола твоего, порукой, что онъ не вторгнется въ предѣлы наши?.. Всякая политическая власть основывается *на одномъ мнѣніи:* и оно уже поколебано въ простомъ народѣ. Секты духоборцовъ, субботниковъ и другихъ да послужатъ тебѣ примѣромъ въ томъ, сколь недовѣдомыми правительству путями приходятъ мнѣнія и съ какою удобностію распространяются! Всѣ мѣры полицейской и духовной цензуры недостаточны противъ нихъ. Излишняя строгость возмущаетъ лишь сердца. Натянутая вервь внезапно перервется. Во многихъ разночинцахъ и отпущенникахъ я предвижу злодѣевъ, которые превзойдутъ Робеспіеровъ.

*) Чрезъ газеты и журналы: но болѣе чрезъ возвратившіяся войска.

„Да и что можетъ потерпѣть самодержавіе отъ довѣренности къ тому сословію, котораго участь тѣснѣйшимъ *образомъ съ нимъ соединена?* Аристократіи, въ прямомъ смыслѣ, у насъ никогда быть не можетъ и никогда не было со временъ малолѣтства царя Іоанна Василіевича. Даже въ нѣжномъ юношествѣ Петра II, вліяніе Долгорукихъ *вѣроятно* также было-бы кратковременно, какъ и вліяніе Меньщикова, если бы не застигла ихъ смерть сего государя. Побѣдитель Европы, непреклонный, проницательный Александръ, можетъ-ли опасаться дворянъ своихъ, изъ которыхъ каждый съ материнскимъ молокомъ всосалъ чувство глубокаго благоговенія къ монархамъ? Пускай приведетъ онъ себѣ на намять рѣшительное обстоятельство собранія Московскаго въ Іюлѣ 1812 года...

„Но пріобрѣтеніе будетъ вѣлико; государь по истинѣ *не можетъ* себѣ вообразить, до какой степени будетъ усилено правительство чрезъ счастливое такое соединеніе! Тысячи свѣденій, тысячи новыхъ способовъ къ дѣйствію, къ утвержденію царства — у подножія престола. Нынѣшнее время не можетъ быть вѣкомъ Махіавелевой политики. Довѣренность, взаимная довѣренность да будетъ первѣйшимъ правиломъ!

„Сердце сердцу вѣсть даетъ“ — говоритъ наша русская пословица. Искренность государя привлечетъ къ нему общественное мнѣніе просвѣщеннѣйшей и до сихъ поръ еще сильнѣйшей части его народовъ. Тутъ никакого искуства не нужно. *Но при взаимномъ устраненіи* никакое искусство *не спасетъ насъ.* Необходимость Монархіи есть священная истина, равная истинамъ религіи и природы, ибо она изъ нихъ и проистекла. Всякой

разумъ и всякое сердце должны быть на ея сторонѣ. Но самовластіе и лицемѣріе, какъ политическое, такъ и религіозное, не убѣдятъ никакого разума, не преклонятъ ни одного сердца — наипаче въ настоящій вѣкъ. О, да удалятся же онѣ изъ чертоговъ возлюбленныхъ царей нашихъ!

3) „Боятся дать поводъ разсуждать *о взаимныхъ отношеніяхъ правительства и народа.* Полиція съ жезломъ въ рукахъ, цензуры духовная и гражданская съ затворами для словъ и мыслей поставлены на стражѣ, чтобъ не прокралась въ народъ какая либо черта сей благодѣтельной системы, успокоивающей всѣ возможныя волненія умовъ. Едва вѣроятно, что у насъ по сей части происходитъ. Глубокимъ молчаніемъ даютъ поводъ разсѣвать самыя вздорныя, самыя вредныя начала; между тѣмъ, какъ правительство противурѣчіемъ самому себѣ по временамъ показываетъ, какъ *будто не имѣетъ никакихъ.* Вчера оно провозглашало вольность, издавало на своемъ иждивеніи *Бентама* и пр. и пр., сегодня является деспотомъ, не признающимъ ниже правъ собственности, уважаемыхъ и въ Азіи. Прежде славилось терпимостью вѣръ, отдавая однако должное преимущество отечественной; оставляя расколы въ неуваженій, нечувствительно возвращало ихъ въ недро церкви; соединяя благочестіе съ просвѣщеніемъ, умѣло дѣлать вѣроисповѣданіе наше привлекательнымъ для цѣлой Европы и плѣнять имъ самыхъ деистовъ; потомъ вдругъ явилось суевѣромъ вѣковъ прошедшихъ, даже до того, что въ манифестахъ стало проповѣдывать о святости давно забытыхъ *бѣличковъ* и о необходимости свѣчъ; на свѣчномъ доходѣ основало (какъ будто для игры словъ!) просвѣщеніе духовенства; наконецъ,

забывъ все это, дѣлается герн-гутеромъ, въ очахъ простаго народа нарушаетъ святыню праздниковъ и алтарныхъ мѣстъ, гонитъ іезуитовъ за обращеніе жида, а менонистамъ позволяетъ обращеніе своихъ подданныхъ, издавая проповѣди ихъ на россійскомъ языкѣ мимо духовенства, рукою власти возводитъ католическихъ еретиковъ на каѳедры, гонитъ и смѣшиваетъ всѣ религіи, всѣ начала; учреждаетъ училища, но подчиняетъ ихъ невѣждамъ или фанатикамъ*); запрещаетъ говорить и печатать все то, что̀ не отвѣтствуетъ сему духу мистицизма и вавилонскаго смѣшенія!...

4) „Дѣло не въ томъ, чтобы у насъ въ Россіи заводить сраженія краснорѣчія мнимыхъ репрезентантовъ съ хитросплетеніями министровъ, постыдныя сраженія прихотей государя и его наемниковъ съ прихотями адвокатовъ, подкрѣпляемыхъ чернію, чтобъ выводить *на позоръ цѣлаго свѣта* покушенія и неудачи власти, чтобы открыть народному буйству, сосланному у насъ въ питейные домы, великолѣпный театръ, украшенный всѣми эмблемами могущества имперіи. Нѣтъ!... совсѣмъ нѣтъ! Но дѣло только въ томъ, чтобъ Россію перестать почитать *собственностію* государя, которою онъ доселѣ безотчетно располагаетъ, подобно какъ (всякой) хозяинъ *стада***), сею его безсловесною собственностію, или подобно, какъ иной нашъ помѣщикъ своими селами, почитая ихъ только

*) Отъ 11-го сего мѣсяца.

**) Приложеніе нѣкоторыми льстецами слова хозяинъ къ государямъ „ваше де величество полный хозяинъ и пр.“ есть злоупотребленіе. Въ этомъ разумѣ хозяинъ одинъ всевышній, а цари его только намѣстники, правители народовъ, не болѣе! — Почти такъ выражено и въ манифестѣ о тройственномъ союзѣ.

средствомъ къ полученію доходовъ и къ удовлетворенію честолюбія. Такая система въ маломъ и большомъ видѣ, гдѣ только предметомъ есть *общество человѣковъ*, противна религіи, противна Богу всеблагому отцу ихъ; и по самому естественному теченію вещей должна измѣниться въ безначаліе, сопровождаемое всѣми его ужасами. „И время близь есть*)!“ Какъ можно думать, чтобъ россіяне *всеусильно* поставлены подъ вліяніе чужихъ краевъ, продолжали быть спокойными зрителями всеобщаго волненія, или-бы еще и сдѣлались орудіемъ къ его утишенію?**)

Изъ письма къ Николаю, 18 Сентября 1826.

„Я хотѣлъ всеусильно, и сколько отъ ничтожнаго, частнаго человѣка могло зависить, предупредить — не только казавшуюся мнѣ близкою тогда, но и всѣ возможныя въ послѣдствіи времени революціи, обративъ вниманіе государя — *не деспота*,

*) Апокалипсъ. Глава XXII. ст. 10.

**) Предсказавъ уже два или три произшествія, и теперь еще столько-же смѣло предсказываю. Не одна тысяча нашихъ солдатъ съ ихъ офицерами останутся въ роскошной Италіи, чтобы въ ней поселится, если будутъ посланы туда наши войска. Это не можетъ быть иначе: противурѣчіе слишкомъ велико, слишкомъ ощутительно для умовъ, которые уже вышли изъ самаго грубаго невѣжества! Нѣкогда сражались за мать пресвятую богородицу, въ 1812 году и далѣе сражались за отечество и по побужденію народной мести; теперь-же какія изобрѣсть побудительныя причины?... Я прислуживался къ разговорамъ солдатъ, слышалъ, что они уже говорятъ и о малости своего жалованія и пр. чего прежде совсѣмъ не было. Духъ разлился далеко! И не напрасно Екатерина столь искусно медлила отправленіемъ войскъ противу Франціи. (Виноватъ! Я, не дорожа собою, говорю истины, которыя учтивый помѣщикъ села Грузина, можетъ быть не скажетъ.)

на противурѣчіе между разливающимся чрезъ всѣ сословія въ народѣ просвѣщеніемъ и формами правленія, которыя могли быть приличны прошедшимъ лишь вѣкамъ: противурѣчія, кои необходимо, по общимъ законамъ моральнаго міра, производятъ и всегда будутъ производить *одно дѣйствіе*. Ничто не поможетъ, нѣтъ никакого средства; не достанетъ никакой человѣческой силы остановить колесо, или дать ему противное движеніе. Словами Екатерины II, коими начала она первую главу своего наказа, словами: „Россія есть европейская держава“ — все рѣшено!... Не должно было сближать насъ съ Европою, начиная отъ XVI-го вѣка еще, если самодержецъ пребыть хочетъ выше общественнаго мнѣнія и законовъ, если онъ караетъ за самыя вѣрноподданническія о томъ, подъ печатію тайны, *сыновнія* представленія. Развратъ и довременное лицемѣріе высшихъ и нижнихъ есть все, что̀ можетъ быть выиграно при самомъ щедромъ изліяніи милостей, при самыхъ мудрѣйшихъ, благонамѣреннѣйшихъ предписаніяхъ. Преумножая и распространяя до Камчатки и американскихъ береговъ пороки рабовъ просвѣщенныхъ, пороки Рима и Франціи, мы не *можемъ* уже имѣть добродѣтелей свойственныхъ рабамъ прежнихъ вѣковъ. Новое воспитаніе? О государь!... Медлительно дѣйствуютъ училища. И изъ чего составятъ ихъ курсы и библіотеки? Почти всѣхъ древнихъ авторовъ должно будетъ удалить; лишиться изъ новыхъ не только Монтескіе и Бентама, но самаго Юстія, уже въ 1770 году у насъ въ Россіи напечатаннаго на природномъ языкѣ, какъ и первые. Оставить совсѣмъ преподаваніе о другихъ образахъ правленія, дабы избѣжать самыхъ естественнѣйшихъ вопросовъ: почему-же у насъ иначе и пр.? Гдѣ,

кромѣ Карамзина, возмемъ и историковъ, которые бы одобряли самовластіе? Изъ поэтовъ надобно будетъ перепечатать съ большими пропусками не только знаменитѣйшихъ, каковъ на пр. Шиллеръ, иностранныхъ, но и своихъ, какъ то Державина, Княжнина. Всѣ человѣческія познанія составляютъ теперь непрерывную цѣпь, въ которой лишеніе одного звѣна будетъ нетерпимо... Но я употребляю во зло, можетъ быть, столь милостиво дарованное мнѣ позволеніе? Для того, можетъ быть, пишу, чтобы увеличить вину мою, представить ее во всей ея наготѣ?

„Такъ! вотъ она! Послѣдствія ея предсказаны мной публично въ 1818 году, въ рѣчи у сего подносимой въ жалкомъ, невольническому моему состоянію соотвѣтствующемъ экземплярѣ (на страницахъ 5-й, 28-й и 29-й). Другой вины за собой не знаю. Я долженъ-бы былъ признаться въ ней, тлѣя въ мрачной и сырой казематѣ шесть зимнихъ мѣсяцей, бывши убиваемъ на перекладныхъ телѣгахъ полторы тысячи верстъ, и здѣсь истаевая отъ унынія, среди укоряющихъ меня жены и дѣтей.

„Государь! вы не Тиверій, я не Овидій. Вы возвратите меня обществу (которое я ничемъ не оскорбилъ) по кончинѣ Августа Траяна моего!... Вы не повторите сего примѣра, единственнаго въ продолженіи осьмнадцати столѣтій.“

ИСТОРИЧЕСКІЕ ДОКУМЕНТЫ.

(Переписка по дѣлу объ убійствѣ Аракчеевской Настасьи.)

ДВА ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА I КЪ АРАКЧЕЕВУ.

I.

Любезный другъ!

Нѣсколько часовъ какъ я получилъ письмо твое и печальное извѣстіе о ужасномъ происшествіи, поразившемъ тебя! Сердце мое чувствуетъ все то, что̀ твое должно ощущать. Но, другъ мой, отчаяніе есть грѣхъ предъ Богомъ. Предайся слѣпо его святой волѣ — вотъ единая отрада, одно успокоеніе, которое въ подобномъ несчастіи я могу тебѣ указать. Другаго не существуетъ по моему убѣжденію. Искренно раздѣляю я твою печаль. Хотя я и не зналъ и не видывалъ особы, тобой оплакиваемой, но она была тебѣ искреннимъ и давнишнимъ другомъ, сего довольно, чтобъ потеря ея была для меня прискорбна. Къ сему присоединяется еще ужасная мысль объ образѣ сей кончины. Я живо воображаю себѣ все, что̀ въ тебѣ, любезный другъ, должно было произойти! Твое положеніе, твоя печаль крайне меня поразили. Даже мое собственное здоровье сильно оное почувствовало.

Но еще разъ тебѣ повторяю съ чувствомъ живѣйшей любви къ тебѣ — отчаяніе есть грѣхъ и великій грѣхъ. Покорность совершенная волѣ Всевышняго есть нашъ общій долгъ, и чѣмъ грусть сильнѣе, тѣмъ болѣе должны мы преклонять головы наши съ умиленіемъ и повиновеніемъ его святой волѣ. Покорись ей и Богъ самъ тебя поддержитъ, тебя подкрѣпитъ.

Ты мнѣ пишешь, что хочешь удалиться изъ Грузина, но не знаешь куда ѣхать? Пріѣзжай ко мнѣ: у тебя нѣтъ друга, который бы тебя искреннѣе любилъ. Мѣсто здѣсь уединенное. Будемъ здѣсь жить такъ какъ ты самъ расположишь. Бесѣда же съ другомъ, раздѣляющимъ твою скорбь, нѣсколько ее смягчитъ. Но заклинаю тебя всѣмъ что есть свято, вспомни отечество, сколько служба твоя ему полезна, могу сказать необходима, а съ отечествомъ и я неразлученъ. Ты мнѣ необходимъ. Я далеко отъ того, чтобы желать отъ тебя продолженія трудовъ твоихъ въ первое время твоей грусти.

Дай себѣ все нужное время для нѣкотораго успокоенія душевныхъ и тѣлесныхъ силъ. Вспомни сколь многое тобою произведено и сколь требуетъ все оное усовершенія. Я Бога усердно прошу, чтобы онъ подкрѣпилъ твои силы и здоровье и вселилъ бы въ тебя необходимую твердость съ повиновеніемъ ето святой волѣ.

Пришли мнѣ подробное описаніе ужаснаго сего происшествія, показанія преступниковъ и твое по всему оному предположеніе. Объяви губернатору мою волю, чтобы старались дойти всѣми мѣрами, не было ли какихъ тайныхъ направленій или подущеній. Любезный другъ, жаль мнѣ выше всякаго изрѣченія твоего чувствительнаго сердца. Я представляю себѣ что́ оно должно чувствовать и скорблю

съ нимъ искренно. Прощай, любезный Алексѣй Андреевичъ, не покидай друга, вѣрнаго тебѣ друга.

Александръ.

Таганрогъ, 22 Сентября, 1825.

2.

Твое здоровье, любезный другъ, душевное и тѣлесное, послѣ такого несчастія крайне меня безпокоитъ. Я нарочно вызвалъ сюда Петра Андреевича Клейнмихеля, человѣка тебѣ преданнаго, дабы съ нимъ посовѣщаться на счетъ твоего положенія, и, по довольномъ разсужденіи, положили мы, чтобы ему отложить до другаго времени осмотръ войскъ, находящихся подъ начальствомъ гр. Витта, дабы могъ онъ возвратиться къ тебѣ. А я буду имѣть возможность получать подробныя свѣденія, какъ о твоемъ здоровьи, такъ и о подробностяхъ всего несчастнаго приключенія. Признаюсь тебѣ мнѣ крайне прискорбно, что Даллеръ ни одной строки о тебѣ не пишетъ, когда прежде онъ всякій разъ исправно извѣщалъ о твоемъ здоровьѣ. Неужели тебѣ не придетъ на мысль то крайнее безпокойство, въ которомъ я долженъ находиться о тебѣ въ такую важную минуту твоей жизни. Грѣхъ тебѣ забыть друга, любящаго тебя столь искренно и такъ давно! и еще грѣшнѣе усомниться въ его участіи въ твоей печали. Убѣдительно прошу тебя, любезный другъ, если самъ не въ силахъ, то прикажи меня подробно извѣщать на свой счетъ; я въ сильномъ безпокойствѣ. На вѣкъ искренно тебя любящій.

Александръ.

Таганрогъ, 30 Октября, 1825.

3.

ПИСЬМО АЛЕКСАНДРА I КЪ ФОТІЮ.

Отецъ Архимандритъ Фотій! По всѣмъ извѣстіямъ, до меня доходящимъ, гр. Алексѣй Андреевичъ, послѣ несчастія его поразившаго, находится въ крайнемъ упадкѣ духа, близкомъ даже отчаянія. Зная искреннее уваженіе его къ духовнымъ добродѣтелямъ вашимъ, я увѣренъ, что вы, съ помощью Всевышняго, много можете подѣйствовать на душевныя его силы. Подкрѣпивъ ихъ, вы окажете важную услугу государству и мнѣ, ибо служеніе гр. Аракчеева драгоцѣнно для отечества.

Христіанинъ обязанъ съ покорностію переносить удары, рукою Господнею ему наносимые. Мы всѣ въ волѣ его.

Испрашивая благословленія вашего, предаю себя молитвамъ вашимъ.

Александръ.

(Письмо сіе хранить въ тайнѣ.)
Таганрогъ, 30 Октября, 1825.

4.

ПИСЬМО ГР. АРАКЧЕЕВА КЪ ...*)

Милостивый государь, Дмитрій Сергѣевичъ!

Сего мѣсяца 1 числа получилъ я изъ Таганрога собственноручный е. и. в. рескриптъ, 22 Сентября писанный, въ коемъ государю императору благо-

*) Въ присланномъ спискѣ фамилья этого Дмитрія Сергѣевича не означена; сколько мы ни искали, сколько ни вспоминали, не можемъ допытаться кто этотъ достопочтенный сановникъ. — Прим. Издат.

угодно было возложить на меня объявленіе в. п. высочайшей его воли въ оном рескриптѣ означенной, по поводу совершившагося въ Грузинѣ истекшаго 10 Сентября смертоубійства. Слабое состояніе здоровья моего препятствовало мнѣ на сіе время оное исполнить; по прибытіи же начальника штаба, П. А. Клейнмихеля, нарочно ко мнѣ государемъ императоромъ отправленнаго, узналъ я отъ него лично, что неизмѣнная воля всемилостивѣйшаго государя императора нашего есть дабы дѣло сіе было изслѣдовано со всею строгостію, что̀ самое П. А. Клейнмихель въ проѣздъ свой вамъ лично объявилъ.

Въ слѣдствіе сего спѣшу препроводить къ в. п. копію съ вышеупомянутаго ко мнѣ высочайшаго рескрипта, дабы вы, м. г., имѣли уже полное право наблюдать за ходомъ сего дѣла сходно съ высочайшею волею, въ рескриптѣ упомянутою.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть в. п.

Покорный слуга — Графъ Аракчеевъ.

Грузино, 14 Октября, 1825.

5.

письмо клейнмихеля къ ...

Милостивый государь, Дмитрій Сергѣевичъ!

Имѣя высочайшее повелѣніе доводить до свѣденія государя императора, какъ объ успѣхахъ слѣдствія производимаго объ убійствѣ въ Грузинѣ г-жи Шумской, такъ и о подробностяхъ онаго, я доносилъ о извѣстномъ вамъ ходотайствѣ Уголовной палаты дворянскаго засѣдателя — Мусина-Пушкина и Новгородскаго уѣзда исправника Лялина за пре-

ступницу женку Анну Константинову, и получилъ монаршее повелѣніе объявить в. п., что государь императоръ повелѣваетъ вамъ въ особенности внимательно заняться розыскомъ сего дѣла и открытіемъ причины такого ходатайства и всѣхъ дѣйствовавшихъ въ ономъ лицъ.

Сообщая вамъ, м. г., таковую высочайшую волю, съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть —

П. Клейнмихель.

Новгородъ, 2 Ноября, 1825.

ПИСЬМО

*Императрицы Екатерины великой къ графу Н. И. Салтыкову.**)

Графъ Николай Ивановичъ! Я хотѣла сегодня говорить съ моимъ сыномъ и разсказывать ему все дурное поведеніе Константина Павловича, дабы всѣмъ родомъ сдѣлать общее дѣло противу вертопраха и его унять, понеже поношеніе нанести можетъ всему роду, буде не уймется, и я при первомъ случаѣ говорить сбираюсь, и увѣрена, что Великій Князь со мною согласенъ будетъ: я Константину конечно потакать никакъ не намѣрена. А какъ Великій Князь уѣхалъ въ Павловское, и нужно унять хоть Константина какъ возможно скорѣе, то скажите ему отъ меня и именемъ моимъ, чтобъ онъ воздержался впередъ отъ злословія, сквернословія и безпутства; буде онъ не захочетъ

---

*) Въ числѣ рукописей, принадлежавшихъ любителю древностей Московскому соляному приставу Меншикову находилось это собственноручное письмо императрицы Екатерины II доставшееся ему изъ дому князя Салтыкова. Князь М. А. Оболенскій выпросилъ его у Меншикова и поднесъ оное чрезъ государ. канцлера императору Николаю I (въ 1848 г.), который и оставилъ подлинникъ у себя. Копія списана изъ дѣлъ Моск. Г. архива М. И. Д.

до того допустить, чтобъ я надъ нимъ сдѣлала примѣръ. — Мнѣ извѣстно безчинное, безчестное и непристойное поведеніе его въ домѣ генералъ-прокурора, гдѣ онъ не оставлялъ ни мущину, ни женщину безъ позорнаго ругательства, даже обнаружилъ и къ вамъ неблагодарность, понося васъ и жену вашу, что столь нагло и постыдно и безсовѣстно имъ произнесено было — что не токмо многіе изъ нашихъ, но даже и Шведы безъ соблазна, содроганія и омерзѣнія слышать не могли. Сверхъ того, онъ со всякою подлостію вездѣ, даже и по улицамъ, обращается съ такой непристойной фамильярностію, что я того и смотрю, что его гдѣ ни есть прибьютъ къ стыду и крайней непріятности. Я не понимаю, откудова въ немъ вселилось таковый подлый „sansculottisme“, предъ всѣми унижающій! — Повторите ему, чтобъ онъ исправилъ поведеніе свое и во всемъ поступалъ прилично роду и сану своему, дабы въ противномъ случаѣ, есть-ли еще посрамитъ оное, я-бъ не нашлась въ необходимости взять противу того строгія мѣры. Пребываю къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Августа 29, 1796.

ПИСЬМО

Императрицы Маріи Ѳеодоровны къ В. Князю Константину Павловичу.

(1803.)

Легко вамъ будетъ повѣрить, мой любезный сынъ Константинъ Павловичь, сколь глубоко огорчилась я, читая письмо ваше, есть-ли вы вспомните содержаніе онаго, которое писала я къ вамъ прошедшаго года съ изображеніемъ душевнаго смущенія и скорби моей, также и моего желанія; тогдашнимъ отвѣтомъ вашимъ, нынѣ вновь мною прочтеннымъ, вы меня въ опасеніяхъ моихъ успокоили. Въ соотвѣтствіе писанія матери вашей вы начертали въ немъ самыя сіи слова, кои изъ письма вашего выписываю: *что принадлежитъ до развода молчу и повинуюсь, таковъ есть долгъ мой.* Вы тогда довольствовались удаленіемъ жены вашей и пребываніемъ ея у своихъ родителей. Ничто съ того времени не перемѣнилось, а васъ однакожъ я вижу обращающимся паки къ сей пагубной и опасной мысли о разводѣ. Симъ растворяются всѣ раны сердца моего. Но при всемъ томъ, мой любезный К. П., не смотря на скорбь, которую я чувствую, занимаясь печальною сею мыслію, я изображу вамъ

мое по сему предмету мнѣніе, какъ онъ мною видится и наконецъ объявлю вамъ условія, на которыхъ нѣжная моя къ вамъ любовь можетъ склонить меня заняться мыслію о вашемъ разводѣ.

При самомъ началѣ приведу я вамъ на память пагубныя послѣдствія для общественныхъ нравовъ, также и огорчительный и для всей націи опасный соблазнъ произойти отъ того долженствующій, ибо по разрушеніи брака вашего послѣднѣйшій крестьянинъ, отдаленнѣйшей губерніи, не слыша болѣе имени великой княгини при церковныхъ молебствіяхъ провозглашаемаго, извѣстится о разводѣ вашемъ. Его почтеніе къ таинству брака и къ самой вѣрѣ поколеблется; тѣмъ паче, что съ нимъ неудобно войти въ изслѣдованіе причинъ, возмогшихъ подать къ тому поводъ. Онъ предположитъ, что вѣра для императорской фамиліи менѣе священна, нежели для нихъ, а таковаго мнѣнія довольно, чтобъ отженить сердца и умы подданныхъ отъ государя и всего императорскаго дома. Сколь ужасно вымолвить, что соблазнъ сей произойдетъ отъ императорскаго брата, обязаннаго быть для подданныхъ образцемъ добродѣтелей! Нравы, уже и безъ того растлѣнные, испорченные, придутъ еще въ вятшее развращеніе чрезъ пагубный примѣръ стоящаго при самыхъ ступеняхъ престола, занимающаго первое по Государѣ мѣсто. Повѣрь мнѣ, любезный К. П. единою прелестію неизмѣняющейся добродѣтели можемъ мы внушить народамъ сіе о нашемъ превосходствѣ увѣреніе, которое обще съ чувствованіемъ благоговѣйнаго почитанія утверждаетъ спокойствіе въ имперіи. При малѣйшемъ же хотя въ одной чертѣ сей добродѣтели нарушеніи, общее мнѣніе ниспровергается, почтеніе къ Государю и къ Его роду погибаетъ, безпорядки, въ царскомъ

домѣ происходящіе, разглашаются, любовь подданныхъ погасаетъ и престолъ потрясается. Ваше мѣсто обязываетъ васъ полнымъ самаго себя пожертвованіемъ для государства, коего польза и все превышающій непреложный долгъ созидать благо онаго возбраняетъ чисто, подобно вамъ, вышнюю степень въ имперіи занимающему, утѣшенія, всѣмъ безъ изъятія членамъ общества дозволяемыя — намъ же, дабы несодѣяться чрезъ примѣръ нашъ опасными, отказанныя. Сихъ размышленій въ отношеніи ихъ къ пользѣ государственной, достаточно было на то, чтобы откинуть и самую возможность вашего развода. Но изъ за сего обратитесь къ самому себѣ и вопросите совѣсть свою, оправдаетъ ли она вѣтренность, горячность, вспыльчивость при началѣ несогласія между вами и великой княгинею существующаго, оказанныя вами, вопреки сильнѣйшихъ моихъ представленій. При возвращеніи вашемъ изъ инспекціи, въ послѣднюю осень царствованія покойнаго отца вашего, когда я въ присутствіи брата вашего просила, умоляла васъ жить въ супружескомъ съ женою дружелюбіи, вы противу всѣхъ стараній матери вашей остались непреклонны. Спросите, говорю я сами у себя — коризны сердца вашего дозволяютъ ли вамъ помыслить о разводѣ. Углубитеся въ тѣ важныя разсужденія, которыя я вамъ представила и взвѣсьте ихъ, разсмотрите въ подробности ихъ слѣдствія и потомъ отвѣтствуйте сами себѣ, съ правотою совѣсти — строгій вы тамъ отчетъ вышнему существу дать долженствуете — отвѣтствуйте, какая причина побуждаетъ васъ желать обнародованіе развода; тогда когда оный съ согласія вашего брата и съ моего въ тайнѣ почти существуетъ чрезъ отлученіе отъ васъ великой княгини, съ которою

вы уже никакого сношенія не имѣете? Но при семъ вещей положеніи мы по крайней мѣрѣ до сихъ поръ избѣгали явнаго соблазна. Почто же итти еще далѣе, когда всѣ выше приведенные доводы и внутреннее чувствованіе совѣсти вамъ упрекающей, налагаетъ на васъ непреложный долгъ довольствоваться настоящимъ положеніемъ? Отвѣчайте себѣ съ искренностью на вопросъ сей!

Не выдавайте мнѣ, любезный мой Константинъ Павловичъ, за истинную — суетную сію причину, будто вы думаете, что честь ваша требуетъ разрушенія вашего союза, ибо я вамъ со всею публикою отвѣтствовать буду, что чрезъ сіе оскорблена бы была добрая слава той, которая носитъ имя ваше, что было бы не простительно и сверхъ того, явно показавъ себя легкомысленнымъ и равнодушнымъ на счетъ репутаціи жены своей, какъ вы то сдѣлали, говоря объ ней въ передней комнатѣ отца вашего, въ чемъ и сами мнѣ признались.

Послѣ сего уже не можно толь скоропостижно перемѣнить вашъ образъ мыслей безъ того, чтобы не подвергнуть себя посмѣянію, или не заставить сомнѣваться въ вашей правдивости; ибо никто вами убѣжденъ не будетъ. Впрочемъ повѣрьте мнѣ, любезный мой Константинъ Павловичъ, не станемъ входить ни въ какія разсматриванія взаимнаго поведенія и предадимъ его забвенію.

Послѣднимъ письмомъ вашимъ, которое я нѣсколько разъ перечитывала, вы испрашивая моего на разводъ вашъ съ супругою согласія, утверждаете желаніе свое на томъ, что здоровье ваше будто бы въ упадокъ приходящее, того требуетъ. И такъ я должна предполагать, что здоровье ваше паче всего заставляетъ васъ желать сего пагубнаго развода

и что вы хотите, положа конецъ вашему теперешнему состоянію, отстать скоро отъ зловредныхъ вашихъ обычаевъ. Буде подлинно вы симъ побуждаемы, и естьли строго испытавъ себя, не смотря на всю силу и важность моихъ представленій, вы скажете мнѣ, что желаете развода съ тѣмъ единственно, чтобы опять жениться и примѣромъ безпорочнаго и счастливаго союза загладить соблазнъ, разрушеніемъ перваго брака причиненный: тогда хотя и останется навсегда въ сердцѣ моемъ чувствованіе скорби, сею жестокою необходимостью въ немъ произведенное; но въ томъ одномъ и единственномъ случаѣ дозволяю я разсматриваніе сего предмета, когда вы предварительно и съ непремѣнностью опредѣлите выборъ, васъ достойный, дабы учинить оный соотвѣтственно рожденію вашему. Поѣзжайте въ чужіе края; въ пребываніе ваше у разныхъ дворовъ владѣтельныхъ князей Германіи изберите себѣ невѣсту, во всѣхъ отношеніяхъ вамъ достойную. Какъ скоро утвердитесь въ вашемъ выборѣ и получите отъ императора и отъ меня дозволеніе, тогда на разводъ вашъ я изъявлю свое согласіе; на семъ только условіи признаю я возможность онаго — когда выборъ вашъ утвержденъ будетъ, ибо соблазнъ въ тужъ минуту долженъ быть заглаженъ новымъ союзомъ соотвѣтственнымъ законамъ, почитаемымъ отъ особъ, вамъ подобныхъ, кои обязаны избирать въ супруги породою себѣ равныхъ.

Не изрѣченіе развода возвратитъ вамъ здоровье, но житіе порядочное и союзъ, закономъ одобряемый. И такъ повторяю вамъ, любезный мой Константинъ Павловичъ, что на семъ токмо одномъ и единственномъ условіи вы можете получить отъ меня дозволеніе. Молодой человѣкъ лѣтъ вашихъ смотритъ

токмо на настоящую минуту; но та, отъ которой вы жизнь приняли, которая есть и всегда будетъ лучшимъ вашимъ другомъ, за васъ простираетъ взоръ свой въ будуще, и хочетъ спасти васъ отъ раскаянія и несчастія, и отнявъ у васъ и у потомства вашего возможность порицать тѣхъ, кому провидѣніе ввѣрило старанія о благѣ вашемъ. О великій Боже! кто паче матери имѣетъ долгъ пещись объ ономъ! Вотъ мои намѣренія, мой любезный Константинъ Павловичъ, они непоколебимы: всѣ совокупно должности мои чинятъ оныя на всегда непремѣнными, ибо они основаны на обязанностяхъ моихъ къ государству, драгоцѣннѣйшему праху покойнаго отца вашего и къ самимъ вамъ. Соблюдать ихъ наисвятѣйше обѣщаюсь предъ вами и предъ моею совѣстію.

Марія.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Въ памяти всѣхъ не можетъ не быть запечатлѣннымъ, образъ цесаревича Константина Павловича; одаренный замѣчательною физическою силою, будучи средняго роста, довольно строенъ, нѣсколько сутуловатъ, онъ имѣлъ физіогномію поражавшую всѣхъ своею оригинальностью и отсутствіемъ пріятнаго выраженія. Пусть всякій представитъ себѣ лицо съ носомъ весьма малымъ и вздернутымъ къ верху, у котораго густая растительность лишь въ двухъ точкахъ надъ глазами замѣняла брови; носъ ниже переносицы былъ украшенъ нѣсколькими свѣтлыми волосиками, кои, едва замѣтные при спокойномъ состояніи его духа, приподнимались вмѣстѣ съ бровями въ минуты гнѣва. Неглупый отъ природы, нелишенный доброты, въ особенности относительно близкихъ къ себѣ, онъ остался до конца дней своихъ полнымъ невѣжею. Нелюбя опасностей по причинѣ явнаго недостатка въ мужествѣ, будучи одаренъ душею мѣлкою,

неспособною ощущать высокихъ порывовъ, цесаревичь, въ коемъ не рѣдко проявлялось разстройство разсудка, имѣлъ много сходственнаго съ отцемъ своимъ, съ тѣмъ однако различіемъ, что умственное поврежденіе императора Павла, которому нельзя было отказать въ замѣчательныхъ способностяхъ и рыцарскомъ благородствѣ, было послѣдствіемъ тѣхъ ужасныхъ обстоятельствъ, среди которыхъ протекла его молодость и полнаго недостатка въ воспитаніи; а у цесаревича, коего образованіемъ также весьма мало занимались, оно по видимому было наслѣдственнымъ. Цесаревичь говорилъ однажды нѣкоторымъ изъ ближайшихъ къ себѣ особъ: „Не смѣя обвинять отца моего, я „не могу однако не сказать, что императрица Ека„терина, обративъ все свое вниманіе на брата „моего Александра, вовсе не занималась мною въ „дѣтствѣ.“ Будучи предоставленъ самому себѣ, вовсе не любя, подобно и младшимъ братьямъ своимъ, умственныхъ занятій, онъ не былъ окруженъ съ самаго дѣтства своего наставниками, отъ которыхъ императоръ Александръ заимствовалъ тѣ возвышенные взгляды на вещи, тотъ просвѣщенный умъ, ту очаровательную обходительность въ обращеніи, которыя не могли не произвести обаятельнаго дѣйствія на самаго Наполеона. Конечно, блестящій ученикъ Лагарпа, коего подозрительный и завистливый характеръ не мало всѣмъ извѣстенъ, не былъ лишенъ недостатковъ; вполнѣ женственное кокетство этаго Агамемнона новѣйшихъ временъ было очень замѣчательнымъ. — Я полагаю, что это было главною причиною того, почему онъ съ такою скромностью не разъ отказывался отъ подносимой ему Георгіевской ленты, которой черныя и желтыя полосы не могли идти къ блондину, какимъ

былъ императоръ Александръ. Но эту слабость, столь несвойственную и непростительную мужчинѣ, онъ вполнѣ искупалъ тонкимъ, просвѣщеннымъ умомъ, мужествомъ, хладнокровіемъ и очаровательнымъ обращеніемъ. Но великій князь Константинъ Павловичъ рѣзко отличался во всѣхъ отношеніяхъ отъ своего брата; тоже отсутствіе образованія было замѣтно и въ младшихъ его братьяхъ, коихъ воспитаніемъ занималась императрица Марія Ѳеодоровна. — Столь высокая обязанность далеко превосходила силы этой добродѣтельнѣйшей царицы, не обнаруживавшей никогда большаго ума и не мало любившей придворный этикетъ. Она однажды сказала князю Н. И. Багратіону, назначаемому въ началѣ царствованія императора Александра лѣтнимъ комендантомъ Павловска: „Любезный князь, „прикажите производить смѣну карауловъ безъ „музыки, а то дѣти, услышавъ барабанъ или ро„жекъ, бросаютъ свои занятія и бѣгутъ къ окну; „послѣ того они въ теченіи всего дня не хотятъ „ни чѣмъ другимъ заняться.“ Вступивъ на дѣйствительную службу, цесаревичъ, бывшій неумолимо взыскательнымъ начальникомъ относительно своихъ подчиненныхъ, дозволялъ себѣ нерѣдко, въ порывѣ своего звѣрства, бить юнкеровъ, кои не обнаруживали быстрыхъ успѣховъ въ знаніи службы. Участвовавъ въ италіанской войнѣ, онъ имѣлъ при себѣ, въ качествѣ наставника и руководителя, безстрашнаго и благороднаго генерала Дерфельдена, высоко уважаемаго самимъ Суворовымъ. Будучи однажды не довольнымъ распоряженіемъ цесаревича, Суворовъ отдалъ въ своихъ замѣткахъ слѣдующее: „Зелено, молодо, и не въ свое дѣло прошу не вмѣшиваться“, встрѣчаясь съ нимъ, Суворовъ говаривалъ ему обыкновенно:

„Кланяюсь сыну великаго моего государя.“ Въ теченіи этой войны цесаревичъ, оцѣнивъ блестящія достоинства князя Багратіона, не переставалъ питать къ нему чувство самой искренней пріязни. Завѣдуя въ началѣ царствованія императора Александра Днѣстровскою инспекціею, онъ квартировалъ въ Дубно, куда еще съѣзжались со всѣхъ сторонъ на время контрактовъ множество помѣщиковъ, и торговцевъ; онъ здѣсь сблизился съ генераломъ Бауеромъ, высылавшимъ цѣлые эскадроны гусаръ для конвоированія контрабандистовъ, удѣлявшихъ ему за то значительную долю изъ своихъ барышей. Предаваясь пьянству съ Бауеромъ и Пассекомъ (отравившимъ себя послѣ событія 14 декабря 1825 года), цесаревичъ нерѣдко позволялъ себѣ съ ними весьма неприличныя выходки. Такъ на примѣръ, они, будучи одѣты въ мундирахъ, катались по городу безъ нижняго платья. Но за то на службѣ, во время похода или дороги, цесаревичъ, недозволявшій себѣ ради удобства ни малѣйшаго отступленія отъ формы, былъ по истинѣ мученикомъ безумно-понимаемаго имъ долга. Хотя онъ никогда не обнаруживалъ отваги на полѣ брани, но на военномъ совѣтѣ, въ 1812 году, въ Смоленскѣ, онъ предложилъ наступательное противъ непріятеля движеніе. Въ послѣдствіи Барклай, недовольный тѣмъ, что окружающіе цесаревича дозволяли себѣ публично порицать его дѣйствія и стѣсняясь присутствіемъ его въ арміи, рѣшился выслать его подъ благовиднымъ предлогомъ въ Петербургъ; ему было поручено лично передать государю письмо важнаго содержанія. Онъ былъ заблаговременно извѣщенъ объ этомъ намѣреніи главнокомандующаго, начальникомъ штаба Ермоловымъ и правителемъ канцеляріи Барклая, Закревскимъ. По уста-

новленіи русскаго владычества въ Варшавѣ, цесаревичъ, сначала довольно-милостивый къ полякамъ, далъ вскорѣ полную волю своему дикому, необузданному нраву. Посѣщая полки во время ученьевъ, онъ нерѣдко, въ припадкахъ бѣшенаго гнѣва, врѣзываясь въ самые ряды войскъ, осыпалъ всѣхъ самыми неприличными бранными словами. Онъ говаривалъ начальникамъ, при всѣхъ: „Vous n'êtes „que des cochons et des misérables, c'est une „vraie calamité que de vous avoir sous mon commandement. *Я вамъ задамъ конституцію.*“ Вообще хотя въ эпоху правленія Польшею цесаревича, заботливостью нашего правительства благосостояніе этой страны было увеличено, но это было вполнѣ тяжкое для поляковъ время. Никакія заслуги, никакія добродѣтели не спасали тѣхъ, кои имѣли несчастіе заслужить неблаговоленіе цесаревича, дѣйствовавшаго лишь по своему капризному произволу. Хотя онъ долгое время видѣлъ лишь зрѣлище любви и подобострастія къ себѣ въ полякахъ, но сердца ихъ не могли быть преисполнены большою къ нему нѣжностью. Отсутствіе личнаго права, несправедливыя дѣйствія цесаревича и безумное злоупотребленіе силы не могли не возбудить всеобщаго негодованія. Къ довершенію всего, онъ, въ припадкахъ ярости, часто лично наказывалъ тѣхъ, кои возбуждали его подозрѣніе. Этотъ порядокъ вещей не могъ долго продолжаться; мы видѣли, что ничтожное покушеніе нѣсколькихъ подпрапорщиковъ послужило сигналомъ къ явному противъ насъ возстанію. Но цесаревичъ, столь дерзкій во фронтѣ, былъ у себя во дворцѣ отмѣнно вѣжливъ относительно всѣхъ. Во время обѣдовъ во дворцѣ на одномъ концѣ стола сидѣлъ обыкновенно самъ цесаревичъ, а на противоположномъ

Курута, около котораго тѣснились всѣ любившіе выпить хорошаго вина, въ коемъ ощущался недостатокъ на половинѣ его высочества, довольствовавшагося въ послѣднее время одною рюмкою посредственнаго вина. Цесаревичъ, воспитанный лишь для парадовъ и разводовъ, чувствовалъ себя весьма неловкимъ среди дамской компаніи. Однажды онъ, полагая необходимымъ поддерживать разговоръ, разсказалъ въ одномъ изъ значительнѣйшихъ домовъ Варшавы о непріятностяхъ, возникшихъ между нимъ и его женою. Я никогда не пользовался особымъ благоволеніемъ царственныхъ особъ, коимъ мой образъ мыслей, хотя и монархическій, не совсѣмъ нравился, а потому я убѣдился по опыту, что между ними и частными людьми близкихъ отношеній существовать неможетъ и недолжно. Мудрость частнаго человѣка, какъ бы высоко ни стоялъ онъ на служебной лѣстницѣ, должна заключаться въ томъ, чтобы постоянно держать себя въ почтительномъ отъ нихъ отдаленіи, имѣя у себя всегда готовый имъ отвѣтъ. Хотя цесаревичъ не могъ имѣть дѣтей по причинѣ физическихъ недостатковъ, но госпожа Фридрихсъ, мужъ которой возвысился изъ фельдъегерей до званія городничаго, сперва въ Луцкѣ, а потомъ въ Дубно, будтобы родила отъ него сына, названнаго Павломъ Константиновичемъ Александровымъ. Хотя е. и. в. лучше чѣмъ кто либо могъ знать, что это былъ не его сынъ, и даже не сынъ Г-жи Фридрихсъ, надѣявшейся этимъ средствомъ привязать къ себѣ навсегда великаго князя, но онъ очень полюбилъ этого мальчика; состоявшій при немъ медикъ, будучи облагодѣтельствованъ его высочествомъ, и терзаемый угрызеніемъ совѣсти, почелъ нужнымъ открыть истину цесаревичу, успокоившему его объявле-

ніемъ, что онъ уже объ этомъ обстоятельствѣ давно зналъ. Надобно отдать справедливость, что Г-жа Фридрихсъ, не показываясь нигдѣ съ великимъ княземъ, вела себя весьма скромно; во время расположенія гвардіи въ окрестностяхъ Вильны предъ самою отечественною войною, она появлялась на празднествахъ въ сопровожденіи какого либо угодливаго штабъ-офицеря. Однажды, послѣ отъѣзда государя и императрицы Маріи Федоровны, говорившихъ безъ сомнѣнія цесаревичу о возможности для него вступить на престолъ, онъ сказалъ нѣкоторымъ изъ своихъ окружающихъ: „Я эту „шапку и самъ надѣть съумѣю.“ Возвращаясь въ 1815 году, изъ Вѣны въ Варшаву, цесаревичъ, проѣзжая чрезъ Краковъ, поспѣшилъ навѣстить больнаго Ермолова, который сказалъ ему: „Вы, „в. и. в., спѣшите въ свое вице-королевство“, на что цесаревичъ отвѣчалъ: „Ты все шутишь, а я „нахожу, что было бы гораздо полезнѣе учредить „въ Польшѣ русскихъ губернаторовъ и исправни„ковъ.“ Цесаревичъ, никогда не любившій Барклая говаривалъ о немъ въ этомъ же году: „За„чѣмъ у него такой большой штабъ? Онъ вѣ„роятно хочетъ подражать Потемкину, но этотъ „лишь по волѣ императрицы окружалъ себя во „время войны съ турками большою свитою, затѣмъ, „чтобы при заключеніи мира она не уступала свитѣ „турецкаго паши; впрочемъ у насъ есть свой фельд„маршалъ въ Краковѣ.“ Онъ разумѣлъ Ермолова.)

Около 1820 года цесаревичъ познакомился со вдовою Грудзинскою, имѣвшею трехъ дочерей. Необыкновенная красота и превосходное воспитаніе трехъ сестеръ, которыя были этимъ обязаны одной англичанкѣ, избранной покойнымъ ихъ отцемъ, не могли не привлечь вниманія цесаревича;

онъ былъ, можно сказать, обвороженъ одною изъ нихъ. Вдова Грудзинская, замѣчательная по своимъ ограниченнымъ способностямъ, вступила во второй бракъ съ гофмаршаломъ Броницомъ, человѣкомъ весьма веселаго свойства и отличнымъ собутыльникомъ, у котораго во время семилѣтняго странствованія по чужимъ краямъ было конфисковано и продано самымъ беззаконнымъ образомъ его имѣніе. Этихъ трехъ дѣвицъ ожидали различныя судьбы: на одной изъ нихъ женился Гутаковскій, котораго императоръ Александръ назначилъ своимъ флигель-адъютантомъ; на другой одаренной замѣчательнымъ умомъ — женился полковникъ Хлаповскій, весьма способный отъ природы человѣкъ, бывшій нѣкогда флигель-адъютантомъ (officier d'ordonnance) Наполеона; вынужденный цесаревичемъ оставить русскую службу, онъ проживалъ обыкновенно въ Познани. На третьей, получившей титулъ княгини Ловичь, женился самъ цесаревичь, утратившій чрезъ это право на всероссійскій престолъ.

Прибывъ въ 1826 году въ Москву для присутствованія во время обряда коронованія императора Николая, цесаревичь былъ встрѣченъ симъ послѣднимъ на дворцовой лѣстницѣ; государь, ставъ на колѣни предъ братомъ, обнялъ его колѣни; это вынудило цесаревича сдѣлать тоже самое. Такимъ образомъ свидѣлись оба царственные брата предъ коронованіемъ, по совершеніи котораго цесаревичь, выходя изъ собора, сказалъ Ѳ. П. Опонинину: „Теперь я отпѣтъ.“ Цесаревичь, которому публика и народъ оказывали лучшій пріемъ чѣмъ государю, постоянно уѣзжалъ съ баловъ и театровъ нѣсколько ранѣе своего брата.

Въ послѣднее время состарѣвшійся цесаревичь крайне опустился: онъ, который прежде не выхо-

дилъ изъ мундира, проснживалъ по цѣлымъ часамъ въ халатѣ и туфляхъ; страдая ногами, онъ даже съ трудомъ садился на лошадь. Не являясь по цѣлымъ недѣлямъ на разводы, онъ однажды сказалъ: „Если поляки плюнутъ мнѣ въ глаза, я лишь имъ „дозволю обтереть себя.“ Любя поляковъ по своему, онъ, какъ единогласно всѣ утверждаютъ, восхищаясь во время войны дѣйствіями ихъ противъ насъ, не разъ восклицалъ: „Каковы мои! молодцами дерутся.“ Онъ думалъ послѣ окончанія войны просить себѣ мѣста военнаго губернатора въ Твери, въ память довольно-продолжительнаго пребыванія великой княгини Екатерины Павловны въ этомъ городѣ. Во время войны цесаревичъ, котораго Хлаповскій, сдѣлавшійся партизаномъ, называлъ въ своихъ письмахъ, cher beau-frère, и угрожалъ захватить въ плѣнъ, находился при нашей арміи. Опасаясь плѣна, онъ выслалъ нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ его особъ въ Слонимъ и самъ въ сопровожденіи большаго конвоя отправился въ Витебскъ, гдѣ и умеръ отъ холеры. Вскорѣ послѣ него скончалась въ Царскомъ Селѣ княгиня Ловичь, въ слѣдствіе полнаго разложенія внутренностей.

Цесаревичъ, никогда не принадлежавшій къ числу безстрашныхъ героевъ, въ чемъ я не одинъ разъ имѣлъ случай лично убѣдиться, страстно любилъ, подобно братьямъ своимъ, военную службу; но для лицъ, неодаренныхъ возвышеннымъ взглядомъ, любовью къ просвѣщенію, истиннымъ пониманіемъ дѣла, военное ремесло заключается лишь въ несносно- педантическомъ, убивающемъ всякую умственную дѣятельность парадированіи. Глубокое изученіе ремешковъ, правилъ вытягиванія носковъ, равненія шеренгъ и выдѣлыванія ружейныхъ пріе-

мовъ, коими щеголяютъ всѣ наши фронтовые генералы и офицеры, признающіе уставъ верхомъ непогрѣшимости, служатъ для нихъ источникомъ самыхъ высокихъ поэтическихъ наслажденій. Потому и ряды арміи постепенно наполняются лишь грубыми невѣждами, съ радостью посвящающими всю свою жизнь на изученіе мелочей военнаго устава; лишь это знаніе можетъ дать полное право на командованіе различными частями войскъ, что приноситъ этимъ личностямъ значительныя, беззаконныя, матеріальныя выгоды, которыя правительство по видимому поощряетъ. Этотъ порядокъ вещей получилъ, къ сожалѣнію, полную силу и развитіе со времени вступленія на престолъ императора Николая; онъ и братъ его великій князь Михаилъ Павловичъ не щадятъ ни усилій, ни средствъ для доведенія этой отрасли военнаго искуства до самаго высокаго состоянія. И подлинно, относительно равненія шеренгъ и выдѣлыванія темповъ, наша армія безспорно превосходитъ всѣ прочія. Но, Боже мой! каково большинство генераловъ и офицеровъ, въ коихъ убито стремленіе къ образованію, въ слѣдствіе чего они ненавидятъ всякую науку. Эти бездарные невѣжды, истые-любители изящной ремешковой службы, полагаютъ, въ премудрости своей, что война, ослабляя пріобрѣтенныя войскомъ въ мирное время фронтовыя свѣдѣнія, вредна лишь для него. Какъ будто бы войско обучается не для войны, но исключительно для мирныхъ экзерцицій на Марсовомъ полѣ. Прослуживъ не одну кампанію, и сознавая по опыту пользу строеваго образованія солдатъ, я никогда не дозволю себѣ безусловно отвергать полезную сторону военныхъ уставовъ; изъ этого однако не слѣтуетъ, чтобы я признавалъ

пользу системы, основанной лишь на обремененіи и притупленіи способностей изложеніемъ неимовѣрнаго количества мелочей, не поясняющихъ, но крайне затемняющихъ дѣло. Я полагаю, что надлежитъ весьма остерегаться того, чтобы начертаніемъ общихъ правилъ стѣснять частныхъ начальниковъ, отъ большаго или меньшаго умственнаго развитія коихъ должно вполнѣ зависѣть приложеніе къ дѣлу изложенныхъ въ уставѣ правилъ. Налагать оковы на даровитыя личности и тѣмъ затруднять имъ возможность выдвинуться изъ среды невѣжественной посредственности — это верхъ безсмыслія. Такимъ образомъ можно достигнуть лишь слѣдующаго: бездарные невѣжды, отличающіеся самимъ узкимъ пониманіемъ дѣла, окончательно изгонятъ отовсюду способныхъ людей, которые, убитые безсмысленными требованіями, не будутъ имѣть возможности развиться для самостоятельнаго дѣйствія и безусловно подчинятся большинству. Грустно думать, что къ этому стремится правительство, не понимающее истинныхъ требованій вѣка, и какія заботы и огромныя матеріальныя средства посвящены имъ на гибельное развитіе системы, которая, если продлится на долго, лишитъ Россію полезныхъ и способныхъ слугъ. Не дай Боже убѣдиться намъ на опытѣ, что не въ одной механической формалистикѣ заключается залогъ всякаго успѣха. Это страшное зло не уступаетъ конечно, по своимъ послѣдствіямъ, татарскому игу! — Мнѣ, уже состарѣвшемуся въ старыхъ, но несравненно болѣе свѣтлыхъ понятіяхъ, не удастся видѣть эпоху возрожденія Россіи. Горе ей, если къ тому времени, когда дѣятельность умныхъ и свѣдущихъ людей будетъ ей наиболѣе необходима, наше правительство бу-

детъ окружено лишь толпою неспособныхъ и упорныхъ въ своемъ невѣжествѣ людей. Усилія этихъ лицъ недопускать до него справедливыхъ требованій вѣка могутъ ввергнуть государство въ рядъ страшныхъ золъ.

Начальникомъ главнаго штаба и гофмейстеромъ двора цесаревича, находился графъ Дмитрій Дмитріевичъ Курута. Этотъ хитрый, но неспособный грекъ пользовался большимъ довѣріемъ великаго князя, и снискалъ признательность многихъ поляковъ, кои могли весьма легко содѣлаться жертвами бѣшенаго и своенравнаго цесаревича. Въ минуты безумнаго гнѣва, когда онъ, съ пѣною у рта, приказывалъ строго наказать виновнаго, имѣвшаго несчастіе возбудить эту бурю какимъ нибудь ничтожнымъ отступленіемъ отъ установленныхъ формъ, Курута успокоивалъ цесаревича словами: „Цейцасъ будетъ изполнено.“ Давъ время успокоиться его высочеству, Курута успѣвалъ большею частью убѣдить его смягчить свои приговоры. Хотя эти дѣйствія Куруты заслуживали величайшихъ похвалъ, но неспособность его и другія свойства не могли внушать къ нему большаго уваженія. Хотя и носились слухи, что Курута, любившій жить открыто и весело, не отказывался отъ приношеній городскихъ жителей, но онъ не оставилъ однако послѣ себя большаго состоянія. Я слыхалъ отъ многихъ, что навѣщавшіе его каждый вечеръ, полковые командиры, проигрывали ему суммы значительныя, кои онъ издерживалъ на угощеніе своихъ посѣтителей. Не взирая на благоволеніе цесаревича, Курутѣ нерѣдко приходилось выслушивать строгія и оскорбительныя замѣчанія его высочества. Братъ мой однажды, увидѣвъ случайно, что разъяренный цесаревичъ говорилъ

что-то Курутѣ съ особеннымъ жаромъ на греческомъ языкѣ, освѣдомился у него о значеніи одного изъ сказанныхъ ему словъ. Курута отвѣчалъ ему весьма хладнокровно: „C'est du j... „f..., mon cher, mais dans la meilleure accepta„tion du mot“ (т. е. нѣчто въ родѣ еб... м..., но только въ лучшемъ значеніи слова).

Услыхавъ однажды о томъ, что Курута получилъ въ одно время знаки бѣлаго и краснаго орловъ, я невольно воскликнулъ: „На эту ст...ву слетаются „всѣ хищныя птицы.“ Завѣдуя въ послѣдствіи войсками, входившими въ составъ резервной арміи графа Толстаго, Курута имѣлъ дѣло съ поляками близъ Вильны на Понарской горѣ: оно безъ сомнѣнія не кончилось-бы въ нашу пользу, если бы Куруту не выручилъ генералъ Сакенъ (Дмитрій Ерофѣевичъ).

Хотя цесаревичъ, бывшій яростнымъ врагомъ либерализма, не терпѣлъ ни малѣйшаго возраженія или противорѣчія со стороны своихъ подчиненныхъ, онъ однако простиралъ до того свое благоволеніе къ А. П. Ермолову, которому онъ оказывалъ покровительство въ самой войны 1805 года, что нерѣдко терпѣливо выслушивалъ рѣзкія замѣчанія этого генерала. Цесаревичъ, любившій Ермолова, отзывался о немъ въ слѣдующихъ словахъ: „Ер„моловъ въ битвѣ дерется какъ левъ, а чуть сабля „въ ножны, никто отъ него не узнаетъ, что онъ „участвовалъ въ бою. Онъ очень уменъ, всегда „веселъ, очень остеръ и весьма часто до дерзости.“ Письма свои къ Ермолову Е. В. начиналъ слѣдующимъ образомъ: „Любезнѣйшій, почтеннѣйшій, хра„брѣйшій другъ и товарищъ.“ Въ одномъ изъ нихъ, писанномъ еще въ 1818 году, находится слѣдующее мѣсто: „Вы, вспоминая древнія римскія вре-

„мена, теперь проконсуломъ въ Грузіи, а я префек-
„томъ или начальствующимъ легіонами на границѣ
„Европы или лучше сказать въ срединѣ оной.“
Въ другомъ письмѣ того же года цесаревичъ, иногда
называвшій Ермолова Патеромъ Груберомъ, пи-
шетъ ему между прочимъ: „Я всегда былъ и буду
„одинаковъ съ моею къ вамъ искренностью, и отъ
„того между нами та разница, что я всегда къ
„вамъ былъ какъ въ душѣ, такъ и на языкѣ, а
„вы — любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ и то-
„варищъ, иногда съ обманцомъ бывали.“

Ермоловъ имѣлъ не разъ съ цесаревичемъ весьма сильныя столкновенія, которыя для другаго могли бы повлечь за собою очень непріятныя послѣдствія. Однажды передъ самою отечественною войною Е. И. В., оставшись недовольнымъ фронтовымъ образованіемъ баталіона гвардейскаго морскаго экипажа, коимъ командовалъ капитанъ-командоръ Карцовъ, выѣхавшій на смотръ на лошади, убранной лентами и бубенчиками, велѣлъ написать на его имя весьма строгій выговоръ; этотъ приказъ, написанный дежурнымъ штабъ-офицеромъ Кривцовымъ, былъ въ присутствіи Е. И. В. предварительно прочтенъ всѣмъ частнымъ начальникамъ; когда Кривцовъ готовился уже выдти изъ комнаты для отданія приказа въ печать, Ермоловъ, командовавшій въ то время гвардейскою пѣхотною дивизіею, въ составъ которой входилъ и гвардейскій морскій экипажъ, сказалъ ему: „Приказъ хорошъ, но онъ не
„долженъ быть извѣстенъ за порогомъ квартиры
„его высочества.“ Такимъ образомъ этотъ приказъ, заключавшій въ себѣ выраженія оскорбительныя для храбрыхъ моряковъ, и бывшій вполнѣ несвоевременнымъ, ибо въ это время полчища Наполеона готовились уже переступить Нѣманъ, не

былъ никогда обнародованъ. Весьма замѣчательно что это не возбудило гнѣва цесаревича, и не вызвало ни малѣйшаго съ его стороны замѣчанія.

Получивъ въ томъ же году извѣстіе объ отдѣленіи корпуса графа Витгенштейна, Ермоловъ въ разговорѣ своемъ съ цесаревичемъ, назвалъ это *придворнымъ маневромъ*. „Помилуй, братецъ“, сказалъ цесаревичъ, „это тебѣ такъ кажется, а „сестра Екатерина Павловна не знаетъ гдѣ родить.“ На это Ермоловъ отвѣчалъ: „Возможно ли, что бы „Наполеонъ, идя на Москву, послалъ корпусъ на „Петербургъ, d'autant plus qu'il peut être tourné „et culbuté dans la Baltique.“ Онъ бился объ закладъ, что непріятель не пройдетъ чрезъ Псковскіе лѣса и болота, за 30 червонцевъ, которые были ему выданы Курутою.

Однажды въ 1815 году, великая княгиня Екатерина Павловна просила цесаревича представить ей Ермолова. Увидавъ его, она сказала ему: „Я „желала весьма съ вами познакомиться; я слышала, „что графъ Витгенштейнъ и другіе преслѣдуютъ „васъ и успѣли даже очернить васъ въ глазахъ „государя.“ Ермоловъ отвѣчалъ ей: „Эти господа „несправедливо обвиняютъ меня лишь за тѣмъ, „чтобы оправдать свои неудачи: они подражаютъ „Наполеону, который свое пораженіе подъ Лейп„цигомъ приписываетъ лишь полковнику, слишкомъ „рано взорвавшему мостъ; чтоже касается до „неблаговоленія государя, я, будучи награжденъ „наравнѣ съ лицами, къ коимъ его величество наи„болѣе милостивъ, не имѣю повода замѣчать этого.“ Цесаревичъ сказалъ ей: „Ты, матушка, слывешь „у насъ въ семьѣ вострухою, непускайся съ нимъ „слишкомъ далеко, потому что онъ тебя двадцать „разъ продастъ и выкупитъ.“ Ермоловъ сказалъ

великой княгинѣ: „Я почитаю себя весьма не-
„счастливымъ тѣмъ, что небудучи извѣстенъ В. В.,
„я представленъ вамъ въ столь неблагопріятномъ
„свѣтѣ его высочествомъ, который безспорно пер-
„вый іезуитъ.“ Цесаревичь, разсердившись, гнѣвно спросилъ: „А почему?“ Въ отвѣтъ на это Ермоловъ указалъ ему на вензель государя, украшавшій генералъ-адъютанскіе эполеты, лишь за два дня передъ тѣмъ пожалованные цесаревичу. Великая княгиня расхохоталась.

Однажды, съ 1814 году, былъ назначенъ во Франкфуртѣ парадъ, на который опоздалъ прибыть съ полкомъ мужественный флигель-адъютантъ Удомъ, командовавшій л. гвардіи литовскимъ полкомъ. — Хотя этотъ полкъ явился на смотръ за долго до прибытія государя, но разгнѣванный цесаревичь повторилъ два раза Ермолову приказаніе арестовать сего штабъ-офицера: такъ какъ оно было ему объявлено передъ фронтомъ, то Ермоловъ былъ вынужденъ лишь безмолвно опустить свою саблю. Когда, по окончаніи смотра, Е. И. В. еще разъ подтвердилъ это приказаніе, Ермоловъ смѣло возразилъ ему: „Виноватъ во всемъ я, а не Удомъ, „а потому я къ саблѣ его присоединю и свою; „снявъ съ себя однажды эту саблю, я конечно ее въ другой разъ не надѣну.“ Это обезоружило цесаревича, который ограничился легкимъ выговоромъ Удому.

Въ 1815 году Ермоловъ, находясь близъ государя и цесаревича на смотру англійскихъ войскъ, съ коими Веллингтонъ повторялъ маневръ, употребленный имъ въ сраженіи при Витторіи, обратилъ вниманіе государя и великаго князя на одного англійскаго офицера, одѣтаго и маршировавшаго съ крайнею небрежностью. На отвѣтъ государя:

„Что съ нимъ дѣлать? вѣдь онъ лордъ.“ Ермоловъ отвѣчалъ: „Почему же мы не лорды?“

Въ 1821 году Ермоловъ, будучи вызванъ изъ Грузіи въ Лайбахъ для начальствованія надъ союзною арміею въ Италіи, былъ встрѣченъ въ Варшавѣ съ большою торжественностью; цесаревичъ, приготовивъ ему квартиру и караулъ со знаменемъ, приказалъ всѣмъ своимъ министрамъ представиться ему: Ермоловъ, не принявшій этихъ почестей, остановился въ гостинницѣ. Избѣгая оффиціальныхъ встрѣчъ съ польскими министрами, онъ выѣхалъ изъ гостинницы весьма рано утромъ. Многіе генералы и полковые командиры, къ коимъ цесаревичъ не благоволилъ, зная милостивое расположеніе Е. И. В. къ Ермолову, просили его похвалить во время смотра завѣдываемыя ими части. Въ самомъ дѣлѣ похвалы Ермолова этимъ частямъ войскъ не остались безъ послѣдствій; по окончаніи смотра Е. И. В. объявилъ имъ свою признательность. Цесаревичъ, имѣя въ виду, чтобы, во время парадовъ всѣ почести были-бы отдаваемы Ермолову, а не ему, постепенно осаживалъ свою лошадь: это вынуждало Ермолова дѣлать тоже самое, но такъ какъ великій князь не переставалъ осаживать своей лошади, то Ермоловъ въ присутствіи многихъ генераловъ сказалъ ему: „Вы меня, Е. И. В., заставите явно „ослушаться Васъ“, послѣ сего цесаревичъ занялъ свое мѣсто. Хотя Е. И. В. писалъ Государю, что онъ въ предстоящей войнѣ весьма-бы радъ служить подъ начальствомъ Ермолова, но онъ былъ весьма недоволенъ дѣйствіями сего генерала во время пребыванія его въ Варшавѣ. Онъ въ присутствіи многихъ лицъ, сказалъ ему: „Государь „желаетъ слить Польшу съ Россіей, но вы, поль„зуясь огромною репутаціею въ арміи, выказываете

„явное пренебреженіе къ полякамъ; вы даже не „хотѣли принимать явившихся къ вамъ польскихъ „министровъ.“ Ермоловъ возразилъ ему на это: „Меня въ грубомъ обращеніи относительно подчи„ненныхъ, а тѣмъ менѣе поляковъ, никто не мо„жетъ упрекнуть; подобными качествами можетъ „лишь щеголять молодый и заносчивый корнетъ „уланскаго полка вашего императорскаго высо„чества!“ — Что же перемѣнилось въ Россіи до сихъ поръ! —

ВЕЙМАРЪ:
въ типографіи Г. Ушмана.

WEIMAR:
Druck von G. Uschmann.

	М. пф.
Общество пропаганды въ 1849 г. Собраніе секретныхъ бумагъ и высочайшихъ конфирмацій (1875)	2 —
Отголоски 14 декабря 1825 г. Изъ записокъ одного декабриста (1903)	2 —
Памяти братьевъ Бестужевыхъ. Выдержки изъ современныхъ записокъ декабристовъ (1880)	— 75
Письма изъ Россіи (1805—1807) мисеъ Катринъ Уильмотъ. Переводъ съ англійскаго (1876)	1 —
Политическія понятія русскаго простолюдина въ сказкахъ (1896)	3 —
Присутственный день уголовной палаты. Судебныя сцены изъ записокъ чиновника очевидца (1874) . . .	1 —
Прогрессъ въ Россіи и ея будущее. Старые совѣты для новаго разсмотрѣнія (1904)	2 50
Процессъ пятидесяти сужденныхъ за соціально-революціонную пропаганду въ Иваново-Вознесенскѣ, Тулѣ, Кіевѣ и Москвѣ (1886)	1 50
Путешествіе изъ С.Петербурга въ Москву А. Радищева въ 1790 г. (1876)	3 —
Сибирь и русское правительство. Нѣсколько объяснительныхъ замѣтокъ и документовъ изъ прошедшаго времени (1877)	2 —
Скопческія духовныя пѣсни и нѣчто изъ богослуженія скопцевъ въ Россіи (1379)	1 —
Собраніе запрещенныхъ стиховъ и прозы (1875) . .	2 —
Тайное общество и 14 декабря 1825 г. (1875)	4 —
Тюрьма и ссылка. Образцы изъ жизни политическихъ заключенныхъ въ Россіи (1905)	2 50
Финансовое положеніе Россіи. Взглядъ на государственное хозяйство императора Николая I по 1866 годъ (1881)	1 —

Застольныя рѣчи В. Д. Спасовича 1873—1901 г. (1903)	2 —
Политическіе итоги. Очеркъ варшавскаго публициста. Русская политика въ Польшѣ (1896)	1 —
Польскій вопросъ въ Россіи. Открытое письмо къ русскимъ публицистамъ польскаго дворянина (1896) . .	1 50
Религіозно-политическіе идеалы польскаго общества. Очеркъ М. Урсина. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого (1896)	1 —